

Более чем про это

От автора

Самое удивительное, что я никогда не интересовался судьбой Маяковского и не очень тяготел к его стихам, но почему-то именно мне было суждено раскрыть тайну его смерти. Так уж сложилось, что в минуты душевных невзгод я предпочитал погружаться в лирику других стихотворцев. Находить утешение в луженых стихах Маяковского не приходило в голову. Отвращение к нему мне привили в школе, где литературная гениальность писателей соизмерялась с преданностью партии.

О трагической судьбе поэта я задумался в середине девяностых. В то время я писал книгу о современных артистах и однажды попросил актера Евгения Леонова дать мне интервью. Мы встретились с ним в буфете Ленкома на втором этаже. Я знал, что у народного любимца тысячу раз брали интервью и он тысячу раз отвечал на одни те же вопросы, поэтому во время беседы актер, скорее всего, будет скрывать зевоту. По этой причине я решил начать разговор нестандартно. Я узнал, что Леонов страстно любит поэзию, и его любимый поэт — Леонид Мартынов.

Евгений Павлович охотно заговорил о поэзии и признался, что, кроме Мартынова, он еще обожает раннего Маяковского. Как человек, не очень хорошо знакомый с творчеством революционного поэта, я вспомнил нашу-мевшие публикации про его убийство сотрудниками ОГПУ. Вспомнил исключительно для того, чтобы поддержать разговор. Но Леонов хитро прищурился.

— Совершенно точно знаю, что Маяковский выстрелил в себя сам, — сказал Леонов. — Никаких чекистов по близости не было. Журналисты слышали звон, да не знают, где он.

После того, как Евгений Павлович насладился моим удивлением, он в мельчайших подробностях рассказал о том, что произошло 14 апреля 1930 года на Лубянской квартире поэта. Я открыл рот. Открыл искренне, а не из вежливости.

— Вы так рассказали, Евгений Павлович, как будто лично присутствовали при этом.

Глаза актера сделались лукавыми.

— Считайте, что я лично присутствовал при этом, — ответил Леонов.

Несмотря на мое невежество, я не мог не знать, что последней женщиной, с которой виделся поэт, была двадцатидвухлетняя актриса МХАТа Вероника Полонская. Только потом я сообразил, каким образом Леонов мог так подробно знать о смерти Маяковского. Полонская была женой актера Михаила Яншина, а Яншин — первейший учитель Леонова, который передал ему свою прославленную роль Лариосика в спектакле «Дни Турбиных». Яншин вполне мог рассказать Леонову о том, что знал сам. А знал он немало.

Мне было понятно, что многое в самоубийстве поэта не договаривалось властями. Показания свидетелей корректировались, вещественные доказательства подменялись. Да и Полонская в своих воспоминаниях, которые вышли

через восемь лет после трагедии, не сказала всей правды. И нетрудно догадаться, почему.

Истинную правду она могла рассказать только единственному человеку — своему мужу, для которого известие о том, что его жена имела любовные отношения с Маяковским, было потрясением. Официально признано, что причиной развода Яншина с Полонской послужила открывшаяся мужу правда о неверности жены. Но так ли это? Они развелись только в 1933 году. Чем же оправдалась Вероника Витольдовна перед мужем в тот день 14 апреля 1930 года, когда она бледная и испуганная возвратилась домой? К этому времени уже вся Москва трубила о самоубийстве поэта.

После этого супруги прожили еще три года. Правда, потом расстались. Но отнюдь не из-за Маяковского, раскрывшего имя замужней женщины в своем предсмертном письме, а из-за того, что Михаил начал увлекаться юными артистками из театра Ромэн. На одной из них, Наталье Киселевой, известной, как Ляля Черная, он через несколько месяцев после развода женился.

После интервью с Леоновым мне захотелось почитать стихи и письма Маяковского, но я так и не почитал. Закрутился и забыл, как это бывает.

Два года спустя я встретил на улице своего бывшего однокурсника по Литературному институту. Мы поехали с ним в Переделкино. Там на даче, к нам, веселой компании однокашников, присоединился сторож пансионата писателей дядя Гриша, который, после первой рюмки начал бить себе кулаком в грудь и уверять, что его дед, был очевидцем смерти Маяковского.

«Как? Еще один очевидец? — иронично сверкнуло в мозгах. — Да Маяковский меня просто преследует».

От сторожа отмахивались, как от мухи, но он продолжал молотить себе в грудь и брызгать пьяной слюной.

— Да клянусь! Мой дед был тем самым почтальоном, который видел, как с парадной лестницы сбегала женщина

с пистолетом в руках. А потом женщина побежала обратно.

Все рассмеялись, а меня пронзило словно молнией. Пьяный бред дяди Гриши совпадал с тем, что рассказывал мне Леонов.

— Как фамилия вашего деда? — спросил я.

— Сигалаев! — ответил сторож. — Тимофей Степанович.

Мой однокурсник скептически ухмыльнулся и весело подмигнул.

— Расслабься, дядя Гриш! Я читал протоколы. В числе свидетелей нет никакого Сигалаева.

— Совершенно верно! Нет! — нахмурился сторож. — В деле вообще нет никаких свидетелей, даже книгоноши Локтева, который заглядывал к Маяковскому в комнату за пять минут до выстрела. А мой дед после своих показаний получил двадцать лет лагерей. Правда, его выпустили в тридцать восьмом, после того, как расстреляли Агранова.

Вот после этих посиделок в Переделкино у меня и пробудился резвый интерес к Маяковскому. Сначала — к его гибели, потом — к его творчеству. Я перечитал все его стихи, затем все, что о нем писали. Перерыл все архивы, и понял, что он был пешкой в той большой игре, в которую играло время.

— А знаете ли вы, что Маяковский был участником заговора против Сталина, — огорошил меня однажды один высокопоставленный генерал, узнав, что я собираю материалы о Владимире Владимировиче. — И Сталин это знал. Однако продолжал считать его лучшим поэтом современности.

Подтверждение словам генерала я нашел позже в одном протоколе. К этому времени я перелопатил кучу архивных документов. Конечно, главная загадка в гибели поэта крылась в Лиле Брик, имевшей магическое влияние на него. Но я понял еще одну вещь. Для Лили Брик Маяковский был всего лишь предметом мести за холодность ее

мужа Осипа. Лиля сломала как личную, так и творческую жизнь гения. Оттого у него в стихах столько мрачного надлома. А ведь если бы не Лиля Брик, мы бы знали совсем другого Маяковского, величайшего из жизнелюбов.

Как удавалось Брикам удерживать Маяковского на крючке любви, и почему вместо счастливой жизни во Франции поэт выбрал трагическую гибель в России? На эти и другие вопросы я и попытался ответить, взявшись за эту книгу.

Часть первая Месть за холодность

Глава первая

Когда в ноябре 1891 года в семье присяжного поверенного юрисконсульта австрийского посольства Урия Кагана родилась первая дочь, ее решили назвать Лили. На этом настоял глава семейства, страстный поклонник немецкой поэзии. По его мнению, великий Гете, несмотря на несметное количество возлюбленных, официальных жен и тайных любовниц, через всю жизнь пронес любовь только к одной девушке — к шестнадцатилетней Анне-Элизабет Шенеман из Франкфурта-на-Майне, которая была его невестой, но которая так и не вышла за него замуж. Именно она, по мнению Кагана, вдохновила поэта на самые прекрасные стихи о любви, которые когда-либо рождались на земле, в том числе и на завораживающую элегию «Парк Лили».

— Пусть наша дочь будет музой такого же великого поэта, как Гете, — сказал отец семейства и сентиментально смахнул слезу.

— Пусть! — согласилась супруга и тоже прослезилась.

Елена Юрьевна, как и муж, была такой же страстной поклонницей искусства. Она окончила Московскую консерваторию и давала частные уроки по фортепьяно. Поэтому к стремлению Урия Александровича увековечить в дочери одну из самых прекрасных муз создателя Фауста отнеслась с пониманием. Впоследствии имя Лили с ударением на последний слог переименовалось в русскую транскрипцию Лиля.

Девочка росла весьма энергичной. Она была жизнерадостной и невероятно подвижной. Малышку радовало все. Некогда тихий дом еврейской семьи Кагана теперь ежеминутно оглашался звонким смехом. Лиля ни минуты не могла посидеть спокойно. Ей постоянно нужно было куда-то бежать, кого-то спасать, чем-то восторгаться. Излишне добавлять, что родители в дочери души не чаяли. Ее любили все: родственники, знакомые, служанки, кухарки. Даже на улице на нее все обращали внимание. На девочку невозможно было не обращать внимания: тоненькая, изящная, с огромными карими глазами, которые постоянно горели škодливым огнем. Ее волосы были ярко рыжими, а вид — более чем независимым.

Когда через несколько лет, в семье родилась вторая девочка, которую назвали Эльзой, также в честь героини стихов Гете, старшая сестренка, которой едва стукнула пять, энергично взялась за ее воспитание. Она проявляла такую недожиданную самостоятельность, что мама доверяла дочке пеленание младенца и самостоятельные прогулки по Покровке, на которой жила семья.

Эльза, в отличие от сестры, была чистым ангелом: огромные голубые глаза, вьющиеся белокурые локоны. Она росла ласковой и послушной. Когда улыбалась, все вокруг озарялось. Свою сестру, нянчившую ее с младенчества, Эльза обожала.

— Вот кто будет истинной музой великого поэта, — говорила Елена Юрьевна.

И Урий Александрович соглашался. Эльза, конечно, классическая муза. Но и по поводу своей старшей дочери он не терял надежды. Глава семейства замечал, что его старшая, несмотря на некоторую угловатость, всегда становилась центром внимания мальчиков. «И чем только берет? — удивлялся родитель. — Ведь кожа, да кости...»

Но брала она, разумеется, горящими глазами и неистойвой радостью к жизни. Когда однажды на новогоднем балу за Лилей в очередной раз увязалась толпа мальчиков, Елена Юрьевна иронично подмигнула мужу:

— Если бы Гете увидел, его бы вдохновило на новую элегию: «Полк Лили».

В гимназии Лиле прощалось все. Она обаяла всех преподавателей, особенно сорокалетнего учителя словесности. Как только девочка входила в класс, глаза учителя словесности делались масляными. Это замечали все: и учителя, и ученики. Только сама Лиля по малости лет еще не осознавала, какой притягательной силой она обладает для мужчин.

Мать заметила, что дочка не любит долго сидеть перед зеркалом, как все девочки. Прихорашиваться было не в ее манере. Особенно она ненавидела тщательно расчесываться и укладывать волосы. Однажды в первом классе гимназии, собираясь на занятия, девочка подошла к зеркалу и вместо расчески взяла ножницы. Не произнеся ни слова, она безжалостно оттяпала свои косы и расплылась в счастливой улыбке. Елену Юрьевну едва не хватил удар. Она кинулась к дочери и принялась трясти ее за плечи.

— Господи, что ты наделала!

— Я хочу быть как все, — ответила Лиля.

Подошла трехлетняя Эльза, взяла со столика ножницы и поднесла к своим божественным кудрям с явным намерением повторить подвиг сестры. Однако мать пресекла революционное намерение малышки.

В четвертом классе, когда волосы снова отросли, и их снова нужно было укладывать вокруг головы, Лиля под-

говорила весь класс явиться в гимназию с распущенными волосами и таким образом зайти на молитву. Такой поступок в гимназии котиrowался как революционный переворот. Учитель богословия испытал потрясение и забыл все молитвы. Прибежали преподаватели и директор гимназии. Спросили, что это значит? Девочки ответили: это значит, что они протестуют. И в ультимативной форме потребовали автономии Польши.

Как потом напишет в воспоминаниях сама Лиля Юрьевна, причиной переворота в гимназии послужило то, что у нее были очень тяжелые косы, которые заставляли ежедневно укладывать вокруг головы, и от этого голова болела.

Глава вторая

Впрочем, был 1905 год. В стране бушевала революция. Москву лихорадило. Строились баррикады, перекрывались улицы. По ночам звучали выстрелы, и наутро у дома можно было наткнуться на труп. Революционные процессы не могли не захватить Лилю, которой в это время было тринадцать. Вечерами она с подругой бегала на митинги, чем доводила родителей до иступления.

Отец несколько раз перехватывал дочь в подъезде. Он хватал ее за кудрявую гриву и втаскивал обратно в квартиру. Дрожа от страха и негодования, он кричал на весь дом, что в такой час она выйдет на улицу только через его труп.

— Ты понимаешь, что идут еврейские погромы? Со дня на день могут нагрянуть и к нам!

Но, похоже, Лилю не пугали погромы. И ничто не могло ее остановить. Не справившись с родителем в рукопашную, она изливала досаду в рыданиях, потом делала вид, что отправляется спать. А сама удирала на улицу через черный ход.

Девочка возвращалась глубокой ночью с горящими глазами. На улице шли бои. Разносились слухи об убийствах, грабежах и насилиях. Каждый раз после исчезновения дочери из дома родители мысленно прощались с ней. Однако Лиля возвращалась с кипой революционных брошюр и начинала обвинять родителей в несознательности.

Чрезмерная революционная активность девочки проявилась и в гимназии. Она организовала подпольный кружок по изучению политической экономии. Руководителем кружка избрали старшего брата одной из классных активисток. Семнадцатилетний брат Веры Ося Брик как нельзя лучше подходил для лидера подпольного кружка. Он учился в восьмом классе 3-й гимназии, находящейся неподалеку, и его только что исключили за революционную пропаганду.

Осю знали все девочки класса, поскольку он ежедневно заходил за сестрой. И все без исключения были в него влюблены. Каждая вырезала перочинным ножом на парте имя юноши, симпатичного и элегантного, а также умного до умопомрачения. Что касается Лили, то в тот период мальчики ее не интересовали. Зато она живо интересовалась великими потрясениями, которые бушевали в стране. Столь популярного среди одноклассниц Вериного брата она даже не видела.

Первое занятие в кружке решили провести на квартире у Жени. Вечером за Лилей зашла Вера с серьезным юношей невысокого роста. Лиля недоуменно осмотрела его с ног до головы.

— Я Верин брат, — пояснил юноша и почему-то нахмурился.

После подпольной лекции Вера шепотом спросила у Лили.

— Как тебе мой брат?

— Очень понравился, — деловито одобрила Лиля. — Как руководитель группы — непревзойденный. Умный и образованный!

После этого было еще два подпольных занятия, а третьего — не состоялось. В Москве объявили военное положение и запретили появляться на улице после наступления темноты.

Семья Кагана по вечерам сидела дома с плотно занавешенными окнами, прислушивалась к тому, что происходит на улице, и разговаривала полупрошепотом. Было тревожно. Отец отправлял семейство в спальню, а сам доставал из сейфа револьвер, клал его перед собой на стол и начинал раскладывать пасьянс. Он не спал всю ночь, охраняя семью от еврейского погрома.

Лиля еврейского погрома не боялась. Она опасалась обыска полиции. В ее комнате находилась куча запрещенной литературы. Карточка Марии Спиридоновой и фотография лежащего в гробу Николая Баумана были спрятаны у нее под постелью. Когда среди ночи раздался звонок, Лиля выпрыгнула из кровати, выхватила из-под матраса запрещенные фотографии, выгребла из письменного стола пропагандистские брошюры и понеслась в уборную. Там она все порвала в клочья и спустила вниз. Затем пришла в гостиную. Отец сидел за столом и по-прежнему раскладывал пасьянс. С правой стороны от него лежал револьвер.

— Кто звонил? — с тревогой спросила дочь.

— Швейцар, — ответил отец. — Попросил поплотнее закрыть окна. Мимо прошла вооруженная толпа...

На второй день разнеслись слухи, что в Москве громят еврейские лавки и вовсю орудуют черносотенцы. На Покровке стало опасно. Отец объявил, что они переезжают в гостиницу.

— Ни за что! — воспротивилась Лиля. — Нам надо объединиться и вооружиться! А мы прячемся, как крысы. Нас потому и бьют, потому, что мы не защищаемся!

Лиля схватил со стола револьвер, но отец его отнял и запер в сейф. Мать едва не свалилась в обморок. Она панически боялась оружия, и не понимала, как ее дочь так бесстрашно дотронулась до пистолета.

Крик души тринадцатилетней девочки услышан не был. Семья перебралась в гостиницу. Через три дня вооруженных бунтовщиков оттеснили на окраины Москвы. Каганы возвратились домой. Первый телефонный звонок, который раздался в квартире по возвращению семейства, изошел от Оси. Его голос был взволнованным.

— Лиля, куда же вы исчезли? Я за вас так переживал.

Осиному звонку удивились все, кроме Лили. Отец с матерью переглянулись, а девятилетняя Эльза расплылась в понимающей улыбке. Но Лиля не заметила недоумения родителей и хитрой улыбки младшей сестры. Она в довольно воинственных тонах рассказала молодому человеку, как они позорно отсиживались в гостинице, вместо того, чтобы держать героическую оборону на баррикадах от пьяных погромщиков. Ося слушал молча. Затем неожиданно сказал, что сейчас ходить по улицам молоденьким гимназистками очень опасно.

— Не будите ли вы против, Лиля, если я буду вас сопровождать? — спросил он.

— Ну что вы, Ося! — горячо воскликнула гимназистка.

— Неужели вы думаете, что я боюсь...

На этих словах Лиля осеклась и сообразила, что предложение Оси продиктовано не только опасением за ее безопасность. Следом припомнился странный вопрос Веры по поводу того, как ей понравился брат? А ведь она спросила только у нее. А у Жени с Лизой не спросила.

— Конечно, я не против, чтобы вы меня сопровождали, — ответила Лиля. — Но боюсь вам скоро надоест.

Глава третья

После этого Ося звонил каждый день. В ноябре, когда Лиле исполнилось четырнадцать, беспорядки на улицах прекратились. Молодые люди начали встречаться довольно часто. О подпольном революционном кружке при-

шлось забыть, и на тайные встречи гимназистки больше не созывались. О несознательности масс также предпочитали не вспоминать, тем более что массы осознали после казачьих нагаек, что революция — не способ борьбы с произволом. В Москве снова воцарилось спокойствие. Молодая пара бродила по тихим московским улочкам. Ося читал свои стихи, а Лиля восторгалась. Затем они вели беседы на всякие философские темы.

— Судя по фамилиям, мы с тобой оба из рода жрецов, — просвещал спутницу юноша. — Фамилия Каган говорит о том, что твои предки были Коэны. А фамилия Брик — это аббревиатура, которая расшифровывается как Бен рабби Иосиф Коэн.

— Иосиф? — переспросила гимназистка.

— Ну да! — подтвердил юноша. — Родители меня называли Иосифом. Но потом мое имя изменили на русское — Осип.

— И правильно сделали, — согласилась Лиля. — Осип — лучше.

— Не думаю, — покачал головой Осип. — Имя накладывает отпечаток на характер человека. Иосиф — имя более одухотворенное, и означает «Божья награда». И еще означает «Служащий разуму, а не страстям». А Осип всего лишь означает «Извлекающий прибыль».

— Разве это плохо? — удивилась Лиля.

— Я не сказал, что это плохо. Но это — более приземлено. Еврейское имя моего отца Меир, что означает «Излучающий свет». Но, решив ассимилироваться среди русских, он переделал свое имя на Максим. А это от латинского «Максимус». Что означает «Величественный».

— Величественный лучше, чем излучающий свет, — ответила Лиля. — Излучающий свет — звучит слишком по-библейски. Ведь вы не верите в Бога, Ося?

Юноша пожал плечами и замолчал. Пара некоторое время шла молча. Потом девушка рассмеялась.

— А меня родители назвали в честь возлюбленной Гете, — сказала Лиля. — Ее полное имя я до сих пор не могу выучить. Помню только, что у нее еще было имя Анни.

— Да-да, — кивнул Ося. — Анни-Элизабет Шенеман. Потрясающая элегия «Парк Лили». Вот послушайте, Лиля! Даже на русском языке она звучит, как колдовство:

На свете не было пестрей
Зверинца, чем Зверинца Лили.
Какие чары приманили
Сюда диковинных зверей?

Осип умолк и угрюмо нахмурился.

— Почему вы не читает дальше, Ося? — спросила Лиля.

— Лучше бы они тебя назвали Анни, чем Лили, — ответил юноша. — Лили от имени Лилит. И оно означает — великая блудница.

Девочка снова весело рассмеялась. Но слова юноши как-то неприятно царапнули душу. Что-то такое непонятное и вязкое стало разливаться по телу.

— Неужели вы во все это верите, Ося? — сказали Лиля. — Как вы можете? Ведь вы же поэт!

Ося не ответил. Только интеллигентно и как-то не по годам мудро улыбнулся.

В ту ночь Лиля долго не могла заснуть и все думала об Осе: какой он умный, элегантный и спокойный. А какой красивый и скромный. В такого, пожалуй, можно влюбиться.

Новый год Лиля справляла у Веры. После елки Ося отправился провожать ее домой. Когда они сели на извозчика, Ося неожиданно спросил:

— А не кажется вам, Лиля, что между нами что-то большее, чем дружба.

Сверху из черной бездны сыпал снег. Он мягко оседал на ресницах и таял на щеках. Дышалось легко. Настроение было романтическим.

— Да, кажется, — ответила Лиля и впервые в жизни смутилась.

Девушка отвернулась и всю дорогу молчала, удивляясь тому, что она, оказывается, способна смущаться. «Не иначе любовь», — подумала она.

После этого они стали встречаться каждый день. Лилия вела себя так, как подобает вести себя возлюбленной поэта. При встрече она преданно заглядывала ему в глаза. Затем, вынув кисть из муфты, просовывала ее под Осину руку и слегка прижимала его локоть к своей груди, чем немного смущала студента. Ося к этому времени уже учился в Юридическом университете. А в гостях у Бриков, как только Ося располагался с книгой на подоконнике, Лилия опускалась на коврик у его ног. Если он садился в кресло, девушка садилась на подлокотник и обвивала рукой его плечи. Осе это не нравилось. Он снимал ее руку и хмурился. Иногда уходил в другую комнату, оставляя Лилию со своей сестрой Верой. По гимназии разнеслись слухи, что у Лилии с Вериним братом любовь, как у Ромео с Джульеттой.

Девочка стала замечать, что на нее с интересом поглядывают не только старшекурсницы, но и преподаватели. А сочиняющий стихи учитель словесности однажды посвятил гимназистке стихотворение. Лилия пришла домой и прочла стихотворение учителя родителям.

— Это чьи? — поинтересовался отец.

— Мои! — не моргнув, ответила Лилия и сама удивилась, что с такой легкостью соврала.

Родители были восхищены. Это стихотворение они потом читали гостям, и гости пророчили девочке мировую славу, как у греческой поэтессы Сапфо.

Но окончательно Лилия поняла, что обладает завораживающей силой весной 1906 года. Они шли с мамой по Петровке. И вдруг мимо них пронесся экипаж. Экипаж доехал до угла, развернулся и полетел им навстречу. Когда лошади поравнялись с женщинами, на землю соскочил

певец Федор Шаляпин. Он подошел к дамам раскланялся и, не сводя с Лили глаз, произнес:

— Простите, но я не мог проехать мимо таких красивых дам.

Елена Юрьевна растерялась, а Лиля шаловливо улыбнулась и снисходительно протянула руку для поцелуя. Певец с трепетом поцеловал поднесенную ему ручку и принялся с жаром приглашать на свой концерт в Большой театр, причем в свою личную ложу.

В театр они сходили втроем. Прихватили еще девятилетнюю Эльзу. После концерта Шаляпин пришел к ним в ложу и стал настойчиво звать в ресторан. При этом он такими сладострастными глазами смотрел на Лилю, что Елена Юрьевна подумала: «Певец он, конечно, великий, но и шалун немалый. Дочку от него лучше спрятать».

От ресторана пришлось отказаться. Но о том, что четырнадцатилетнюю дочку Кагана приглашал в собственную ложу сам Шаляпин, на другой день судачила вся Покровка. Да что Покровка! Судачили об этом и в гимназии, причем от старших классов до младших.

За Лилей начали ухаживать не только старшие братья ее одноклассниц, но и мужчины довольно взрослого возраста. Было весело. Однако чем больше поклонников возникало у Лили, тем мрачнее и неразговорчивее становился Ося, с которым она продолжала встречаться.

Однажды после того, как Лилю проводил до дома взрослый брат Тани и поцеловал руку, из темноты вышел Ося. При виде него Лилю охватила радость, а новый ухажер, притворно вздохнув, помпезно удалился.

Лиля приблизилась к Осе, взяла его под руку и преданно заглянула в глаза. Но Ося хмуро отвернулся.

— Нам не нужно больше с тобой встречаться, — неожиданно пробормотал он.

— Почему? — удивилась Лиля.

— Я в тебе ошибся. Прости!

Он вырвал свою руку и быстрым шагом удалился в темноту.

Глава четвертая

Лиля нисколько не огорчилась уходом ухажера и поняла, что Осино решение не более чем игра. Ося ревнует и хочет от нее девичьих слез и клятвенных уверений в верности. Но клятвенных уверений в верности Лиля никак не могла ему предоставить. У нее начался экспериментальный период по оболваниванию мужчин разных возрастов.

Лиле было интересно наблюдать, как под ее смеющимся взглядом умные мужчины начинали глупеть, причем, все без исключения, будь то юноша бледный со взором горящим, либо дядька пузатый с испариной лобной. Учитель словесности, например, был уже у нее в руках, и стоило ему приказать, он отправится с ней на баррикады. Все дело в том, что баррикад уже не было. Шаляпин тоже был у нее в руках. Стоило поманить пальцем, и он прибежит к ней с высунутым языком. Но мама высунутый язык Шаляпина пресекла на корню. На данный момент Лилю интересовали взрослые братья Тани. Причем, все трое. К ним в дом приходила целая толпа друзей.

На второй день после гимназии Лиля напросилась к Тане делать уроки. Как и ожидалось, едва она переступила порог ее дома, сразу сделалась центром внимания не только Таниных братьев, но и их товарищей — четырех блестящих кадетов. Словом, день удался.

Танька счастливая. У нее полный дом мужчин, и в нем с утра до вечера звучат остроты и двусмысленные анекдоты. Таня стала лучшей подругой. Лиля ежедневно приходила к ней делать уроки и близко подружилась со всей компанией.

К концу учебного года в Охотничьем клубе устраивали гимназический бал. Лиля с Таней вызвались быть распо-

рядительницами. Они нарядились в элегантные платья с большими белыми воротниками, украсили себя красными распорядительскими бантами, на плечи нацепили бутоньерки, а ноги облачили в лакированные туфли. Юных дев немедленно окружили красивые молодые мужчины, которые много острили и наперебой приглашали танцевать.

Девушки от такого внимания раздумялись и сделались еще привлекательнее. Вот в эту великолепную минуту, когда вокруг Лили топталась толпа эффектных молодых людей, упражняющихся в остроумии, в зал вошли Ося с Верой.

Увидев свою возлюбленную во всем великолепии, Ося переменялся в лице. Сначала он отвернулся и сделал вид, что не заметил Лилю, затем не выдержал и направился к ней через весь зал. «Ага, — схибно подумала девушка, — все-таки не вынес разлуки». На фоне высоких эффектных молодых людей Ося выглядел бледно. Он подошел и пригласил на вальс.

— Спасибо, но я устала, — отрицательно покачала головой Лилия.

В это время подошел кадет и сделал пригласительный поклон. Чаровница тут же расплылась в улыбке, положила ему на плечи руки, и они, кружась, поплыли по залу под одобрительные взгляды подруг.

Лилия заметила, как помрачнел Ося. От этого на душе запели соловьи. В тот вечер Лилю снова провожал Танин брат. Довезя до дома, он сначала поцеловал руку, затем нагло впился своими колючими усами в губы. От него несло вином и табаком. Лиле не понравилось. Она оттолкнула его с намерением выразить возмущение, но вместо этого по обыкновению рассмеялась.

Наутро позвонил Ося. Он предложил в компании Верочки и двух ее подруг сходить вечером в оперу на «Манон Леско». Сказал, что у них заказана ложа. Лилия поняла, что в этой игре, которую начал Ося, она победила. И дала согласие.

После спектакля Ося провожал ее до дома. У подъезда он неожиданно поцеловал девушку. То ли потому, что это было впервые, получилось как-то суетливо и неуверенно. Ося, видимо, намеривался поцеловать в губы, но Лиля увернулась, и получилось в шею, причем, весьма неуклюже, как-то шиворот-навыворот.

Лиля рассмеялась и забежала в подъезд. Прежде, чем закрыть за собой дверь, она оглянулась. Ося был грустным и немного подавленным. Именно в эту минуту сердце юной девы наполнилось какой-то дурашливо жалостливой нежностью. Такого с ней еще не было.

Через несколько дней Лиля с мамой уезжали в Тюрингию. Расставание с Осей было тяжелым. После торопливых объятий и возвращения домой, Лиля поняла, что не сказала Осе самого главного, что она его любит.

Путешествие не сгладило тоски. Из Фридрих-Рода Лиля написала возлюбленному пылкое любовное письмо. Но ответа не последовало. Она написала еще, затем — на следующий день и на третий. Абсолютное молчание! Каникулы были испорчены. Каждое утро начиналось с того, что Лиля бежала на почту и спрашивала, нет ли ей письма из Москвы. Наконец на шестнадцатый день ей протянули конверт. На конверте Осин почерк.

Лиля радостно побежала в сад, отыскала пустую скамейку и разорвала конверт. То, что она прочла, повергло ее в шок. Ни одного теплого слова. Дежурное письмо, в котором Ося рассказывал про погоду в Москве и про их общих знакомых. А где же о чувствах?

Лиля истерически разорвала письмо в клочья, прибежала домой и бросилась лицом в подушку. Она пролежала до вечера и решила больше никогда не писать Осе. Более того, она решила навсегда забыть его. Но, увы! Прошел день, другой, неделя. Лиля все еще надеялась получить от него письмо. Но он не писал. Осю, видимо, это не удивляло. «Да он же на это и рассчитывал!» — неожиданно со-

образила Лиля и вдруг поняла, что проиграла в этой игре в чувства, которую затеял Осип.

Однако то, что творилось с Лилей, уже нельзя было назвать игрой. Девочка всегда считала себя сильной, способной выдержать любые испытания, даже пытки, или распятие на кресте, но испытание нелюбовью оказалось ей непосильным. Лилия поняла, что этот мир для нее приемлем только в том случае, если ее любят. Чтобы ее любили все без исключения — от молодых красивых мужчин, до сгорбленных морщинистых старух. Лилия с детства делала все возможное, чтобы ее любили. Это не так сложно. Нужно всего лишь улыбаться и вплетать в улыбку обожание. Но с Осей оказалось не так. И без его любви теперь все было не мило.

У девочки от горя полезли волосы и начался нервный тик. Мама качала головой, прекрасно видя, что творится с дочерью, но, по возможности, не вмешивалась. Однако зорко наблюдала за состоянием старшей дочери.

Однажды она отследила, как Лилия купила в аптеке упаковку снотворных таблеток. «Понятно, — подумала Елена Юрьевна. — Хочет отравиться. Бывает. С этого все начинают».

Елена Юрьевна и сама в пятнадцатилетнем возрасте выпила упаковку таблеток, пытаясь покончить с жизнью из-за неразделенной любви к одному блестящему офицеру. Но сразу после этого она с плачем прибежала к родителям и закричала, что не хочет умирать. Родители умереть не дали. Вызвали доктора, откачали молоком и клизмами. Девушка на всю жизнь запомнила ту кошмарную ночь и тот ужасный промозглый мрак, который начал вползать в нее, едва она приняла отраву. Тогда-то она и поняла, что дороже жизни нет ничего.

Словом, мудрая Елена Юрьевна ожидала такой поворот событий и была готова к нему. Отнять у дочери упаковку снотворного и учинить со слезами скандал — это только

усугубить ее намерение расстаться с жизнью. Лиля должна ощутить затылком это промозглое дыхание смерти.

Перед сном мама обыскала постель дочери и, найдя под подушкой снотворные таблетки, коварно заменила их на слабительные. Лиля выпила упаковку и легла спать в полной уверенности, что утром не проснется. Однако она проснулась среди ночи и резво побежала в уборную. Возвратившись в спальню, она с досадой подумала, что купила какие-то не те таблетки, но все равно еще надеялась умереть до второго позыва. Вошла мама и по ее тонкой едва сдерживаемой улыбке Лиля поняла все. За мамой тихо вошла Эльза. Ее лицо было испуганным.

— Все равно я не буду жить, — упрямо всхлипнула Лиля и уткнулась лицом в подушку.

Мама присела на кровать и нежно провела рукой по волосам.

— А стоит ли он того, Лиличка? — осторожно спросила она.

— Конечно, не стоит! — зарыдала девушка. — Но что мне делать, если он меня не любит.

Елена Юрьевна снова подавила улыбку и иронично произнесла:

— А ты, как говорят извозчики... наложи!

— Мама! — вскричала Лиля, вскакивая с кровати. — Зачем напомнила!

Она схватилась за живот и снова побежала в уборную. Вслед ей раздался ехидный мамин смешок и веселый хохот Эльзы. В уборной Лиля решила, что Ося не стоит того, чтобы накладывать на себя руки. Вот на него наложить — это самое разумное. Ведь стоит Лиле свистнуть — все мужчины побегут за ней словно табун за фаворитом. А свистит он прекрасно. В два пальца.

Девочка вернулась в комнату и легла в постель, поджав коленки. Мама нежно погладила по щеке.

— Ты знаешь, он тебя просто ревнуют. Это обычное дело, когда мужчины скрывают свою ревность под маской холодности и равнодушия.

— Если ревнует, значит, любит? — спросила Лиля.

— Конечно, — ответила Елена Юрьевна.

— И все равно это жестоко, — всхлинула девочка. — Я отомщу ему за холодность. Я ему так отомщу... Я ему всю жизнь испоганю...

Девочка решила больше не думать об Осе. Более того, она решила ему изменить с первым попавшимся студентом, чтобы отомстить за слезы.

Глава пятая

Несмотря на трагедию, едва не закончившуюся летальным исходом, Лиля не утратила своего дара обольщения. На душе было тяжело, настроение ужасным, однако во время прогулки на нее также с интересом посматривали празднично шатающиеся мужчины. Впрочем, Лиля считала, что обольщать мужчин не так уж и сложно. Нужно всего лишь искренне улыбаться, заглядывать в глаза и терпеливо слушать всю ту ахинею, которую обычно несут мужчины. При этом не забывать восторгаться и привирать, что он единственный такой умный во всем мире. Многие девушки думают, что достаточно жеманно сощурить глаза и впасть в меланхолическую задумчивость, и тогда мужчина, заинтригованный богатым внутренним миром барышни, тут же начнет терять голову.

Полнейшая чепуха! Мужчину не интересует внутренний мир барышень, потому что у барышень его попросту нет. Мужчину в первую очередь интересует он сам. И только иногда — волнующие формы барышень.

Лиля рано поняла заблуждение кисейных барышень, которые появляются на публике с опущенными глазами и ждут, когда мужчины отважатся на штурм их девственной

недоступности. Не ждать, а самим начинать штурм! Смело смотреть в глаза, озорно улыбаться, и тогда успех обеспечен.

Для профилактики Лиля заморочила в Бельгии головы двум гимназистам. Их лица в одну минуту из разумных превратились в блаженные. Затем Лиля нашла объект по-серьезнее — двадцатилетнего студента Фернана Бансара. После знакомства на студенческом балу он пригласил ее в театр.

— Верите ли вы в любовь с первого взгляда, Лиля? — спросил он, когда они возвращались из театра.

— Нет, — уверенно ответила юная дева, нехстати вспомнив про Осю. — Чтобы по настоящему полюбить, к человеку нужно присмотреться.

— Любить по-настоящему? — лукаво улыбнулся студент. — А, по-моему, — это самообман. Если человек способен любить, то он любит, а не присматривается. И любит не одного человека, а всех. А если он не достиг высот всеобщей любви, он надумывает себе ожидания настоящих, в кавычках, чувств.

Лиля удивленно посмотрела на собеседника.

— По-вашему, любовь — это когда любят всех?

— И не просто любят, а дышат любовью! — горячо подхватил студент и приблизил свои губы настолько близко, что Лиля почувствовала его дыхание.

Видит Бог, девушка, как могла, сохраняла серьезный вид, но тут не выдержала и расхохоталась. Студент отстранился, но не обиделся. Он, как ни в чем не бывало, продолжил свои умные рассуждения.

— Любовь всеобщая и любовь телесная, к сожалению, — ни одно и то же, — притворно вздохнул Фернан. — Только люди, не достигшие высот божественной любви, дорожат телесной любовью. А те, кто дорожат божественной любовью, с презрением отдают свое тело на поругание.

— Кого вы имеете в виду? — удивилась Лиля. — Женщин легкого поведения что ли?

— О нет, только не их, — поморщился студент. — Они телом зарабатывают деньги. Я имел в виду совсем иное. Вам ли этого не знать, Лиличка.

Девушка даже остановилась от неожиданности.

— Что вы имеете в виду, Фернан?

— То, что вы из рода жрецов, — пожал плечами студент. — А жрецы, как известно, владеют тайной высокой любви и равнодушны к телесным удовольствиям. Ведь вам известно, что жрицы по праздникам отдаются всем страждущим. Этим они показывают презрение к низменным страстям. Ведь вы тоже равнодушны к плотской любви, не так ли?

Девочка взглянула наглецу прямо в глаза, нисколько не смутившись шаловливым речам ухажера.

— Не знаю, — ответила она, лукаво блеснув глазами. — Еще не пробовала.

— Но когда-то надо попробовать, — сокрушенно вздохнул студент и снова приблизил свои губы к ее лицу.

Лиле были приятны эти разговоры и та манера соблазнения, которую избрал юноша. Он был не глупым, начитанным и остроумным.

— Даже не мечтайте! — строго произнесла соблазнительница и снова рассмеялась.

Так они дошли до дома. Назавтра договорились встретиться погулять. Что говорить, Лиле было с ним интересно.

На следующий день студент уже открыто приглашал к себе в гости, но Лиля не пошла, решив отложить мщение Осе на неопределенный срок.

Неизвестно, чем бы закончились отношения со студентом, если бы мама не заторопилась в Россию, отчасти из-за скороспелого увлечения дочери.

Они прибыли в Тифлис, и там, как потом запишет Лиля в своем дневнике, ей, четырнадцатилетней девочке, пред-

ложил руку и сердце один богатый татарин. Правда, весьма воспитанный, окончивший Парижский университет. Однако выходить замуж за татарина, хоть и с Парижским дипломом, пока не входило в Лилины планы.

В конце августа семья возвратилась в Москву. На третий день после возвращения наша героиня встретила в Каретном ряду Осю. Когда они поравнялись, у девушки закружилась голова. Ося был в пенсне и выглядел очень взросло. Лилия подумала, что если бы она в первый раз увидела его таким, то ни за что бы не полюбила.

Они поздоровались довольно сдержанно и поговорили весьма холодно. Лилия напустила на себя равнодушие и приложила усилия, чтобы не выдать своих истинных чувств. Когда они попрощались и собрались отправиться: каждый своей дорогой, Лилия не выдержала и выпалила:

— А я вас люблю, Ося.

Глава шестая

На пылкое признание девушки Ося, как всегда, отреагировал сдержанно. «Такой он человек, совершенно не эмоциональный!» — подумала девушка и решила больше никогда его не отпускать от себя, ибо страдания по причине его отсутствия — совершенно невыносимы.

Они снова начали встречаться, но уже не так часто. К тому же на частые встречи время не располагало. Ося без отрыва от университета занялся адвокатской практикой, а Лилию начали одолевать ухажеры.

В гимназии среди преподавателей у Лилии появился новый поклонник, преподаватель музыки Григорий Крейн. Он своим темпераментом затмил тихого учителя словесности. Узнав, что литератор сочиняет для Лилии стихи, которые гимназистка выдает за свои, Крейн сочинил для ученицы рапсодию. Лилия и без музыкальных занятий в гимназии прекрасно играла на фортепьяно. Как-никак,

мама — профессиональная пианистка. Однако учитель музыки задался целью сделать из девушки мировую знаменитость. Он назначал Лиле дополнительные занятия у себя дома, чем породил сальные сплетни в гимназии. Но гимназистку сальности подобного рода только радовали.

Летом снова пришлось расстаться с Осей, потому что мама отправила Лилю к бабушке в Польшу подальше от сплетен. Однако там случилось то, чего родители никак не ожидали. В Лилю страстно влюбился собственный дядя и потребовал от Урия Александровича ее руки. Дочь пришлось срочно возвращать в Москву.

Когда девушка вернулась домой, ее душевное равновесие снова было омрачено Осей. Точнее, его адвокатской практикой без отрыва от университета. Он начал защищать от полиции женщин легкого поведения, причем, бесплатно. И те, по слухам, в знак благодарности расплачивались с ним любовью. Лиля впервые ощутила когтистую руку ревности. Она металась по комнате, плакала и срывалась на своей младшей сестре Эльзе, которая приходила в ее комнату успокаивать. Как кляла себя Лиля за то, что прошлым летом не отдала свою невинность студенту Фернану.

Страдалица решила забыть про Осю и возобновить свой вялотекущий роман с учителем музыки. Учитель музыки в конечном итоге и лишил ее невинности. Это случилось у него дома, на диване, второпях. После урока на фортепиано они поужинали, и его сестра отправилась на кухню мыть посуду. Вот за эти пять минут все и произошло.

Лиля возвращалась домой подавленная. Любовь с учителем на диване ей крайне не понравилась. Она думала об Осе, и еще думала, что ее чистая любовь к нему теперь опошлена на всю жизнь. Чтобы не видеть Крейна, который стал ей ненавистен, Лиля перестала ходить на его уроки. Это породило множество толков. И не без оснований. Лиля забеременела. Прежде, чем обрадовать этой новостью родителей, Лиля встретила с Осей и все

ему рассказала. Она поклялась ему, что аборт делать не будет, а родит ребенка, несмотря ни на что. Ося долго молчал, затем благородно предложил выйти за него замуж, чтобы никто не узнал о ее позоре. Лиля посмотрела ему в глаза, буркнула что-то неопределенное, после чего побежала домой. Дома она заявила, что бросает учебу и выходит замуж за Осю. Мама все поняла.

— Какой срок? — деловито осведомилась она.

— Больше месяца, — призналась дочь.

— Преподаватель музыки? — сощурилась Елена Юрьевна.

Лиля молча кивнула.

— Бедный наш папа. Он не переживет такого позора.

Вечером, услышав эту новость, отец схватился за сердце. После чего достал из сейфа револьвер и собрался выбежать из дома, но женщины его удержали. Потом все дружно заплакали. В конце концов, отец вспомнил, что у него в Армавире живет знакомый гинеколог.

— Папа, я оставлю ребенка! Я не хочу делать аборт. После аборта я могу стать бездетной!

— Молчи! — вскричал отец. — Я не хочу позора на свою голову.

— Позора не будет! — попыталась убедить Лиля. — Я выйду замуж за Осю.

Глаза отца сделались белыми от бешенства.

— Ты хочешь, чтобы он всю жизнь ненавидел твоего ребенка, а тобой брезговал?

Скандала в гимназии миновать не удалось. Учителя музыки уволили. Лиле пришлось прервать учебу и отправиться по настоянию родителей в Армавир. Ее отправили так поспешно, что она не успела попрощаться с Осей. Впрочем, с Осей она уже не надеялась возобновить отношения и поклялась себе, что если останется жива после операции, то выйдет замуж за первого встречного. Предчувствия были дурные. И они ее не обманули.

Все прошло очень неудачно. После чистки долго не могли остановить кровотечение. Лиля уже попрощалась с жизнью, но к счастью, или, наоборот, к несчастью, она выжила.

Но случилось то, чего она так смертельно боялась. Врач сказал, что она никогда не сможет иметь детей. «Прощай, Ося! — мысленно прошептала девушка. — Теперь я никогда не смогу выйти за тебя замуж».

Лиля полагала, что без детей семьи быть не может. Теперь ей, бездетной, нельзя связывать собой Осю. Он и без того настрадался. Теперь ей даже замуж нельзя за первого встречного. Только за вдовца, у которого куча детей.

Восстанавливать силы Лилю отправили в Дрезден. Там она с мамой поселилась в тихом бюргерском санатории. Девушка была еще очень бледной и вялой и, казалось, вообще лишена какой-либо привлекательности. Однако в нее сразу влюбился женатый хозяин санатория, тридцати пяти лет.

Он оказывал Лиле знаки внимания, приглашал в оперу, в театр и в картинную галерею. Затем неожиданно обратился к Елене Юрьевне с просьбой отдать ему дочку в жены.

— Но ведь вы женаты, и у вас дети, — вытаращила глаза мама.

— Я немедленно разведусь с женой, — пообещал он. — И я не бедный человек. Так что о моих детях не волнуйтесь. Они будут обеспечены до конца жизни.

Елена Юрьевна покосилась на Лилю. Лиля отрицательно покачала головой.

Глава седьмая

Нужно было продолжать учебу. Лиля решила поступить в университет Гурье на математический факультет. Без аттестата зрелости это было непросто. Но, как потом Лиля

Юрьевна напишет в воспоминаниях, она так блистательно сдала математику, что директор вызвал папу и попросил его не губить в дочери математический талант.

В университете Лиля проучилась недолго. Всего два семестра. Затем перевелась на архитектурные курсы на Никитском, где увлеклась лепкой.

Но увлеклась она не только лепкой. Несмотря на перенесенное потрясение, влюбчивая натура нашей героини опять начала брать свое. К этому времени дружеские отношения с Осей были возобновлены. Но Лиле теперь было не до Оси. Она увлеклась другим Осей. Осей Волком. Впрочем, ненадолго. У своей подруги Леночки, у которой дома собирался бомонд творческой молодежи, Лиля познакомилась с высоким восемнадцатилетним красавцем Гарри Блуменфельдом. Он только что приехал из Парижа, где учился на живописца. Не обратить на него внимания Лиля не могла. По ее воспоминаниям, в нем было необычно все: кожа — смуглая, волосы — лакировано-черные, брови — крылья, глаза — светло-серые, мягкие, умные. Нижняя челюсть выдавалась вперед, а рот до безобразия огромный и развратный.

На него уже положила глаз Леночка, но Лиля отбила его у нее в тот же вечер. Она так восторженно восхищалась французскими картинами Гарри и так преданно заглядывала в глаза, что юноша не устоял и пошел ее провожать.

Закрутился бурный роман. Юноша считал себя великим художником и собирался обратно в Париж. Лиле тоже захотелось в Париж. Она заявила родителям, что намерена совершенствовать свое художественное мастерство за границей. Родители согласились. Однако Гарри, у которого в Париже была невеста, уговорил Лилю продолжить учебу в Мюнхене. Он пообещал, что в Мюнхен будет навещаться часто.

Ося Брик тоже восхищался Гарри. Хвалил его работы и признавал, что он безумно талантлив. Однажды он пришел к Гарри в гости и застал у него Лилю. По ее пунцово-

му лицу несчастный понял все. Они вышли из дома втроем. Ося был чернее тучи. Гарри поймал извозчика, вежливо попрощался и уехал. Ося отправился провожать Лилю. Он всю дорогу молчал. Лилия понимала, что он ревнует. Ей было жалко Осю, но она нисколько не раскаивалась. Если бы он попросил рассказать о ее отношениях с Гарри, она бы честно рассказала все и, может быть, поклялась бы порвать с ним. Но Ося, как всегда, напустил на себя холодность и промолчал.

Перед отъездом Лилия пришла к Брикам проститься и первый раз в жизни не испытывала грусти от предстоящей разлуки с Осей. Она грезилась изысканной жизнью мюнхенских художников и думала о Гарри. И еще о других мужчинах, блестящих и талантливых.

Ося чутко уловил настроение возлюбленной. Лицо его изобразило испуг. Он внезапно бросился ее целовать и умолять, чтобы она не уезжала за границу.

— Останься со мной! — шептал он как помешанный. — Без тебя нет никакой жизни. С твоим отъездом уйдет и моя молодость.

Лилия была потрясена. Впервые в жизни Ося проявил чувство. Гордость овладела девушкой. Она напустила на себя равнодушие и снисходительно чмокнула его в лоб.

— Я же не навсегда! Я вернусь.

Лилия ушла, оставив друга в полном смятении. На душе щебетали птицы. Ей было приятно, что она обрела такую власть над Осей. Девушка отметила, что свершилась самая большая победа в ее жизни.

За все время пребывания в Мюнхене, Лилия получила от Оси одну единственную почтовую открытку, на которую, впрочем, она не ответила. И это было приятно. Зато она ежедневно получала письма от Оси Волка и Гарри Блумфельда. И это тоже было приятно.

Неожиданно к ее подруге Кате приехал ее приятель Алексей Грановский, который обучался в Германии режиссуре. Катя познакомила его с Лилей, о чем впоследст-

вии пожалела. На первой же встрече неблагодарная подруга состроила будущему режиссеру глазки, и через день он явился к Лиличке с букетом белых роз. Так между ними вспыхнула страсть.

Влюбленные гуляли по Мюнхену с шести вечера до полуночи. Грановский рассказывал о театре, о своих будущих замыслах, о современной режиссуре. Лиля слушала, затаив дыхание. Она умела слушать и восхищаться. Затем они пешком шли на студенческую квартиру Грановского. Наутро Лиля уезжала от него на такси на свою учебу.

Однако любовная идиллия вскоре была прервана. В Мюнхен неожиданно прикатил Ося Волк. Через день, как на грех, приехал Гарри. Чтобы встречаться со всеми троими, Лиле пришлось бросить учебу в мастерской. Задача состояла в том, чтобы никто друг о друге не узнал. Утром Лиля приходила в гостиницу к Осе. После бурного соития, Лиля бежала к Гарри. С ним она гуляла по Мюнхену в поисках ателье, затем приводила к себе. С наступлением сумерек девушка его выпроваживала, наврав, что у нее вечернее занятие по лепке, и бежала на свидание к Грановскому, у которого оставалась на ночь.

И так каждый день. Лиля замоталась. Однако через несколько дней ей с невероятным трудом удалось уговорить Осю вернуться обратно в Москву. Жить стало легче.

Но внезапно Гарри начал требовать, чтобы Лиля была с ним днем и ночью. Ничего не оставалось, как заявить Грановскому, что они расстаются. Будущий режиссер Еврейского театра вытаращил глаза. Он потребовал объяснений и, не услышав внятного ответа, стал умолять девушку не бросать его. Он так и не понял, что же явилось причиной внезапного охлаждения Лили. Грановский каждый день приходил к дому чаровницы и ждал ее у подъезда. Но Лиля, не заходя домой, сразу из мастерской бежала к Гарри.

Через несколько дней студентка получила письмо от Грановского с вложенным в него билетом на Девятую

симфонию Бетховена. Юноша просил прийти на концерт, пояснив, что уезжает в Россию. Но напоследок он хочет в последний раз взглянуть на нее.

На концерт Лиля пришла, однако Грановского там не увидела. Девушка недолго недоумевала и после завершения концерта отправилась к Гарри, который снял в Мюнхене огромную мастерскую с верхним светом. Именно в ней Гарри написал с Лили свою знаменитую картину «Рыжеволосая Венера». В одной руке у Венеры было венецианское зеркало, в другой — огромная пуховка розовой пудры.

Эти сеансы с писанием картины, на которых Лиля позировала голой, закончились сами собой. У Гарри на почве его парижской болезни начались дикие головные боли. Он ни на шаг не отпускал от себя натурщицу, рыдал и устраивал истерики, когда она пыталась уйти. Лиля заняла денег и отправила его на лечение в Швейцарию. Сама же немедленно отправилась в Москву, поскольку наступали рождественские каникулы.

Впоследствии Гарри женился. У него родился ребенок. Но потом он заболел туберкулезом и попал в сумасшедший дом. После сумасшедшего дома художник прибегнул к морфию и стал бросаться на людей. В результате снова попал в сумасшедший дом. Умер Гарри от туберкулеза в двадцать шесть лет. Но перед смертью явился к Лиле в Петроградскую квартиру и подарил ей чудесный пейзаж — черный с белым.

Однако, это много позже. А в канун нового 1912 года Лиля вернулась в Москву, разочарованная в бурной жизни мюнхенского бомонда. С досады она закрутила роман с сыном известного банкира Левого Гринкруг, элегантным юношей из золотой молодежи. Роман продолжался недолго.

В один из долгих московских вечеров Ося Волк пригласил Лилю в Художественный театр. Там во время антракта Лиля неожиданно увидела в фойе Осю Брик. Девушка

разволновалась. Как выяснилось, когда Осип узнал, что она возвратилась в Москву и отправилась в Художественный театр, то тоже побежал в театр. Но билет достать не смог. Зато ему удалось проникнуть в фойе.

Лиля пообещала назавтра встретиться с Осей. Девушка едва досмотрела спектакль до конца. У нее опять началось как раньше. Сердце тоскливо заняло. Ося снова заполнил собой весь мир.

Через три дня в ресторане, едва они с Осей сели за столик и еще не успели ничего заказать, он без всякого перехода произнес:

— Лиличка, выходи за меня замуж! Пожалуйста, не отказывай! Ведь ты моя весна.

Лиля звонко рассмеялась и сказала:

— Давай попробуем.

Глава восьмая

Они венчались в синагоге. Лиля была против венчания в синагоге, однако на этом настоял Урий Александрович. Пообещал, что раввин проведет церемонию по укороченному варианту, поскольку он — его старый товарищ по университету.

— Если Мазе затянет речь, мы встанем и уйдем из-под хупы, — пригрозила Лиля.

Раввин был поставлен в известность. Урий Александрович предупредил, что его дочь с придурью, поэтому попросил провести процедуру как можно короче.

Пару обвенчали. После церемонии Раввин иронично спросил, не задержал ли он молодых? Родители Лили были бесконечно счастливы. Наконец-то их беспутная дочь образумилась. Осина родители продолжали пребывать в растерянности. О намерении сына жениться на старшей дочери Кагана они узнали из телеграммы, поскольку оба в это время находились за границей. От матери жениха по-

следовало паническое письмо, поскольку слава о Лилиных похождениях гремела на всю Москву. От отца пришло письмо более сдержанное. Он писал, что Осе нужен тихий, семейный уют, а Лиля — натура артистическая.

Тем не менее, сын настаивал на женитьбе, проявляя недюжинную твердость. Первым сдался отец. Он приехал в Москву и имел многочасовой разговор с сыном о предстоящей семейной жизни.

— Тебя не будет смущать, что до тебя с ней были многие, в том числе и твои знакомые.

— Нет, папа, — ответил Ося. — Ты же знаешь, еврейки до замужества бывают весьма неразборчивы в связях и оставляют свои блузы чуть ли ни на каждой вечеринке. Но после замужества они становятся преданными женами и помогают мужьям в их карьере.

Максим Павлович задумался. Пожалуй, он в этом согласился с сыном. Но потом спросил, не без некоторого изумления:

— Однако что ты в ней нашел? Что вы все в ней находите? Вокруг столько красивых барышень! А она? Да, элегантная! Но голова большая, не пропорциональная телу, сама же — угловатая, кости, да кожа, да еще у нее приступы тика.

— Папа! — перебил Ося. — В ней есть гораздо большее, чем красота. В ней есть жизнь...

Глава девятая

Лиля Юрьевна называет свои годы в браке с Осипом самыми счастливыми. Практически все исследователи уверяют, что счастье будущей музы заключалось в том, что муж ей предоставил полную сексуальную свободу. Но так ли это? Свобода подобного рода у нее была до замужества и после того, как ее счастливая жизнь с Бриком

закончилась. Сексуальная свобода ее сопровождала всю оставшуюся жизнь. Так в чем же было счастье?

А в том, что до знакомства с Маяковским она была Брику верной женой и собиралась оставаться таковой до гроба. Ей нравилось это новое качество — быть преданной единственному мужчине и с ним считаться. Эти года были чистыми, без каких-либо посторонних связей, и именно поэтому Лиля Юрьевна вспоминала о них как о самых счастливых. Наша героиня прекрасно знала, что чем преданнее жена, тем увереннее чувствует себя мужчина и тем сильнее он противостоит жизненным неурядицам.

Осип Максимович просто расцвел. Адвокатскую практику бросил. Серьезных дел не попадалось, а мелочевкой заниматься было не солидно.

Осип начал активно работать в ювелирной компании отца. Он колесил по все России, продавая ювелирные изделия. И Лиля сопровождала его во всех поездках. Они вместе объездили всю Азию, были в Японии, некоторое время держали ювелирный магазин в Нижнем Новгороде. И везде им нравилось. И везде они чувствовали себя, как дома.

С каждым днем супруги все больше убеждались, что они созданы друг для друга. По вечерам Брику музицировали на фортепьяно в четыре руки, а по ночам философствовали.

— Истинные драгоценные камни не сразу бросаются в глаза, — просвещал жену сын ювелира. — Непосвященному алмазы могут показаться куда невзрачнее кораллов, которые мы мешками продаем бурятам. Красота коралла сразу бросается в глаза, поскольку она чисто внешняя. А в алмаз нужно всматриваться, как в душу. Красота алмаза в чистоте. Чем он прозрачнее, тем ценнее. Так и люди.

Лиля принимала аллегория. И понимала, что ее муж истинная драгоценность. Умный, ладный, в глаза не бросается. Да в этом и не было необходимости. Он красив изнутри: тонкий, деликатный, терпимый, совершенно не

требовательный к окружающим. Как такого можно предать?

Через два года после свадьбы супруги переехали в Петербург и сняли квартиру на улице Жуковской.

Однажды Лиля поехала в Царское село. В поезде напротив нее сел странный человек. Возможно, женщина не обратила бы на него внимания, но он с неподдельным интересом начал разглядывать пассажирку. Человек был одет в длинный суконный кафтан на пестрой шелковой подкладке и в высокие хромовые сапоги. На нем была прекрасная бобровая шапка и палка с дорогим набалдашником. Однако волосы из-под шапки торчали паклей, борода была грязной, а ногти черными. Лилия разглядывала его весьма беззастенчиво. Отметила, что глаза у него ослепительно-синие и бесконечно веселые. Неожиданно пассажир прикрыл ладонью бороденку и стыдливо фыркнул. Только на перроне от попутчицы Лилия узнала, что это был ни кто иной, как скандально известный старец государыни Григорий Распутин.

Когда Лилия ехала обратно, то по странному стечению обстоятельств опять оказалась со старцем в одном вагоне. На этот раз между ними завязался душевный разговор, который слышали все пассажиры вагона.

— Кто ты такая? — спросил у нее старец.

Лилия назвала свое имя.

— Замужем? — блеснул глазами Распутин.

Лилия кивнула.

— Где живешь, чем занимаешься?

После того, как они прибыли на вокзал, Распутин пригласил Лилию к себе в гости. Его приглашение прозвучало настолько громко, что все пассажиры повернули головы.

— Ты ко мне обязательно приходи! Слышишь? Чайку попьем. И мужа бери с собой. Только позвони раньше по телефону, а то у меня всегда народу много. Обязательно раньше позвони. Давай я тебе скажу свой телефон.

Телефон у старца был простой. Лиля запомнила сразу. Она приехала домой и с порога кинулась мужу на шею.

— Ты знаешь, кто нас пригласил в гости? Сам Распутин! Пойдем?

Осип молча снял с себя Лилины руки и нахмурился.

— Ты разве не знаешь, с какой целью он приглашает? Он же главарь банды. Неужели не слышала?

Лилия, конечно, слышала. В Петербурге только и разговоры о развратных оргиях в доме Распутина. Пойти к знаменитому старцу очень хотелось. Лилия умирала от любопытства. Но не будешь же перечить мужу. Оставалось только одно — вздохнуть и согласиться.

Ничто не омрачало спокойную и благополучную жизнь Бриков, живущих в добродетели и согласии, пока младшая сестра Эльза не притащила к ним в дом скандального поэта футуриста.

Глава десятая

Если бы раньше Осипу сказали, что их супружескую жизнь с Лилей может расстроить начинающий горлопан Владимир Маяковский, выдававший себя за поэта, он бы счел это за шутку. Мнение, что Брики до появления в их доме будущего певца революции никогда его не видели и слыхом о нем не слыхивали, абсолютно неверное.

В первый раз супруги увидели Маяковского в 1912 году на литературном вечере поэта Константина Бальмонта. У изысканности русской медлительной речи, как величал себя сам Константин Дмитриевич, был юбилей. Ему исполнилось сорок пять. Собрался весь бомонд Российской литературы. Все поэты и писатели, знаменитости и небожители произносили высокопарные речи в честь прославленного юбиляра, и только один неизвестный Маяковский вылил на голову бедняги весь свой сарказм.

— Это, конечно, красиво всходить на башню по дрожащим ступеням, — произнес Маяковский после прочитанного юбилейного стихотворения «Я мечтою ловил уходящие тени», — но я предпочитаю подниматься на башню в лифте...

Зал притих. Такой школярской наглости еще не видели в столичных литературных кругах, тем более в день юбилея метра. Запахло скандалом. Маяковский, ничуть не смутившись, принялся в пух и прах разносить лирику Бальмонта за его слащавость. Юноша говорил блестяще, смело, убедительно. Его еще никто особо не знал. На тот момент у Маяковского было опубликовано только единственное стихотворение «Ночь», и то в футуристическом журнале «Пощечина общественному вкусу», который все-речь никто не принимал.

Тем не менее, речь девятнадцатилетнего молодца поэты запомнили. Некоторые даже мстительно заулыбались, скосив глаза на юбиляра. Что касается Бриков, то Маяковский им не понравился за подчеркнутый эпатаж, граничащий с грубостью.

— Что-то есть подозрительное в тех поэтах, которые делают себе имя на скандалах, — изрек после этого Ося. — Это явный признак того, что они неуверенны в своем таланте.

Лиля видела, как после речи футуриста Валерий Брюсов взял молодого горлопана под руку и отвел в сторону, чтобы строго отчитать за нападки.

— В день юбилея... Кошмар! Ну, разве такое возможно?

Однако на лице у молодого человека не мелькнуло и тени раскаяния.

Год спустя Лиля снова услышала о нем. И от кого? От своей семнадцатилетней сестры Эльзы, учившейся в гимназии. Она восторженно рассказала сестре, что познакомилась с футуристом Владимиром Маяковским, стихами

которого зачитывается вся Москва. Эльза протянула сестре журнал со стихотворением, написанным лесенкой.

— Вино на ладони ночного столика... — прочла Лиля и поморщилась. — Что за дрянь! Держись от него подальше.

Эльза к этому времени была уже писаной красавицей: стройной, изящной, с длинными ногами и округлыми бедрами, а кроме того — с весьма волнующей девичьей грудью. У нее были роскошные вьющиеся волосы, ангельские голубые глаза, красивые сочные губы и идеальные зубы. Ее кожа словно светилась изнутри — настолько она было ослепительна. У нее были маленькие кисти рук и такие же миниатюрные стопы. Каждая частичка ее тела была достойна восхищения. Ей нечего было скрывать. Она, словно античная статуя, могла находиться обнаженной. И надо сказать, Эльзе нравилось ходить обнаженной, поскольку она была лишена какой-либо стеснительности. Словом, барышня была — мечтой поэта. Но, разумеется, не такого шалопа, как Маяковский!

Честно говоря, Лиля опасалась за свою сестру, когда узнала, что за ней ухаживает футурист. От футуристов можно всего ожидать. Ведь они такие хамы и не умеют вести себя в приличном обществе.

Роман младшей сестры с площадным поэтом, как поняла Лиля, был серьезным. Эльза познакомила его со своей сестрой только в 1915 году. Это произошло на даче в Подмосковной Малаховке. Они втроем, Лиля, Эльза и Лева Гринкруг сидели на лавочке у дома. В это время болел отец. Лиля специально приехала в Москву из Петрограда, чтобы ухаживать за больным отцом.

В тот вечер как-то быстро потемнело. Над головой нависла приплывшая откуда-то туча. Вдруг в темноте появился огонек папиросы. Следом раздался негромкий ласковый бас:

— Элик! Я за вами. Пойдемте погуляем?

Эльза с готовностью соскочила со скамьи и нырнула в темноту. Лиля слевой переглянулись. Мимо прошла компания дачников. Начался дождь. Нужно было идти домой под крышу, но в дом без Эльзы возвращаться было нельзя. Отец смертельно болен. Начнет волноваться за младшую дочь.

— Где Эля? Почему не идет? — нервничала Лиля.

Пришлось сидеть как проклятым на этой промозглой скамейке, накрывшись Левиным пальто. Прошел час. Эльзы все не было. Лиля вся издергалась. «Как бы все это не закончилось плохо», — переживала она. Но вскоре они возвратились. В темноте замерцал огонек папиросы и засветилась белая рубашка кавалера. На девушку был наброшен его пиджак.

— Ты куда пропала? — стервозно закричала Лиля. — Разве не понимаешь, что я без тебя не могу войти в дом! Сижу, мокну, как дура...

— Вот видите, Владимир Владимирович, я говорила вам! — произнесла Эльза.

Ухажер прикурил новую папиросу о тлеющий окуроч, поднял воротничок и исчез в темноте.

На следующий день мама пожаловалась Лиле, что этот подозрительный тип с ужасными манерами повадился к их юной Эльзочке и просиживает на скамейке у дома все ночи напролет. А однажды, не застав ее дома, он оставил визитную карточку таких изуверских размеров, что Елене Юрьевне пришлось ее возвратить со словами:

— Владимир Владимирович, вы забыли вашу вывеску!

Впрочем, до этого знакомства в Малахавке Лиля встречала Маяковского на Невском проспекте в Петербурге. На него невозможно было не обратить внимания — громадный рост, черный костюм, высокий цилиндр. Лиля сразу определили, что все эти причиндалы: щегольской костюм с цилиндром, жилетка, лакированные туфли — футуристический эпатаж, и куплены они в самой дешевой лавке на Сретенке. Маяковский шел в окружении таких же эпата-

тажных молодчиков, как он сам, чья единственная цель — привлечь внимание прохожих. Маяковский встретился глазами с Лилей. Они были безмерно наглыми.

Глава одиннадцатая

К этому времени двадцатидвухлетний поэт пережил несколько любовных драм. Его огромное сердце было необычайно жадным до девичьей любви, и душа мгновенно откликалась на каждый брошенный взгляд.

— Вот если бы тебе сказали: либо поэзия, либо любовь, ты бы что выбрал? — спросил однажды у Маяковского его друг Корней Чуковский.

— Конечно, любовь! — не задумываясь, ответил поэт. — Потому что любовь — это и есть поэзия.

Чуковский с сомнением покачал головой.

— А сдастся мне, что в поэзию тебя привели жажда славы и желание властвовать над толпой.

— Нет, — потрянул головой Маяковский. — Жажда любви!

Маяковского трудно обвинить в неискренности. Но в тот вечер в артистическом подвале «Бродячая собака» он слукавил. Не только жажда любви привела Маяковского в поэзию. Точнее сказать, любовь вообще здесь была ни при чем. На первые стихи его побудило чувство протеста против унижения бедностью, и еще несогласие с серостью человеческого бытия.

Однако любовь действительно занимала не последнее место в его душе. Он влюблялся сходу и сразу в нескольких барышней одновременно. В 1913 году в Москве Маяковский серьезно приударил за одной из своих поклонниц Эльзой Каган, которой едва стукнуло семнадцать. В это же время в Петербурге он завел отношение с курсисткой Софьей Шамардиной, которую нагло увел у своего друга Корнея.

Произошло это так. После поэтического концерта, на который будущий любимец детворы привел свою возлюбленную Сонечку, молодые литераторы решили продолжить вечер в артистическом подвале «Бродячая собака». Сначала Маяковский сидел за соседним столиком, с интересом поглядывая на Чуковского и на его новую подругу, затем перебрался к ним. Выяснилось, что эта милая девушка была подругой короля поэтов Игоря Северянина, который уже успел увековечить ее в стихах под лирической героиней Сонечкой Амардиной. Маяковский поморщился, поскольку крайне не любил слащавых поэтов. Не любил для эпатажа. А на самом деле к Северянину он благоговел и завидовал его славе.

Около полуночи Чуковский зевнул и засобирался домой. Он проворчал, что дома ждет жена, а ему еще нужно провожать Сонечку в черт знает какую далищу.

— Могу проводить я, — предложил Маяковский.

Чуковский насторожился и решил посидеть еще. Около двух часов ночи сообразили, что Сонечку провожать уже поздно, потому что мосты развели. Маяковский, игнорируя чувства друга, предложил Сонечке отправиться с ним к поэту Велимиру Хлебникову. К этому времени, девушка уже не сводила с него восхищенных глаз и на протесты Корнея не обращала внимания.

Сонечка ушла с Маяковским, оставив Чуковского за столом в тоскливом одиночестве. К нему она возвратилась только через год, вся в слезах и в печали. Она честно призналась Корнею, что ждет от Володи ребенка. Чуковский пообещал найти гинеколога, который сделает ей аборт, и взял с нее слово, что она больше не будет встречаться с этим развратным горлопаном. Но Софья слова не сдержала. После возвращения Маяковского из Одессы она снова возобновила с ним отношения.

Софья стала прообразом поэмы Маяковского «Облако в штанах», хотя вдохновителем была совсем другая девушка.

В январе 1914 года поэт познакомился в Одессе с семнадцатилетней гимназисткой Марисей Денисовой, в которую по обыкновению влюбился до беспамьяства. Кроме того, что Мария была красавицей, она еще была чрезвычайно умна и образована. Денисова произвела впечатление на поэта прежде всего своей начитанностью, а кроме того — умными рассуждениями о смысле жизни. Она не была похожа на тех восторженных поклонниц, с которыми привыкло делить постель восходящее солнце новой поэзии. После нескольких встреч Маяковский пригласил ее к себе в гостиницу. Но девушка не пришла.

Для молодого поэта, не знавшего отказа в любви, это было первым серьезным потрясением. Рана ныла невыносимо. Именно нестерпимая боль и озарила его на поэму «Тринадцатый апостол».

Маяковский покидал Одессу в убитом настроении. Когда он, раздавленный и мрачный, вошел в вагон поезда, от него испуганно шарахнулась какая-то тоненькая молоденькая барышня. Поэт криво усмехнулся и с горечью произнес:

— Не бойтесь меня! Думаете, я мужчина? Я — облако в штанах.

Барышня, быстро зыркнув по штанам пассажира, испуганно вытаращила глаза, а поэт встрепенулся и приосанился.

— Именно облако! — воскликнул он просветленно. — И непременно в штанах!

Барышня попятилась, еще больше напугавшись внезапной перемены настроения незнакомца. А тот опустил чемодан, перекрыв пассажирам доступ в вагон, достал из кармана блокнот с карандашом и начал в него что-то увлеченно строчить. В вагоне образовалась пробка. Столпившиеся пассажиры потребовали, чтобы мужчина прошел дальше в вагон и, наконец, убрал с дороги чемодан. Незнакомец словно очнулся. Он поднял глаза на барышню

и, вдруг приблизив к ней свое суровое лицо, полупшепотом попросил:

— Умоляю! Никому не говорите про «Облако в штанах»! Это моя личная находка.

В дальнейшем этим словосочетанием будет озаглавлена поэма, поскольку цензура вычеркнет первоначальное название «Тринадцатый апостол», сочтя его богохульным.

Вернувшись в Петроград, Маяковский возобновил роман с Сонечкой. Чуковскому было досадно, что его возлюбленная снова стала встречаться с Маяковским. То, что кроме этого, она еще встречалась с Северяниным, Чуковского это почему-то не волновало. Но ее встречи с Маяковским сильно били по самолюбию. Футурист напротив, очень спокойно относился к тому, что Сонька (так он ее называл) кроме него встречается с Чуковским, но впадал в бешенство, когда узнавал, что она продолжает бывать у Северянина.

— Как ты можешь! — отчитывал ее Маяковский. — С этим приторным и слащавым онанистом русской словесности!

Очевидцы уверяют, что на то время Софья Шамардина была единственной женщиной, которую Маяковский воспринимал всерьез. Он даже намеривался на ней жениться и познакомил ее с матерью и сестрами. Но женитьбу, как всегда, расстроил лучший друг. Однажды во время встречи с Софьей Чуковский воскликнул:

— И зачем тебе надо таскаться с ним? У него же сифилис!

Девушка пришла в ужас и вскоре, бросив курсы, уехала к родителям в Белоруссию. Когда она снова возвратилась в Петроград, то литературных салонов больше не посещала. Впоследствии она примкнула к большевикам и за одного из них, Иосифа Адамовича, наркома внутренних дел Белоруссии, вышла замуж.

Однако, как жизнь не выносит пустоты, так и сердце Маяковского не выносило ни дня без любви. После исчез-

новения Софьи, он возобновил свои отношения с Эльзой Каган. К ней он тоже относился серьезно и тоже знакомил ее с матерью и сестрами. Эльза как нельзя лучше подходила на роль его музы. Но судьбе было угодно так, чтобы все сложилось шиворот навыворот.

Глава двенадцатая

В июле 1915 года умер Урий Александрович. После похорон Брики вернулись в Петроград в свою квартиру на Жуковскую. К ним перебралась и Эльза, отчасти для того, чтобы встречаться с Маяковским, который в это время снимал комнату в Куоккале. В то время Куоккале, хоть и принадлежал Финляндии, считался пригородом Петрограда. К этому времени поэт закончил свою поэму «Облако в штанах» и читал ее во всех литературных салонах.

Как-то вечером в квартире Бриков раздался звонок. Лилия услышала знакомый бас ухажера Эльзы и вышла в прихожую. Это был Маяковский, который только что прибыл из Финляндии, где читал свою поэму Горькому и Чуковскому. На этот раз футурист произвел на Лилию более приятное впечатление, чем некогда в Малаховке. Он был загорелый, уверенный, красивый. Единственно, что отталкивало в нем, — его гнилые зубы. Когда он говорил, то складывалось ощущение, что его рот обожжен.

Поздоровавшись, гость пристально посмотрел на хозяйку и нахмурился:

— Вы катастрофически похудели, — произнес он громко, видимо, скрывая смущение.

Лилия отметила, что на этот раз он совсем другой. В нем не было и следа былой развязности, и даже проявлялась какая-то деликатность. Застыв на пороге, он молчал и с тревогой поглядывал то на Эльзу, то на Лилию. Пришлось его пригласить в гостиную, посадить за стол и налить чаю.

Он сразу занял собой все пространство квартиры. На этот раз футурист держался более уверенно, чем месяц назад в Малаховке, потому что только что приехал от Горького и был еще полон впечатлений от того, как расстроганно плакал пролетарский писатель во время слушания его поэмы «Облако в штанах».

Маяковский за чаем принялся хвастаться своими стихами, громогласно заявлять, что на данный момент кроме него, да разве что Ахматовой, в России больше нет поэтов. Лилю это покорило.

— К сожалению, я ваших стихов не читала, — раздраженно произнесла она, — но если когда-нибудь прочту, попробую оценить их по достоинству.

Гость тут же достал из кармана журнал и, раскрыв на нужной странице, передал хозяйке. «Мама и убитый немцами вечер», — прочла Лиля и углубилась в текст. Володя отхлебнул чаю и затаил дыхание. Когда Лиля оторвалась от журнала, и ее лицо не выразило ни малейшего восхищения, Маяковский удивился:

— Не нравится?

— Не особенно, — поморщилась Лиля.

Володя с Эльзой отправились гулять. Перед тем, как выйти из квартиры, гость метнул на хозяйку настороженный взгляд. «Очень самолюбив, и не терпит никакой критики», — с неприязнью отметила Лиля. Когда в прихожей захлопнулась дверь, она спросила у мужа:

— Как тебе Элькин ухажер? По-моему, это тот самый коралл, который хочет выглядеть алмазом.

Осип Максимович пожал плечами и ничего не ответил.

Когда через несколько дней Маяковский снова пришел в гости и был посажен за стол, Лиля умоляюще прошептала Эльзе:

— Только не проси его читать!

Эльза кивнула, вредно улыбнулась и произнесла невинным голосом:

— Володя, Лиличка просит, чтобы ты прочел свою поэму.

Лиля издала про себя негодующий стон, но возразить не решилась. Пришлось оторваться от самовара, натянуть на себя блаженную улыбку и, прижавшись к мужу, изобразить крайнюю заинтересованность. Маяковский поднялся, подошел к дверному косяку, дверь из которого в другую комнату была вынута из экономии помещения, прислонился к нему и сделался чрезвычайно серьезным. Лиля едва удержалась, что бы ни покатиться со смеху. Настроение было шаловливым. Она взглянула на Осю. Его глаза под очками тоже блестели иронично. Одна Эльза смотрела на Володю с восхищением.

Гость достал из внутреннего кармана пиджака небольшую тетрадку, заглянул в нее и тот час сунул обратно в карман, не прочтя ни строчки. Он задумался. Затем обвел глазами комнату, словно перед ним сидела огромная аудитория, прочел пролог и вдруг спросил, слегка прищурив глаза, причем спросил, не стихами, а прозой, с весьма естественной, а не театральной интонацией:

— Вы думаете, это бредит малярия? Это было. Было в Одессе.

Лиля удивленно взглянула на мужа. Лицо Оси вытянулось и стало серьезным. Маяковский начал читать, четко выговаривая каждый слог. Практически каждое его слово вбивалось в голову, словно гвозди. За все время чтения он ни разу не переменял позы, и ни на кого не взглянул. Он жаловался, негодовал, издевался, требовал, впадал в истерику, делал длинные художественные паузы между частями, во время которых было неловко пошевелиться, чтобы не нарушить тишину.

Лиля несколько раз переводила взгляд на Осю и видела, что глаза его снова блестят, но уже не иронией, а восхищением. По тому, с каким трепетом муж слушал поэму, Лиля поняла, что читается нечто гениальное. Впрочем, она понимала это и без Оси.

Когда автор умолк несколько минут держалась тишина. Это была тишина потрясения. Лиля снова взглянула на мужа. Он витал где-то в пространстве. Взгляд Эльзы был торжествующим и гордым за своего друга. Осип опомнился.

— Потрясающе! — выдохнул он со свистом. — Я и представить не мог, что поэзия может быть такого высокого накала...

Он растерянно поднял глаза на гостя.

— Володя, это самое лучшее, что я знаю в поэзии. Даже если вы больше ничего не напишите, вы войдете в историю как величайший поэт.

Эти слова пришлись Маяковскому по душе. Он расплылся в торжествующей улыбке, вразвалку подошел к столу и плюхнулся на стул. Затем развязно произнес:

— Вот теперь можно и чаю. Где у вас самая большая чашка?

Лилля расплылась в очаровательной улыбке, в той самой, фирменной, с которой она начинала оболванивание мужчин, налила из самовара чашку чая и поставила перед гостем. Поэт взглянул в ее распахнутые глаза и обмяк. «Смотри-ка, еще действует?» — удивилась Лилля.

От этого сделалось весело. Хозяйка отнюдь не хотела мутить рассудок Элькиному ухажеру. Она просто немного приревновала мужа, который был ошарашен его поэмой и смотрел на него как на Бога. Осип немедленно забрал у Маяковского тетрадку и с головой погрузился в текст. Видя, как поплыл гость от ее сверкающего взгляда, и какими детскими глазами Маяковский уставился на нее, Лиллю взял азарт.

— Ничего подобного я не слышала, — произнесла хозяйка с почти искренним восхищением. — Поэма гениальная.

Глаза Маяковского сделались масляными. Женщина покосилась на мужа. Он уже с головой погрузился в поэму.

Лиля озорно повела глазами и, напустив на себя восторг, обожание и зависть, произнесла:

— Как бы я хотела стать той девушкой, которой посвящена поэма.

Маяковский тут же вырвал тетрадку из Осиных рук, раскрыл ее на первой странице и с дурашливой улыбкой спросил:

— А хотите, я посвящу это вам?

«Созрел! — рассмеялась про себя Лиля. — Если Элька сейчас огреет меня сковородкой, это будет справедливо».

Не дождавшись ответа, Маяковский старательно вывел над заглавием: «Лиле Юрьевне Брик».

Лиля заметила, как слетела улыбка с прекрасных губ Эльзы, и как с деланным равнодушием потянулся к самовару Осип.

— Как вы можете, написать поэму Марии, а посвятить ее Лиле? — мягко удивилась хозяйка.

— Образ Марии в поэме меньше всего связан с одесской Марией, — ответил Маяковский. — Он собирательный и писался с разных женщин. Кстати, в четвертой главе раньше была не Мария, а Сонька. Так что поэма никому не обещана, и я перед вами чист, как облако без штанов.

Глава тринадцатая

После ухода Маяковского Осип ни словом не обмолвился на такую странность, что Эльзин ухажер написал посвящение его жене. Ни словом не обмолвилась на это и Эльза. Еще никогда Лиля не видела Осю таким воодушевленным.

Он весь вечер взволнованно ходил по комнате и бормотал:

— Вот как надо писать! Вот настоящее поэтическое слово. А то, что преподносят сейчас в рифмованном виде, — это мертвечина.

Лиля с удивлением заметила, что Осип ходит по квартире вразвалочку, как ушедший гость, и пытается также говорить басом. В тот вечер его словно прорвало. Он горячо рассуждал о том, что слова, как и люди, бывают живые, а бывают отжившие, и ничто так не умертвляет слово — как поэзия, потому что поэтические фразеологии одинаково повторяются всеми поэтами. А у Володи — все не так! Он не пользуется поэтизмами, и у него в каждом слове жизнь.

По всей видимости, Маяковский не только встряхнул литературоведческое нутро мужа, но и самого его побудил к поэтическому творчеству, к которому он уже не подступался несколько лет. Ближе к полуночи Осип сел под настольную лампу и разродился восьмистишьем.

Я сам умру, когда захочется,
И в список добровольных жертв
Впишу фамилию, имя, отчество
И день, в который буду мертв.
Внесу долги во все магазины,
Куплю последний альманах
И буду ждать свой гроб заказанный,
Читая «Облако в штанах».

«Так вот, оказывается, каким может быть Ося, — удивлялась Лиля. — Восторженным, как мальчишка! А не только, сдержанным и ироничным».

Она не знала, какие чувства в данный момент владели сыном ювелирного купца 1-й гильдии. Ведь Осип всегда думал про себя, что он одаренный литератор и что стоит ему захотеть, он напишет шедевр мировой величины. В студенчестве Ося с двумя товарищами написал роман «Король борцов». Но роман не стал известным. Потому

что писался не от души, а ради заработка. Но сейчас, после прочтения поэмы, он понял, что в поэзии распахнуть душу мало. Нужно еще иметь такую душу, которую распахнуть не стыдно. Однако такими великими душами одариваются далеко не все.

Как не печально, но Осип в тот вечер, будучи умным и рассудительным человеком, признал недюжинную одаренность Маяковского и свою ничтожность на его фоне. В одну минуту ему стала ненавистна и его низменная юридическая практика, и еще более низменная торговля драгоценностями. Небожители — это поэты, а не те, кто имеет дело с бриллиантами. «Чем более человек убог на духовном уровне, тем сильнее его тянет к драгоценностям...» — сделал неутешительный вывод Брик.

Осип попросил Маяковского оставить ему поэму, чтобы прочесть ее с листа и воочию убедиться, что она так же гениально читается глазами, как воспринимается на слух.

Осип прочел произведение дважды. В письменном виде каждая строка поэмы также остро впивалась в кишки, как и при чтении с голоса. Правда, встречались кое-какие безграмотные шероховатости, немного проскальзывало косноязычие, и в трех местах довольно ощутимо нарушался ритм.

— Ваша поэма произведет переворот в поэзии, — пообещал Осип Максимович, когда Маяковский собрался домой. — Успех обеспечен! Уж поверьте мне.

— Я и не сомневаюсь, — снисходительно улыбнулся гость. — Еще бы это поняли издатели. Не один не берется напечатать.

— Это и понятно, — вздохнул Осип. — К смелым вещам всегда относились подозрительно. Я бы на вашем месте напечатал ее за свой счет. Бьюсь об заклад, тираж разойдется в один день.

Маяковский усмехнулся и похлопал себя по карманам.

— Если желаете, я могу оплатить издание? — с готовностью предложил Осип.

Лиля удивленно посмотрела на мужа и снова подумала, что она, оказывается, совсем не знала Осю. Раньше он не проявлял щедрости ни к кому, и никогда не стремился к лаврам мецената. Честно говоря, и для меценатства особых средств у них не было.

Маяковский оживился. Снисходительность тут же сменилась детской радостью.

— Желаю! — громко произнес. — Но не стесню ли я вас в средствах?

— Не стесните, — ответил Осип. — Если позволите, я немного подредактирую текст. Чисто стилистически.

Маяковский тут же нахмурился, но Осип мягко убедил, что редакция будет исключительно корректорской, направленной на сглаживание шероховатостей, и она ни коим образом не исказит смысл поэмы, а уж тем более не ущемит авторскую интонацию.

Маяковский согласился. Но предупредил, что если редакция ему не понравится, то он оставит все, как есть.

— Разумеется, — тонко улыбнулся Осип и попросил, чтобы он завтра же с утра сходил в издательство и узнал, в какую сумму обойдется издание поэмы тиражом в тысячу экземпляров.

Маяковский вышел из дома Бриков воодушевленным. Он решил не возвращаться на свою съемную квартиру в Куоккале, где у него оставались вещи, белье у прачки и его очередная дама сердца. Он сразу из гостей направился в номера «Пале-Рояль», которые находились неподалеку от дома Бриков.

Денег у него не было. Он снял номер в долг, надеясь в самое ближайшее время поправить свое финансовое положение посредством издания поэмы. Но воодушевлен поэт был не только ближайшим изданием своего шедевра, обещавшему ему всероссийскую славу, но и смутным предчувствием чего-то большого и счастливого.

Месяц спустя, сидя за столиком в артистическом подвале «Бродячая собака» с Чуковским, Маяковский воскликнул с горящими глазами:

— Я встретил ту, о которой мечтал всю жизнь.

— Как? Еще одну? — иронично хмыкнул Чуковский. — Что ж, в добрый час!

Глава четырнадцатая

Но это через месяц. А на следующее утро Маяковский, едва проснувшись в одном из номеров «Пале-Рояля», сразу побежал в типографию. Там ему сообщили, что тысяча экземпляров его поэмы будет стоить 120 рублей. Поэт явился к Брикам и с порога заявил, что тираж стоит 150 рублей. Потом добавил, что можно в рассрочку. Осип кивнул и, не подозревая, что гений, самым бесстыдным образом обманул его на 30 рублей, дал задаток и пообещал раздобыть остальную сумму в ближайшие дни. Затем передал Володе рукопись, которую редактировал всю ночь.

Когда Маяковский просмотрел поправки, то взглянул на Осипа с удивлением. Редактура ему понравилась. Он согласился со всеми пунктами, отмеченными в поэме. Это было видно по его глазам. Наблюдавший за ним Брик сделался пунцовым от гордости, что хотя бы корректурой он приобщился к высокой поэзии.

— Да вы просто гений, Осип Максимович, — произнес уважительно Маяковский и в глубине души раскаялся, что прикарманил 30 рублей.

Однако отступать уже было поздно. Да и бесславное дело — отступать.

— Что вы, — скромно улыбнулся Осип. — Гений — вы, Владимир Владимирович. А я всего лишь книжный фарисей...

Корректуры поэмы все ждали, как свидания. Книгу оформляли по принципу ничего лишнего. Брики поэму выучили наизусть. Когда она вышла с посвящением Лиле, посвящаемая переплела свой экземпляр в дорогой кожаный переплет с золотым тиснением на белой муаровой подкладке. Увидев свою поэму в таком облачении, Маяковский не поверил глазам. Сначала он застыл, как мумия, потом радостно засмеялся. О подобной оправе его сомнительных поэтических виршей он и во сне помыслить не мог.

С изданием поэмы изменилась и жизнь Бриков. До этого в их квартире было пусто. Они общались только с Осиными родственниками, поскольку общих знакомых в Петрограде у них не было. Теперь их квартира на Жуковском стала литературным салоном. Маяковский ежедневно приводил своих друзей литераторов: Пастернака, Шкловского, Каменского, Хлебникова, Бурлюка. С Горьким Брики были знакомы и раньше, но он никогда не приходил к ним в гости. А после издания поэмы зачастил.

Изменился и сам Маяковский. Если раньше он пребывал все более в угрюмом расположении духа, то теперь стал просто светиться от счастья. Это заметили все, в том числе и друзья литераторы, которые его перемену отнесли к его любви к Эльзе. Но Эльза вскоре уехала в Москву, а восторженное настроение у Маяковского осталось.

Позже Лиля Юрьевна в своих воспоминаниях напишет: «Это было нападение. Володя не просто влюбился в меня, а напал на меня. И хотя фактически мы с Осипом Максимовичем жили уже в разводе, я сопротивлялась. Меня пугала его напористость, рост, неумная необузданная страсть».

Письменные воспоминания Лили Юрьевны, мягко говоря, не совсем соответствуют действительности. Во-первых, Лиля с Осипом не была в разводе, и даже малейших предпосылок к разводу у них не было. Все отмечали их семейную идиллию и нежную дружбу на почве общих

интересов. Они оба любили искусство, оба тянулись к возвышенному, вечерами читали философские книги и наедине вели бесконечные теософские разговоры. Они дышали одним воздухом и не только гармонично дополняли друг друга в духовной сфере, но и в физическом плане у них был полный ажур.

Во-вторых, Володя напал на Лилию не сразу, а напротив — она пустила в ход все свои магические штучки, чтобы поэт потерял голову. Для чего? Из ревности!

Видя, как потряс Маяковский Осипа своей недюжинной одаренностью, Лиля не на шутку встревожилась. Вида, конечно, не подала, а напротив, подыграла мужу, будто тоже без ума от поэтического дара жениха сестры. Но Лилию больше заботила не литературная судьба футуриста, а отцовские чувства ее родного мужа, которые внезапно проявились у него к Маяковскому. Тревога усугублялась тем, что она была бездетной, а Ося как раз был в таком возрасте, когда мужчинам очень хочется возиться с детьми. Лилия чувствовала, что очень скоро она может отойти на второй план, а Маяковский окажется на первом. Быть на втором плане Лилия никак не могла. Она всегда была центром внимания, и быть где-то с краю для нее было равносильно смерти.

Вот почему она решила подчинить себе поэта. Впрочем, Лилия Юрьевна и сама потом призналась в своих записках, что сначала в Володю влюбился Ося, и по этой причине она не могла не полюбить его. Но действительно ли она его полюбила?

Безусловно, знакомство с Бриками для Маяковского было далеко не рядовым событием. Он сразу потянулся к ним, потому что они были единственными, кто отнеслись к нему серьезно. Поэта словно допустили в семью, которой у него никогда не было. В детстве его не понимали ни родители, ни сестры, и поэтому он всегда чувствовал себя одиноким. У него никогда не было друга, которому он мог бы излить душу. В юности у него имелись только товари-

щи, отмечавшие его незаурядность, но близко к себе не подпускавшие. Никто всерьез не воспринимал стихи Маяковского, хотя его печатали весьма охотно. Никто не прочил ему литературное будущее, полагая, что его стихи, поведение и манеры — всего лишь эпатажное явление времени. Маяковский привык к одиночеству, к насмешкам, к тому, что на улице на него оглядываются и нередко крутят пальцем у виска.

Его ценили за силу, остроумие и бойцовские качества, но искренне его не любили даже эти бесчисленные поклонницы, которые с легкостью перебегали от одного поэта к другому. И вдруг Брики разглядели в нем нечто настоящее.

Маяковский понял, что Брики — истинные собратья по духу, а Эльза — его будущая жена.

Глава пятнадцатая

Однако с каждым днем внимание поэта все больше занимала другая женщина — жена Осипа Максимовича. Когда Маяковский читал Брикам свои новые стихи, Лиля начинала восхищаться первой. Она восторженно распахивала глаза, а потом пронзала поэта многообещающим взглядом. Маяковский реагировал довольно чувствительно. Гости слышали, как после этого между хозяйкой литературного салона и поэтом-горлопаном начинались двусмысленные разговоры. Горлопан от них млеял, а Осип Максимович относился к этому с удивительным равнодушием.

Эта была игра. И Брик это знал. Потому и был так спокоен. Еще он был равнодушен к невинным шалостям жены потому, что после ухода Маяковского, она начинала бессовестно его высмеивать.

— Как он все-таки безвкусно одет? Обратил внимание? — язвила Лиля. — А еще поэт! А обратил внимание, ка-

кие у него короткие ноги, совершенно непропорциональные телу? Зато мнения о себе — выше головы.

Брик не любил разговоров за глаза. И Лилю никогда не поддерживал. Он либо отмалчивался, либо назидательно вставлял:

— Зато у него абсолютный слух в части фонетики стиха. Обрати внимание, как он виртуозно использует аллитерации. И это притом, что он совершенно не образован.

— А ты знаешь, что он принял тебя за мецената и прикарманил 30 рублей! — засмеялась Лиля. — Тираж, оказывается, стоил 120 рублей.

— Знаю, — интеллигентно улыбнулся Брик. — И правильно сделал. Так поступают все поэты.

— Слушай! А какой он трус! Велимир Хлебников в своем экземпляре «Облака» хотел вписать запрещенные цензурой места, так Володя на моих глазах вырвал у него книгу и как резаный завопил: «Вы с ума сошли, Витечка! А вдруг где-нибудь книгу оставите! Меня же сгноят в казематах...»

Как ни старалась Лиля уронить Маяковского в глазах мужа, он по-прежнему был от него без ума. Также она заметила, что и Володя начал относиться к Осипу с осязательным теплом.

— Может быть, заказать ему приличный костюм, и отвести к дантисту, — задумалась Лиля.

Как и предполагал Брик, поэма Маяковского разошлась в считанные дни. Благодаря этому поэта принялись печатать не только в футуристических альманахах, но и в более солидных журналах. Площадного поэта с квадратным ртом стали нарасхват приглашать на различные литературные выступления. Издание книги было победой.

В декабре того же года Брик издал за свой счет альманах «Взял», в котором кроме стихов Маяковского опубликовал свои литературоведческие статьи. А весной 1916 года Осип Максимович раскошелился на вторую отдельную книгу поэта «Флейта-позвоночник».

После этого Лиля, наконец, решила привести Осиного любимца в порядок. Она заказала ему элегантный костюм и уговорила пойти к дантисту. Маяковский с детства боялся зубных врачей, но опекунше перечить не стал. Вскоре его обожженный рот превратился в белоснежную снегурочку с ровными зубами.

К этому времени Маяковский уже привязался к Лиле, как к родной. Однако она продолжала держать его на дистанции и называть на «вы». Только к Новому году Маяковский совсем потерял голову от Лили и совершенно забыл о существовании Эльзы.

Однажды в морозный день, когда поэт со своей опекуншей возвращался из литературного клуба, Лиля по пути предложила зайти погреться в кондитерскую. Маяковский неожиданно воспротивился и стал настаивать на том, чтобы они пошли в его гостиничный номер. Лиля сделала большие глаза и согласилась. Но при условии, что кавалер не будет до нее домогаться. Условия были формальностями. Плутовка прекрасно знала, что Маяковский не сможет к ней не пристать, поскольку все к этому и шло.

Женщина пришла к нему в номер, и все то, к чему, собственно, и катилось, там и произошло на его продавленной одноместной кровати. Это была ее первая измена мужу после того, как они обвенчались.

Еще лежа в постели, Лиля решила не придавать этому значения и поскорее забыть свой некрасивый и постыдный казус. Она отомстила Осе за любовь к Маяковскому, и ее самолюбие было удовлетворено. Но Маяковский повел себя совсем не так, как ожидалось. Еще не поднявшись с постели, он принялся настойчиво требовать, чтобы Лиля немедленно ушла от мужа, и они начали жить вместе. Лиля твердо заявила:

— Осю я не брошу!

Дальше случилось такое, чего женщина ожидать никак не могла. Маяковский зарыдал навзрыд и принялся умолять, чтобы она не бросала его, потому что он и без того

безмерно одинок. Лиля молча выслушала этот скулеж, собралась и, не попрощавшись, покинула гостиницу. Поведение поэта не на шутку встревожило ее.

В дальнейшем она неоднократно каялась, что переспала с Маяковским, потому что именно после того вечера в гостинице он и начал преследовать ее на каждом шагу. При этом грозил, что если она сама не уйдет от мужа, то он расскажет ему об измене. Володя сделался совершенно больным. Лиля поняла, что заигралась. Однако не знала, как все вернуть назад.

— Если ты разведешь нас с Осей, то больше меня не увидишь, — заявила она в ультимативной форме.

После этого Маяковский перестал приходить в дом Бриков, чем сильно расстраивал Осю.

— Что с Володей, почему не приходит? — спрашивал он.

Лиля пожимала плечами. Так же ничего внятного не говорили литераторы, продолжавшие посещать литературный салон семьи. Когда на Новый год и Рождество в Петроград приехала Эльза, Маяковский появился с ней в их доме. Правда, был очень мрачен. Но зимние праздники справили, и Эльза уехала обратно в Москву.

После выхода альманаха поэт снова пропал, чем сильно расстроил Брика, потому что они оба были в руководстве издания. Поползли слухи, что Маяковский собирается перебраться в Москву поближе к Эльзе. Лиля возрадовалась. Однако рано. Однажды в квартире Бриков раздался телефонный звонок. Женщина сняла трубку и похолодела. Голос Маяковского был совершенно безумным.

— Лиля, я стреляюсь! Прощай!

— Подожди меня! Не стреляйся! — прокричала она в трубку и кинулась из дома вон.

На улице она поймала извозчика и на полном скаку понеслась к нему на квартиру. В это время Маяковский жил в двадцати минутах ходьбы от Бриков на Надеждинской улице. Приехала, взлетела по лестнице, вбежала в комна-

ту. За столом сидел Володя, обхватив руками волосы. Перед ним на столе лежал пистолет. Он поднял голову. В его глазах стояли слезы.

— Стрелялся, осечка, — произнес он хрипло. — Второй раз не решился. Ждал тебя.

Лиля прижала его голову к груди, и он разрыдался, как ребенок. После бурной постельной сцены Володя пришел в себя и снова потребовал, чтобы Лиля бросила мужа.

— Я не могу его бросить, — вздохнула Лиля. — Он мне, как брат. Он с детства моя неотъемлемая часть.

Володя обиженно нахмурил брови.

— Ты должна принадлежать только мне.

Лиля весело рассмеялась.

— Ах, вот ты о чем? Тогда можешь быть спокойным. Я с ним давно не сплю. Еще год назад наша личная жизнь с ним как-то сама собой расплзлась...

В Володиных глазах блеснула радость.

— Почему? — спросил он.

— Сразу не объяснишь, — задумалась Лиля. — Он стал мне как брат, как сын...

Это было чистым враньем. Причем, придуманным второпях и поэтому не очень складным. Это было сказано для того, чтобы успокоить Маяковского в ту минуту.

Впоследствии, эта фраза о «расползшейся личной жизни с Осей» слово в слово перейдет в дневник Лили Юрьевны и будет относиться приблизительно к 1914 году.

Глава шестнадцатая

Непонятно, на что надеялась Лиля, возобновив любовные отношения с Маяковским. Может на то, что он человек увлекающийся и увлечется более юной и изысканной особой. Кстати, Маяковский продолжал оставаться официальным женихом Эльзы, однако о ней он вспоминал все реже и реже, и в Москву ей писал не чаще одного раза в

месяц, несмотря на то, что она забрасывала его страстными письмами.

Теперь Маяковский с Лилей встречались регулярно. Их свидания происходили, то у него на квартире, то в домах свиданиях, которыми изобилывал в то время Петербург. Лиле, смирившейся с тем, что она блудница, больше нравилось встречаться в домах свиданиях.

Однажды после очередной постельной страсти, когда они еще томились в прохладной неге влажных простыней, Володя попросил рассказать Лилю о свадебной ночи с Осей. Женщина долго отнекивалась, стыдливо пряча глаза, но возлюбленный так настойчиво требовал подробностей, что в конце концов она сдалась.

Лиля рассказала все от начала до конца: от своего первого девичьего порыва до последнего утомленного осиново всхлипа. Когда закончила, Маяковский завопил, как сумасшедший, выскочил из кровати и, рыдая, бросился в чем мать родила вон из комнаты. Он намеривался в таком виде выбежать на улицу, но на выходе его перехватили офицеры автомобильного полка, явившиеся в веселый дом отдохнуть от службы. Хозяйка заведения была напугана до смерти. Она попросила Лилю больше не приводить к ней таких нервных клиентов.

— Постараюсь, — попыталась отшутиться Лиля, но было не смешно.

Дома у Лили Юрьевны продолжали собираться литераторы. Ее муж все также восхищался Володей. К этому времени он уже не работал в ювелирной конторе отца, а был увлечен исследованиями фонетической поэтики стихов Пушкина и Лермонтова. Впоследствии его книга «Звуковые повторы» войдет в анналы литературоведения.

Приходя в дом Бриков, Маяковский старался вести себя с Лилей как можно сдержаннее. Однако сильно нервничал, когда хозяйка салона принималась кокетничать с кем-либо из гостей. Осип к шалостям супруги по-прежнему оставался равнодушным, а Маяковский менялся в лице,

мрачнел и часто уходил из гостей, громко хлопая дверью. Осип Максимович недоумевал.

— Что это с Володей?

На другой день Маяковский устраивал Лиле сцену ревности. Она, смеясь, отмахивалась, уверяя, что кокетничала для конспирации, чтобы Ося не догадался об их любовной связи. Но когда Володя снова настаивал на том, чтобы она ушла от мужа, Лиле приходилось в сотый раз повторять, что у них с Осей давно нет интимной близости, и их связывает только высокое духовная единение.

Так продолжалось до 1918 года. За это время произошла революция, которую Володя с Лилей встретили с восторгом, а Ося — сдержанно. Маяковский уже стал весьма популярным и одним из самых высокооплачиваемых поэтов Петрограда.

Тональность его стихов изменилась. Он начал писать революционные оды. Изменилось и его отношение к Лиле. Теперь он считал ее своей женой и больше не желал скрывать отношений. После того, как поэт снялся в фильме «Барышня и хулиган», он поставил вопрос ребром: либо Лиля уходит от мужа и отправляется с ним в Москву, либо он сам все рассказывает Осе и опять-таки забирает ее в Москву.

Фильм «Барышня и хулиган», к которому Маяковский написал сценарий, пользовался бешеным успехом. Его снова пригласили на работу в кинематограф. Маяковский пообещал Лиле, что он и ее устроит в кино, причем, на роль, которую сам напишет.

— Если тебе тяжело, я сам поговорю с Осипом Максимовичем, — заявил Володя в ультимативном тоне.

— Только не ты! — взмолилась Лиля, поняв, что дальше тянуть невозможно. — Я сама все расскажу.

Когда после разговора с Маяковским она возвратилась домой чернее тучи, Ося вышел в прихожую и внимательно всмотрелся в супругу:

— Уже слышала про Володю?

— О том, что его опять пригласили в кинематограф? — спросила Лиля.

— Нет! — покачал головой Ося. — О том, что у него сифилис, который он подхватил от уличной проститутки, и что он заразил им музу Игоря Северянина Сонечку Шардину.

Лиля побледнела.

— Кто тебе сказал?

— Витя Шкловский. А ему рассказал Горький.

— А он откуда знает?

— Об этом говорит весь Питер.

Разумеется, после такого сообщения разговор с Осипом состояться не мог. Нужно было срочно выяснить про Володину болезнь.

На следующий день Лиля поехала к Маяковскому. К ее облегчению слухи о нехорошей болезни у него самого вызвали недоумение.

— Поехали к Горькому! — решительно потребовала Лиля.

— Не поеду, — нахмурился Маяковский. — Я не хочу разбираться в этих сплетнях.

Лиля поехала к пролетарскому писателю одна. Хотя нет. Прихватила Шкловского. Приезд Лилички весьма обескуражил певца рабочих слободок. Женщина зашла к нему в квартиру, а Шкловского оставила в коридоре. Она пронзила писателя строгим взглядом и принялась стыдить за распространение сплетней.

— Но я не говорил ничего подобного, — развел руками Горький.

Лиля возмущенно сверкнула глазами, открыла дверь и выпустила Шкловского. При виде поэта Горький сразу пошел на попятную.

— Хорошо! Признаюсь — говорил. Но мне об этом рассказал один доктор. Фамилию не спрашивайте — не помню. К тому же он уехал на Украину.

Пролетарский писатель соврал. Про сифилис у площадного футуриста ему рассказал Корней Чуковский, который так и не забыл обиду, нанесшую ему Маяковским. Это была месть за Сонечку.

Возвратившись домой, Лиля, не раздеваясь, прошла в комнату, посмотрела Осе в глаза и без какого-либо предисловия произнесла:

— Я уйду к Володе. Он меня любит. Мы с ним давно уже любовники...

Осип замер. Сердце у Лили сжалось.

— Если тебе больно, я останусь с тобой, а с ним разорву! — воскликнула она и бросилась к мужу, чтобы обнять.

Если бы в ту минуту Осип не спрятался за маской равнодушия и дал волю чувствам, с Маяковским было бы покончено навсегда. Лилия разрыдалась бы, раскаялась, вымолила у него прощение и поклялась бы на Еврейской Библии быть верной ему до самого гроба. Но Брик холодно остановил ее ладонью и отстраненно ушел в очки.

— Мне не больно, — спокойно ответил он. — Делай, как считаешь нужным.

В этот вечер они больше не произнесли ни слова. Лилия еще надеялась, что общая кровать пробьет его ледовый панцирь, из-за которого прольется половодье чувств. Но Брик отстранено лег в гостиной на диване.

Лилия не спала всю ночь, давилась слезами и ждала, что муж поднимется со своего скрипучего дивана и придет к ней в спальню. И тогда она уже никогда, никуда и ни за что его не отпустит от себя. Но он не пришел.

Утром Осип встал, умылся, сел за стол и зашелестел книжными страницами. Лилия упрямо не вставала, надеясь, что он зайдет в спальню и поинтересуется хотя бы ее здоровьем. И тогда она заплачет...

Но и этим замыслам не суждено было сбыться. В прихожей раздался звонок. Ося пошел открывать. По раздав-

шемуса басу Лиля поняла, что черт принес в дом Маяковского.

Глава семнадцатая

Несмотря на то, что Лилина мечта сбылась, и теперь она снималась в картине, на душе было тяжело. Маяковский сдержал слово и пробил ее на главную роль в фильме по своему сценарию. До этого, несмотря на протекцию поэта, от Лили дружно отмахивались все российские кинематографисты. По их словам, у нее не было ни пластики, ни мимики, ни вообще каких-либо данных для того, чтобы работать в кино. После того, как Маяковский написал сценарий к «Барышне и хулигану» и сам блестяще снялся в главной роли, он начал диктовать условия. Его условие было таково: главную роль в картине «Закованная фильмой» сыграет Лиля Брик. Киношному начальству ничего не оставалось, как скрепя сердце пойти на уступки. Маяковский был кассовым актером.

Чтобы приобрести пластичность Лиля взяла несколько уроков балета. Однако это не помогло. Картина получилась не очень удачной из-за невыразительной игры героини и до наших дней не дожила.

Но это много позже. А весной 1918 года, когда происходили съемки фильма, все пророчили картине еще большую славу чем «Барышне и хулигану». Внешне Лиля оставалась такой же, как всегда, — веселой, озорной, с горящими глазами. Но изнутри ее пожирала тоска по мужу. Что касается Володи, то он был на седьмом небе от счастья. Но иногда и ему передавалось настроение Лили. Он внезапно становился мрачным. Замыкался, делался слезливым. А когда дописывал очередное стихотворение, меланхолически вздыхал:

— Показать бы сейчас Осе.

Всегда уверенный в себе Маяковский чувствовал некоторую растерянность. Он привык к редакторской правке Осипа Максимовича, и без нее испытывал сомнения в завершенности только что рожденного стихотворения.

— Как ты считаешь, с Осей можно возобновить дружбу? — спросил он однажды вечером.

Лиля вздрогнула. В эту минуту она тоже подумала о нем.

— Ты хочешь, чтобы я ему написала?

— Хочу! — оживился Маяковский. — От меня добавь, что я бесконечно его люблю, и всегда буду любить, как бы он на меня не сердился.

В этот же вечер Лиля села за письменный стол. «Милый Осип! — написала она. — Бесконечно тебя люблю и очень по тебе скучаю...» Запечатывая послание в конверт, она была уверена, что Осип не ответит. Но он ответил. Правда, как всегда, несколько холодно, но сквозь строки ощущалось, что он тоже скучает.

Так оно и было. Когда за Лилей с Володей захлопнулась дверь, в беспокойной квартире Бриков словно померк свет. Разные мысли зароились в голове у Осипа Максимовича. Сначала ему пришло в голову, что теперь он со спокойной душой может эмигрировать в Европу, но потом он понял, что это не поможет. В Европе его будет поедом поедать все та же тоска по Лиле, да еще напополам с ностальгией. Теперь жизнь потеряла смысл.

Осип подумал, что с этого дня заниматься литературными исследованиями он больше не сможет, поскольку это будет ему напоминать о предательстве жены. А возобновлять ювелирную коммерцию уже было поздно. Новая власть начала национализацию частных предприятий. Но дело даже не в этом. После приобщения к высокому искусству, возвращаться обратно в торговлю было невыносимо. Как-никак он редактировал стихи гения и активно влиял на творческий процесс.

После нескольких дней обитания в пустой квартире Осип, как ни странно, заскучал и по Володе, к которому привык, и которого искренне полюбил. Из Володи хлестала такая же жизнь, как и из Лилички. Теперь он отдал бы многое, лишь бы вернуть их в эту квартиру.

Письмо, которое пришло из Москвы, обрадовало Осипа Максимовича. «Быть рядом с ними, и более ничего... Только бы находиться рядом...» — подумал он.

Брик ответил на письмо. Лиля с Володей словно этого ждали. Они написали, что после окончания съемок собираются на отдых в Левашово. Намерены снять там две комнаты с пансионом. Спрашивали, не желает ли Ося присоединиться к ним? Сердце Осипа Максимовича радостно встрепенулось.

Через некоторое время на даче в Левашово поселились трое. Они сняли три комнаты. Любопытные соседи заметили, что жена Осипа Максимовича ходит в обнимку и без конца целуется с каким-то нескладным долговязым мужиком, разговаривающим басом. А Осип Максимович в это время скромно сидит за садовым столиком со стопкой книг и что-то без конца выписывает карандашом в толстую тетрадь. Еще соседи заметили, что Осип Максимович ночует только в своей комнате, а долговязый — довольно часто в комнате его жены.

Летом на дачу в Левашово приехала Эльза. Она решила эмигрировать с матерью во Францию и прибыла, чтобы проститься с сестрой. Когда она весело толкнула калитку и забежала в сад, то остановилась, как вкопанная, увидев странную картину.

У дома на скамейке сидела Лиля, а у ног сестры полулежал ее возлюбленный Володя. Лиля ласково гладила ему волосы, и лицо поэта выражало высшую степень блаженства. Такое умиротворенное и счастливое лицо площадного горлопана не могло не напугать девушку. Она растерянно обвела глазами сад и увидела в отдалении Осипа Максимовича, сидящего за садовым столиком. Он,

как всегда, был погружен в какую-то толстенную потрепанную книгу. От изумления гостя потеряла дар речи.

— Эльзочка! — очнулась Лиля. — Только умоляю, не делай такие страшные глаза. Просто я сказала Осе, что мое чувство к Володе проверено, и что я теперь ему жена. И Ося согласен.

Володя расплылся в счастливой улыбке и, не меняя позы, поцеловал Лиле коленку. Эльза перевела изумленный взгляд на Осипа Максимовича. Тот поднял голову.

— Да, Эльза, — спокойно произнес он. — Мы решили жить втроем.

— Как втроем? — изумилась Эльза и попятилась. — Это... очередной футуристический эпатаж?

Девушку посадили за стол и налили ей чаю. Но она не смогла выпить ни глоточка. Она всматривалась то в Володю, то в сестру, то в Осипа Максимовича и отказывалась верить происходящему. Вдобавок, когда она засобиралась обратно, Володя не пошел ее провожать по обыкновению. Ее пошел провожать Осип.

Потом из Парижа она писала пылкие письма Маяковскому. «Напиши, что любишь меня по-прежнему крепко. Целую тебя, милый, много раз».

Но Маяковский на письма не отвечал.

Глава восемнадцатая

К концу лета Петроградская квартира Бриков снова ожила. В ней кроме супругов поселился еще Маяковский. Теперь они жили в более просторном жилище — на той же улице, в том же доме, но только на другом этаже.

В новой квартире гостиная была куда просторнее, чем в старой. Кроме спальни, добавилась еще одна комната, в которой спал Осип Максимович. Лилия с Володей спали в комнате поменьше, на той же самой супружеской кровати, которая Лилия до отъезда в Москву делила с Осей.

По вечерам в этом доме также собирались литераторы, и они также называли квартиру Бриков литературным салоном Лили. Однако когда далеко за полночь гости расходились по домам, Маяковский никуда не уходил и оставался на ночь. В этом была разница.

В новой семье Осип Максимович был на особом положении. Теперь он чувствовал себя ребенком, а Володя с Лилей родителями. Ему уделялось особое внимание, и доставались все сопливые семейные нежности, как от Лили, так и от Володи. Вот только ближе к полуночи Лиля с Володей уединялись в другой комнате. Правда перед сном Лиля нежно целовала Осю в лобик с пожеланьями спокойной ночи. И Володя тоже целовал. В макушку.

По утрам великий стихотворец просыпался раньше всех. Он вскакивал с кровати, шумно умывался и начинал энергично расхаживать по гостиной, скрипя половицами. Из спальни выходила Лиля и прикладывала палец к губам:

— Тише. Осечка еще спит.

— А, по-моему, уже проснулся, — шептал в ответ Маяковский и, подойдя к дверям его комнаты, начинал прислушиваться.

Лиля шла на кухню разжигать самовар. Когда она возвращалась с чашками в руках, Маяковский кивал на дверь и шепотом доносил:

— Я слышу, как он шелестит страницами. Читает, наверное, в постели. Или разгадывает шахматную партию. Звать?

— Зови! — разрешала Лиля.

Маяковский начинал барабанить в дверь.

— Осип Максимович! Самовар кипит. Пора завтракать.

Осип выходил из комнаты и сразу окунался в поток нежности и ласки, которые исходили от членов семейства.

— Не проснулся еще Осечка, — сладко ворковала Лиля. — Зевает еще, котенок.

Когда Осип Максимович усаживался за стол, Владимир подходил к нему и говорил:

— Дай поцелую тебя в лысинку.

После этого начинался интересный разговор о литературе, который жадно интересовал всех, особенно Маяковского. У него никогда не было времени читать литературоведческие исследования, и все новинки из этой области он узнавал исключительно из уст Осипа. Брик умел интересно рассказывать и частенько завтрак затягивался до обеда.

По большому счету Осипу Максимовичу грех было жаловаться. Его искренне любили. Он был рядом с любимыми людьми. Он был снова приобщен к высокому — к редактированию стихов Маяковского. Брик даже разрабатывал планы и набрасывал структуры его будущих поэм. Иначе говоря, себя он чувствовал в этом божественном творческом процессе не последним человеком.

Единственного, чего он лишился, — это тела жены. Насколько сильно он страдал, когда Володя запирался с его любимой женщиной в спальне, не знает никто. Осип был скрытным и умел владеть собой, прячась за маской равнодушия. Но так ли он был равнодушен, как хотел казаться? Этого никто не мог сказать ни тогда, ни тем более сейчас.

К осени в Петрограде стало голодно. Литературные журналы закрывались один за другим. К этому времени Брики уже практически жили на гонорары Маяковского, поскольку любую коммерческую деятельность большевики приравнивали к спекуляции. Работы не было. Литературные исследования Осипа никого не интересовали, да и время было далеко не литературоведческое. Брик издал крохотным тиражом «Сборник по теории поэтического языка». Книга не принесла ему ни славы, ни денег.

А тем временем родственники Брика и Маяковского с каждым днем все подозрительнее относились к вновь создавшейся семье втроем. По Петрограду поползли нехорошие сплетни. Это было последней каплей. На семейном совете Брики с Маяковским постановили перебраться в Москву. Там с продуктами было получше и с работой

перспективнее. Но главное, народ в Москве более восприимчив к революционным преобразованиям, в том числе и к семейным.

В канун 1919 года странное семейство перебралось в Москву, где сняла маленькую квартиру в Полуэктовском переулке. Именно в ней Маяковский пережил свое первое потрясение, связанное с так называемой личной жизнью.

Часть вторая

Еле расстались, развиделись еле

Глава первая

Как известно, именно это убогое жилище в Полуэктовском переулке поэт обессмертил в своих стихах: «Двенадцать квадратных аршин жилья. Четверо в помещении: Лиля, Ося, я и собака Щеник». Собака появится позже, когда ее привезут из Подмосковной деревни Акулово.

На самом деле, в этой квартире было много комнат. Однако в ту холодную зиму их отопить было непросто. Поэтому троица из экономии поселилась в гостиной, где были печь и камин.

В доме не было никаких удобств, как и в большинстве московских домов. Ближайший туалет на Ярославском вокзале. Однако бытовая неустроенность никогда не угнетала Бриков, а тем более — Маяковского. Главное, что в эту московскую квартиру, также как и в Петроградскую, набивалось несметное количество творческой интеллигенции. Гостями Маяковского с Бриками были не только поэты, но и художники с кинематографистами. Сюда, кроме Пастернака, Асеева и Крученых, запросто приходили художник Малевич и кинорежиссер Эйзенштейн.

Угощать в тот голодный год особо было нечем, кроме чая, да черного хлеба. Однако сюда приходили не за угощением, а за теплом, которое исходило от этого семейства. Вечно сияющим солнцем на этих двенадцати квадратах конечно же была хозяйка квартиры Лиля, которая своим веселым нравом могла превратить любые будни в праздники. В этот период женщина просто светилась от счастья. Она была одновременно и музой гения, и обожательницей любимого мужчины.

Лиля не могла не видеть, что Осип по-прежнему ее любит и также вожделеет, как и в первые месяцы их брака. Но он очень сдержан, терпелив и тактичен. А, кроме того, совершенно ни в чем не требователен в отличие от Володи. «Такие качества у мужчин самые прекрасные», — вздыхала про себя Лиля и считала мужа совершенным идеалом.

Вот Володя — полная противоположность идеалу: ревнивый, нетерпеливый, обидчивый и крайне истеричный. К тому же огромный, нескладный, горластый. С таким невозможно ходить по улицам. На него все оглядываются. Нет, мужчины подобного рода никогда не нравились Лиле. «И дернул же черт с ним связаться?» — досадовала про себя она, когда Володя в очередной раз устраивал сцены ревности. Хотя открытых скандалов он не устраивал. Видя, как Лиля по обыкновению строит глазки кому-то из гостей, Володя мгновенно мрачнел и удалялся в другую комнату, громко хлопая дверью. Осип к амурным штучкам жены относился с равнодушием и продолжал вести душевные беседы с гостями о тонкостях литературного искусства.

Следует пояснить, что Лиля с Маяковским одобряли революционные перемены, происходящие в стране. Они искренне верили, что совершенный в 1917 году переворот — нечто новое в истории человечества и новые веяния прямым путем ведут к светлому будущему.

— Если Александр Блок, умнейший из российских поэтов, принял революцию, значит истина где-то рядом, — горячился Маяковский, когда слышал ворчания по поводу голода и разрухи.

Лиля тоже была фанаткой революции, поэтому наотрез отказалась от эмиграции, в которую ее звали мама с сестрой. Она считала, что ее место здесь, и строить новую справедливую жизнь — ее долг. Что касается Осипа, то он к революции относился настороженно, однако своих взглядов не афишировал и, будучи человеком покладистым, надеялся приспособиться.

Так что в окна РОСТА, в государственную рекламу, Маяковский пошел работать почти из идейных убеждений, хотя заработок играл в этом вопросе не последнюю роль. Не исключено, что он действительно полагал, что для безграмотного населения России государственные агитки и плакаты будут более действенны, чем стихи. Но от стихов Маяковский ни в коем случае не отказывался, хотя и склонялся к мысли, что писать всякую любовную муть на данном этапе не время. Проявив себя в этой организации на пару с графическим дизайнером Александром Родченко, Маяковский пристроил к себе под бок и Лилю, которая тоже имела за спиной художественные курсы.

Идейные соображения членов семьи вскоре были оценены и Осипом. Правда, с практической точки зрения, поскольку семейство в Полуэктовском переулке, благодаря работникам РОСТА, начало выбираться из нищеты. Брик добытчиком не был. Он предпочитал оставаться дома, читать литературоведческие книги и редактировать Володины стихи. У него были более глобальные планы, чем рисование агитплакатов. Осипа Максимовича тянуло к вечному. К весне он учредил Общество изучения поэтического языка, надеясь в дальнейшем под этой вывеской издавать литературные журналы и газеты.

Весной 1919 года Маяковский испытал то самое потрясение, из-за которого едва не застрелился во второй раз.

Приехав однажды из Ярославля, он вошел в квартиру, прошел в гостиную и остолбенел. На его с Лилиной кровати под стеганым одеялом лежали двое: Лиля и Осип.

— Это что? — спросил Маяковский помертвевшими губами.

— Мы замерзли и греемся, — как ни в чем не бывало, ответила Лиля и вдруг звонко рассмеялась. — Только не делай такие ужасные глаза. Вспомни, что Ося мне муж.

— Как муж? — еще больше растерялся поэт. — А я?

Наступила тишина. Лилия с Осей сконфуженно переглянулись. Маяковский понял все. Лилия его обманула, когда уверила, что они с Осей давно не живут физически. «Значит, она обманывала всегда?» — похолодел от страшной догадки поэт.

Он достал из заднего кармана пистолет, приложил к сердцу и вышел из комнаты. Супруги снова переглянулись. Затем, словно опомнившись, вскочили с кровати и нагими побежали за ним. В холодной кухне Ося отнял у Володи пистолет, который не выстрелил из-за осечки. Лилия обняла беднягу и принялась его успокаивать. Маяковский разрыдался. Ося сходил в комнату и накинул на Лиллю халат. Истерика продолжалась несколько часов. Маяковский то успокаивался, то снова с красными от бешенства глазами требовал вернуть пистолет. В конце концов, он оттолкнул их обоих и выбежал из квартиры.

— Пускай уходит, — сказала Лилия. — Ведь он нам не нужен?

Осип едва заметно улыбнулся и тихо ответил:

— Нужен.

Глава вторая

Маяковский вернулся в полночь. Он был вдребезги пьян. Еще никогда Брики не видели его таким. Маяковский часто пил. Но пил в основном сухие вина. Он нико-

гда не пьянел и никогда не терял человеческого облика. На этот раз от него сильно разило сивухой, и он не мог произнести ни единого внятного звука.

Супруги дотащили его до кровати, уложили в постель, и Лиля начала гладить его голову. Упрямец несколько раз стряхивал ее руку, но потом заснул. Наутро Маяковский по обыкновению проснулся раньше всех, выпил два ковша холодной воды и угрюмо сел на кровать рядом с Лилей. Он долго сопел, собираясь с мыслями, наконец, выдал из себя:

— И давно это у вас... с Осей?

— С детства! — резко ответила Лиля.

Маяковский схватился за голову и застонал.

— Хватит! — крикнула Лиля. — Мне надоела твоя мещанская любовь. Мы свободные люди! У нас свободное общество.

Маяковский поднял влажные глаза на Лилю, но потупился от ее строгого взгляда.

— Я хочу, чтобы ты принадлежала только мне, — тихо произнес он.

— Что у тебя за собственнические замашки? — возмутилась Лиля. — Ося нуждается в ласке не меньше, чем ты. Уходи!

В комнату встревожено вошел Осип. Бедняга поднял на него глаза и вдруг уткнулся Лиле в грудь.

— Лилечка, только не гони меня! Без тебя я не смогу! Ося, прости!

Маяковский снова зарыдал белугой. Лиля метнула вопросительный взгляд на мужа. Тот развел руками. Лиля провела рукой по жестким волосам поэта.

Когда через час в квартире установилась тишина, Лиля назидательно произнесла:

— Давайте договоримся так: днем каждый делает, что хочет, а ночью — мы собираемся под одной крышей.

Маяковскому ничего не оставалось, как кивнуть, хотя он прекрасно понял, что Лиля отвоевывает себе право за-

ниматься любовью с Осей днем, когда он уходит на работу. Поэт вспомнил, что его довольно часто не бывает дома, а Лиля с Осей остаются одни. До вчерашнего вечера ему и в голову не приходило, что бывшие супруги способны наставлять ему рога.

С этого дня что-то сломалось в поэте. Выходя из дома, он ежеминутно думал о Лиле с Осей, которые оставались в квартире одни. Нет, ревновать к Осе Маяковский себе не позволял. Но мысль, что он делит Лилю еще с кем-то, отравляла его душу. Эта горечь не давала радоваться. Она словно змея начала вползать и в стихи. Но уйти от Лили, от ее ласковых рук, мягких губ и озорных глаз Маяковский был не в силах.

Внешне он продолжал оставаться горлопаном, сильным и самоуверенным, но в душе у него все дребезжало. Мало кто догадывался, что это глыба, имевшая такую мощь в поэтических строфах, не мог найти в себе сил уйти от унижений. И вскоре последовали новые унижения. Однажды в одно апрельское воскресенье, когда Маяковский писал очередную поэму, сзади подошла Лиля и ласково положила руки на плечи.

— У тебя вдохновение? — спросила она шаловливо.

Володя перевел на нее взгляд. Ее глаза озорно светились.

— Вот и прекрасно! — продолжила он. — Если так, тебе ведь все равно, где писать?

Она мягко подняла его из-за стола и отвела на кухню. Усадив за кухонную тумбу, Лиля рассмеялась и вышла вон. Володя с удивлением услышал, как в дверях заскрежетал ключ. Он подошел и стукнул по двери. Нет, он не ослышался. Его заперли.

— Зачем ты меня закрыла, Лиля? — спросил он через дверь.

— Будь умницей, посиди немного, — ласково пропела Лиля. — Нам с Осечкой нужно уединиться.

Первым порывом было — разнести кухонную дверь. Но пришлось сдержаться. Второго скандала на почве ревности Лилия не простит.

Володя слышал, как его возлюбленная прошла с Осей в спальню, как сначала в ней было тихо, а потом оттуда донесли протяжные мужские вздохи и родные Лиличкины стоны. Поэт тоже застонал, но от горечи и досады. Захотелось в щепки разнести дверь, но самое большее, на что он отважился, — содрал себе все ногти, отчаянно царапаясь в дверь.

«Уйду от них! — тоскливо затикало в висках. — Как только отопрут кухню, сразу уйду! Навсегда!»

Но когда час спустя свежая и румяная Лиличка отперла дверь, Маяковский взглянул в ее горящие глаза и понял, что уйти не сможет. Он крепко прижал ее к себе, ощутив родной запах тела, впрочем, уже с примесью чего-то иного, кажется, Осиною одеколону, но она гибко высвободилась из рук и шаловливо прошептала:

— Для тебя, Володечка, будет ночь...

Глава третья

Нельзя сказать, что когда Володя с Лилей уходили на работу, Осип Максимович целыми днями лежал на диване и придавался позорной праздности. Он, конечно, лежал на диване с книгой в руках, но в какой-то момент книга падала на пол, и взгляд читателя надолго замирал на потолке. Это были не просто пустые мечты бездельника, а грандиозные проекты, многие из которых впоследствии осуществились. Брик видел себя во главе несметной армии российских литераторов и государственным разработчиком многочисленных литературных направлений.

Осип Максимович уже управлял литературным процессом. Правда, пока в масштабах одного человека. Изданные Бриком поэмы Маяковского принесли свои плоды. Имен-

но после них поэтом-новатором заинтересовались солидные издательства, которые сначала относились к Маяковскому с пренебрежением. Благодаря Брику Владимир Владимирович к 1919 году стал одним из самых популярных поэтов. Более того, хорошо чувствующий политическую конъюнктуру Брик побудил Маяковского к созданию ряда революционных поэм, а для некоторых он даже разработал заготовки.

Маяковский не мог не оценить заслуг Осипа. Как человек не достаточно образованный и не умевший скрупулезно выписывать строки, поэт все больше впал в зависимость от него. «Теперь, когда у Маяковского было имя, грех было не использовать его в качестве афиши», — соображал Брик. Он предложил Маяковского, а заодно и себя, в редколлегию газеты «Искусство коммуны». Но это — мелочевка. Брик мечтал встать во главе мощного писательского союза, в подчинении которого были бы не только журналы и альманахи, но и книжные издательства. Лицом организации, конечно, стал бы Маяковский, но управлял бы организацией он, Осип Брик.

Для осуществления проекта не хватало связей во властных структурах. В этом, как ни странно, помог Осипу его отец, Максим Павлович.

Когда Брики переехали в Москву и Максим Павлович узнал, что теперь его сын делит жену с каким-то уличным горлопаном, впал в окончательное уныние. Однако Осип объяснил родителю, что это не просто горлопан, а величайший из поэтов, имя которого останется в веках. Разговор с отцом происходил в начале девятнадцатого года в квартире Бриков. Пришедший в гости отец ужаснулся тому, в каких условиях живет его единственный сын. Лиля с Маяковским в это время отсутствовали.

— Сейчас все говорят о Маяковском, — согласился Максим Петрович. — Но даже если он и знаменитость, как ты терпишь, что твоя жена спит с ним на твоих глазах.

Осип грустно вздохнул и потупил взгляд:

— Что делать? Такова наша еврейская доля. С женой Авраама тоже спал фараон. И еще какой-то царь. Благодаря этому Авраам и дожил до благородных седин.

— В твоём случае вопрос о жизни или смерти не стоит, — покачал головой отец. — А в случае с Авраамом — это, как мне кажется, было коммерческим предприятием. Благодаря этому, собственно, Авраам и разбогател.

Губы Осипа тронула едва заметная усмешка.

— Считаю это тоже коммерческим предприятием.

Максим Петрович весьма скептически отнесся к проекту сына по созданию писательского союза с подчинением ему органов печати. Как бывшей купец 1-й гильдии он не верил, что литераторы будут играть какую-нибудь существенную роль в новом обществе.

— Сейчас тон задают комиссары и те, кто поближе к новой власти. А поэты — тьфу! — покачал головой бывший купец ювелирных изделий.

— Поверь мне! — горячо возразил Осип. — Комиссарам скоро понадобятся писатели и поэты.

Максим Петрович махнул рукой и вдруг вспомнил:

— А помнишь моего компаньона Абрама Шацкина из Польши? Тоже купца 1-й гильдии. Мы еще останавливались у них. Наверное, помнишь его сына, Лазаря. Тогда ему было два года, а тебе — четырнадцать. Сейчас Лазарь — большой начальник. Личный секретарь Сталина. Собирается в Берлин учреждать Коммунистический интернационал молодежи. Тебе бы с ним сойтись...

В ту минуту Осип с раздражением отмахнулся от отца, подумав, что вряд ли с секретарем тогда мало кому известного Иосифа Сталина у него могут быть какие-то общие дела. О нем он вспомнил только спустя полгода, узнав, что этот прыткий семнадцатилетний сын бывшего компаньона отца избран главой Коммунистического интернационала молодежи. Осип попросил отца устроить с ним встречу.

Встреча состоялась осенью того же года. Лазарь Шацкин был энергичным молодым человеком. Его хватало на все. В пятнадцать лет он с головой бросился в революцию, вступив в семнадцатом году в ВКП(б), а затем он также сломя голову бросился в гражданскую войну. В начале восемнадцатого года ему пришла мысль создать российский коммунистический союз молодежи. С этой мыслью он явился лично к товарищу Ленину. Идея вождю мирового пролетариата понравилась. Он дал добро на создания молодежного союза, и с тех пор считается основателем комсомола. Однако это не так. Основал комсомол Шацкин, который в то время был личным секретарем Иосифа Сталина.

Когда Брик вошел в кабинет к Шацкину, то был поражен его петушино-мальчишескому виду. Лазарь энергично тряхнул руку Брику и любезно спросил, без всякого предисловия:

— Чем могу быть вам полезен, Осип Максимович?

Брик понял, что времени у него мало и что неконкретных предложений юноша, скорее всего, не воспримет, поэтому сразу начал излагать идею об объединении в единую организацию всех российских писателей, которая станет мощным рупором пропаганды советской власти.

— Идея не плохая, — ответил Лазарь. — Но боюсь, не могу вам в этом помочь. Мы — молодежная организация. А для молодежи нужна совсем другая пропаганда. Молодежь, как известно, стихов не читает. Ей бы все больше частушки.

В голосе комсомольского вожака слышалась досада. Брик чутко уловил, что с пропагандой среди молодежи у Лазаря неважно. И действительно, вскоре секретарь начал жаловаться, что в комсомол практически не вступает де-

ревенская молодежь. Да и нормальная городская относится к организации с подозрением.

— Вступает только пролетарское дно из трущоб, человеческий сброд, лишенный всякой морали, уголовные элементы, преступники всех мастей... Ну какие из них работники!

— Верно, — согласился Брик. — Для кузницы коммунистических кадров материал трухлявый. Что касается крестьянской молодежи, она слишком хитроватая, чтобы заманивать ее энтузиазмом. Ей надо дать что-то более существенное.

— Что мы можем дать! — развел руками Лазарь. — Дополнительные пайки? Невозможно! Вы видите, в каком состоянии страна. Знаете, сколько в комсомоле числится? Чуть более двадцати тысяч! А нам нужно несколько миллионов.

Брик понимающе покачал головой. Затем внимательно посмотрел на Лазаря.

— Только одним можно заманить в комсомол деревенскую молодежь: свободной любовью.

— Шутите?

— Нисколько. Представьте, что таинство отношений между мужчиной и женщиной в союзе молодежи рассматривается как классовый предрассудок. Девственность признана странным наследием темного мира, наследием царства эксплуатации человека человеком. А отношение полов будет рассматриваться лишь в контексте революционной целесообразности. Нужно запустить мнение, что половая похоть, не должна быть препятствием для строителей коммунизма, что жажда половой потребности между парнем и девушкой в комсомоле станет удовлетворяться также просто, как жажда голода.

Лазарь серьезно слушал Брика. Потом неожиданно рассмеялся.

— Идея любопытная! Надо обдумать. А скажите, Осип Максимович, товарищ Маяковский готов выступить рупором свободной любви?

Брик расплылся в торжествующей улыбке.

— Готов. И уже выступает.

Лазарь снова рассмеялся. Почесал голову.

— Решительно интересная идея! Здесь надо очень хорошо покумекать.

Молодой человек внезапно сделался серьезным.

— А скажите, сколько вам лет, Осип Максимович?

— Тридцать один.

— Жаль, — вздохнул Шацкин. — Комсомольский возраст только до двадцати восьми. Я бы вас взял к себе... Впрочем, подождите! Я, кажется, знаю, куда вас можно устроить. Ведь вы по образованию юрист?

Лазарь сорвал с телефона трубку, быстро набрал какой-то номер и деловито произнес:

— Соедините меня с Аграновым.

Глава пятая

Особоуполномоченный особого отдела ВЧК Яков Агранов только начинал свою чекистскую карьеру. Он работал в секретариате у Ленина, и Владимир Ильич ценил его за исполнительность и аккуратность. Много секретных документов прошло через руки этого человека. В 1918 году он познакомился с Лазарем Шацкиным, который пришел на прием к Ленину со своей идеей о создании коммунистического союза молодежи. Два еврея сразу понравились друг другу и немедленно нашли общий язык.

Кроме того, что Шацкин добился согласие Ленина на формирование молодежной организации, он еще убедил Агранова стать личным информатором Сталина, у которого состоял секретарем. Юноша пообещал Агранову стремительный карьерный взлет и высокие государственные

должности в будущем, если тот примет его предложение. Агранов к предложению секретаря Иосифа Виссарионовича отнесся серьезно и принялся снимать копии документов, которые проходили через его руки. Копии он передавал Шацкину, а тот — лично товарищу Сталину. Тут надо отметить, что будущий отец народов не оставил без внимания усердие секретаря вождя мирового пролетариата и однажды взял его с собой в Царицын на продразверстку, чтобы проверить в деле. Деловые качества Агранова Иосифу Виссарионовичу понравились, и он дал протекцию Дзержинскому на перевод его в ВЧК. Агранову сразу приняли на должность особоуполномоченного.

По просьбе Шацкина Агранов дал рекомендацию Брику для определения его на службу в юридический отдел ВЧК. Чтобы устроиться на работу, Осипу Максимовичу пришлось спешно вступить в партию. К вступлению мужа в правящую партию Лиля отнеслась с пониманием, а Маяковский с сарказмом. Хотя поэт с уважением отнесся к тому, что Осип стал чекистом.

Приблизительно через месяц после встречи Брика с Шацкиным по Москве поползли слухи о «национализации» женщин в пользу передового пролетариата. Лилю эти слухи очень веселили. Она словно сошла с ума. Не проходило вечера, чтобы она не подсаживалась на колени к кому-нибудь из гостей и не начинала с ним на двоих курить сигарету. Это означало, что после курения она готова на все. К любовным заигрываниям жены Осип по-прежнему относился с равнодушием, а Маяковский мрачнел. Когда поэту становилось невмоготу видеть Лиличкины амуры с гостями, он выходил из комнаты и громко хлопал дверью. Через минуту возвращался и мрачнел еще больше, потому что Лилия на его реакцию не обращала ни малейшего внимания.

Тогда Маяковский снова выскакивал из комнаты и хлопал дверью еще сильнее. А затем хлопал входной дверью.

— По всей видимости, Володечка прошел проветриться, — иронично комментировала Лиля, и все смеялись.

Однажды, когда гости разошлись и Лиличка перед этим очень нежно расцеловалась с поэтом Алексеем Крученых, Осип тоже засобирался на улицу.

— Ты куда? — удивилась Лиля.

— Пойду, поищу Володю. Сегодня он выбежал совсем не в духе.

— Решительно не в духе, — иронично вздохнула Лиля. — В последнее время он что-то сильно нервничает. Видно, сильно устает на своих агитках.

Лиля мстительно рассмеялась. Осип укоризненно посмотрел ей в глаза.

— Зачем ты его дразнишь?

Лиля сделалась серьезной. Она приблизилась к мужу и положила ему руки на плечи.

— Дурачок, — произнесла она нежно. — Я дразню не его, а тебя.

Осип отстранился.

— Тебе его не жалко?

— Нет, — ответила Лиля.

А тем временем в стране начиналось шествие великого революционного эротизма. В начале двадцатых появилась та самая скандальная статья, то ли Александры Коллонтай, то ли Клары Цеткин, про теорию стакана воды. Ни Коллонтай, ни Цеткин к этой статье не имели отношения, хотя на их взглядах о семье и основывалась эта революционная теория. Самым загадочным было то, что ни один человек не видел газеты, в которой была напечатана статья. Текст распространялся в листовках, перепечатывался на печатных машинках и переписывался от руки. В листовках говорилось, что половая потребность должна находить удовлетворение без всяких условностей. Это должно быть также просто, как утолить жажду, выпив стакан воды.

Статья взорвала молодежь. Все газеты дискуссировали на одну и ту же тему. В дискуссию ввязался даже Луначарский, который написал свой знаменитый опус «О быте: молодежь и теория стакана воды». Да что Луначарский. Даже Ленина не обошла всеобщая дискуссия. «Конечно, жажда требует удовлетворения, — соглашался вождь мирового пролетариата, — но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, края которого захвачены десятком губ?»

Заметка Ленина не содержала праведного гнева, как в отношении классовых врагов. Она больше напоминало ласковое отеческое пожуривание. Поэтому революционный эротизм, не видя серьезного сопротивления власти, продолжал набирать обороты.

На комсомольских собраниях секретари убеждали молодежь в свободной революционной любви. Но если бы только на собраниях. По всем российским городам и весям, на городских площадях и деревенских сходках выступали молодые ораторы, пропагандирующие прелести новой жизни и свободы половых отношений.

Во всех газетах, и не только молодежных, без конца публиковались письма сознательных комсомольцев. На улицах стали появляться молодые люди с плакатами следующего содержания: «Каждый комсомолец может и должен удовлетворять свои половые стремления. А каждая комсомолка обязана идти ему навстречу, иначе она мешанка».

— Вот посмотрите, что напечатала «Правда», — восторженно воскликнула Лиля, прибежав однажды с улицы. — Письмо студентов Политехнического. «Как нам удовлетворять естественные надобности, если девушки не идут навстречу товарищам-комсомольцам? Где их революционное сознание. Девушки должны снимать с нас сексуальное напряжение, чтобы мы, вдохновленные, смело шли к новым трудовым победам!»

Лиличка залилась веселым хохотом.

— А вот еще письмо от Петроградских студентов. Послушайте! «Студенты косо смотрят на тех комсомолок, которые отказываются вступить с ними в половые сношения. Они считают их мелкобуржуазными ретроградками, которые не могут освободиться от устаревших предрассудков».

Лиля повалилась на диван от смеха. Затем, немного успокоившись, шаловливо закатила глаза к потолку:

— И почему я не комсомолка?

Володя нахмурился и отвернулся. Осип, напротив, расплылся в снисходительной улыбке.

— Если ты наденешь красную косынку, то можешь сойти за комсомолку.

Глава шестая

Теперь в литературном салоне Лили не столько читались стихи, сколько шли дискуссии на тему свободной любви. Хозяйке салона эти споры были по душе. Во время дискуссий ее глаза горели особым огнем.

— М-да, — скептически хмыкал Ося. — Оказывается, раскрепощение нравов вызывает брожение не только в штанах, но и в умах.

— О да! Болтовни на эту тему стала как-то через чур много, — морщился Маяковский.

— Болтовни много, а дела мало! — озорно восклицала Лиля и бросала многозначительные взгляды на Алексея Крученых. — Я согласна с Володей! Делом нужно заниматься!

Все, кроме Маяковского, знали, что у Лили с Крученых роман. Они встречались каждый день у него на квартире. И хотя это было очевидно, Маяковский упрямо не хотел понимать, почему его жена зачастила к поэту.

— Знаете, сейчас появилась еще одна теория, — проявил осведомленность Крученых, метнув многозначительный взгляд на Лилю. — Теория Эроса.

— Название многообещающее, — страстно сощурилась Лилия и, закурив сигарету, передала ее Алексею.

Тот с наслаждением вдохнул дым и продолжил:

— Как я понимаю, теория имеет задачу — уверить общество, что в целях достижения полной свободы и скорейшей победы коммунизма необходимо избавиться от всех условностей старого мира: любви, семьи, дома. Для этого следует полностью обнажить человеческое тело — в живописи, на сцене, в кино. Стыдливость — это искажение всего нормального и здорового. С ней надо вести борьбу. Что касается любви, то ее, согласно теории эроса, нет вообще. Есть только голое размножение! Не более чем физиологическое явление природы.

Асеев рассмеялся и хитро посмотрел на Осипа.

— Эта теория тоже сочинялась в вашем ведомстве?

Осип скромно пожал плечами.

— Наше ведомство занимается более серьезными задачами.

— О да, слышан! — иронично произнес Пастернак. — Кстати, заходил сегодня в издательство. Стихи не приняли! Сказали, сейчас не время для таких стихов, как у меня. Издательство ждет произведения с современной героиней. Как мне сказали, задача современного писателя на сегодня такова: создать новый образ женщины, которая будет приветствовать измены своего мужа, и сама с пониманием удовлетворять сексуальные инстинкты мужчин на стороне.

Компания весело расхохоталась.

— Володя, — строго произнесла Лилия, взглянув на Маяковского. — Ты должен создать такой образ. А я буду твоей музой! Сделаю все возможное, чтобы образ героини был как можно достовернее.

— Я не пишу прозы, — ответил Маяковский и обиженно отвернулся.

— Я создам такой образ, — неожиданно вмешался Брик.

И все снова засмеялись, сочтя это за шутку. Однако Осип не шутил. К удивлению Маяковского и даже самой Лили, он действительно через два месяца разродился повестью под названием «Не попутчица». Главный герой, естественно, коммунист и большой начальник. Он без конца воспитывает жену. «Никакой супружеской верности я от тебя не требую, — заявляет он. — Мы — коммунисты, а не мещане...» В результате, женщина связалась с коварным нэпманом, который в любви преследовал только корыстные интересы.

Повесть соответствовала духу времени и была напечатана. Однако никакой славы Брику не принесла. На нее набросились критики, которые ругали автора за дубовый язык и называли произведение образцом пошлости.

Осип Максимович в очередной раз убедился в своей заурядности, однако не сдался. Он сел за роман под названием «Еврей и блондинка», который впоследствии был широко анонсирован, но света так и не увидел по причине своей изуверской бесталанности.

Однако, несмотря на неудачи в большой литературе, Брик на службе продвигался довольно успешно. В качестве юриста отдела по борьбе со спекуляцией, в который его взяли первоначально, Брик проработал недолго. Вскоре он был переведен в 7-е отделение секретного отдела ВЧК, и ему дали должность уполномоченного. В органах оценили способность Брика влиять на политическую конъюнктуру Маяковского. По сути, с подачи Брика в начале двадцатых годов Маяковский, сам того не ведая, удовлетворял идеологические потребности новой власти, которые разрабатывались в секретном отделе ВЧК.

К этому времени вся Москва уже знала об их семье втроем. Агранова сильно интересовала семья его сотруд-

ника. Не столько из-за сальных подробностей жизни втроем, сколько из-за семейной психологии.

— А что действительно перед чарами твоей жены не может устоять ни один мужчина? — допытывался у Брика Агранов.

Брик скромно пожимал плечами и отвечал, что сильный человек устоит перед всем, поскольку сила человека заключается в трезвом уме и холодном рассудке. Что касается Маяковского, то он не обладает ни трезвым умом, ни холодным рассудком. Он живет чувствами, и в этом его слабость.

— То есть, всех, кого очаровала твоя жена, люди слабые? — уточнил Агранов.

— Безусловно, — ответил Брик. — Они все рабы своих инстинктов. Лиля — женщина, способная пробуждать в мужчинах истинные природные инстинкты. Именно таких жрецов использовали египетские жрецы для испытания посвященных, перед тем как передать им высшие знания.

Агранова весьма интересовали и египетские жрецы и высшие знания посвященных. Несмотря на то, что чекист имел четыре класса образования, себя он считал знатоком человеческой психологии. И он действительно был хорошим психологом, вот почему именно ему поручили составить список интеллигенции, подлежащей высылки из страны.

— А как ты считаешь, Осип, если в мужчине обнажается его природная суть, это развязывает язык?

— Еще как! — ответил Брик. — Проявление чувств — это синоним болтливости. Возьмите, к примеру, Мату Хари, знаменитую шпионку-любовницу.

— Знаем такую, — улыбнулся Агранов и вдруг пытливо посмотрел на собеседника. — А нельзя ли будет познакомиться с твоей женой поближе?

Брик нахмурился. Агранов чутко уловил недоверчивость сотрудника.

— Я подумал, что если египетские жрецы брали на службу женщин, способных обнажать человеческую природу, почему бы нам не воспользоваться опытом египетских жрецов, — хитро прищурился Агранов.

Глава седьмая

То ли дух революционного эроса оказал пагубное влияние на Лию, то ли в ней снова возобладала ее истинная природная сущность, но она начала крутить романы совершенно открыто. Кстати, теория эроса возымела эффект и в деле привлечения молодежи в передовые ряды. Уже в двадцатом году к третьему съезду рабочей и крестьянской молодежи в комсомольских рядах насчитывалось более 400 тысяч человек.

Брики с Маяковским переехали в Водопьяный переулок в более просторную квартиру. Свой переезд в новый дом они означили громким скандалом, о котором потом трезвонила вся Москва.

Скандал произошел ночью. В этот день до слуха поэта донесли, что его Лиля каждое утро навещает в квартире одного высокопоставленного товарища из ВЧК. Маяковский нахмурился. Он давно заметил, что Лиля в последнее время стала как-то прохладно относиться к работе в окнах РОСТА. Но если бы только к работе. Она потеряла интерес и к своим супружеским обязанностям. Домой приходила ближе к ночи, а иногда вообще не приходила.

Вечером Владимир вернулся домой. Лили еще не было. Возвратившийся со службы Брик лежал на диване и читал книгу. По поводу отсутствия жены он равнодушно пожал плечами.

Лили вошла в квартиру около десяти вечера, как всегда веселая. Ее глаза озорно сверкали.

— Страна утопает в уличных изнасилованиях, — радостно рассмеялась она. — Только в этом году московский суд рассмотрел 400 дел по групповым изнасилованиям.

— Откуда такие сведения? — мрачно спросил Маяковский. — Снова из газеты «Правда»?

— Нет! — лукаво подмигнула Лиля. — В газете такая информация не печатается. Она секретная.

Маяковский промолчал. Он едва дождался, когда закончится семейный ужин и они с Лилией уединятся в спальне. После того, как они легли, поэт строго заглянул ей в глаза и мрачно пробасил:

— Мне сказали, что ты завела любовника из ВЧК.

Глаза Лили брызнули яростью. Она выскочила из постели и поставила руки в боки:

— Разве мы не договаривались, Володечка, что днем каждый из нас делает все, что ему заблагорассудится, и только ночью мы все трое собираемся по одной крышей? По какому праву ты вмешиваешься в мою дневную жизнь?

— По праву любви, — прохрипел Маяковский.

— Как ты мне надоел со своей мещанской любовью, — еще более стервозно взвизгнула Лиля. — В конце концов, так больше продолжаться не может! Нам надо расстаться! Немедленно! Сию минуту.

— Нет! — завопил Маяковский и кинулся к стулу, на котором висели его штаны.

Он извлек из заднего кармана пистолет, и Лиля, что было голоса, завопила:

— Ося, спаси! Володя хочет меня застрелить.

— Ни тебя, а себя! — закричал Маяковский и направил пистолет себе в грудь.

В эту минуту в спальню вбежал Ося. Он бросился на Маяковского с кулаками и начал вырывать пистолет. Пока они дрались, Лиля барабанила в стену и истерично кричала, чтобы соседи вызвали милицию. Через минуту в дверь постучали. К этому времени пистолет уже был в руках у Осипа, и он извлекал из него обойму. Лиля открыла дверь.

На пороге стояли трое мужчин и женщина в красной ко-
сынке. У женщины в руках была веревка.

— Кого здесь вязать? — деловито осведомилась она.

Осип вышел в прихожую и стал уверять, что вязать ни-
кого не нужно, что они уже разобрались и успокоились.
Потом, когда соседи ушли, супруги возвратились в спаль-
ню. Маяковский сидел на кровати, обхватив руками голо-
ву, и молчал. Лиля подошла к нему, тронула за плечо и
произнесла.

— Володечка, так действительно больше жить нельзя. У
нас разные взгляды на жизнь, на брак и на любовь. Нам
надо расстаться.

Маяковский обхватил руками Лилю и уткнулся головой
в ее живот. Лиля кинула быстрый взгляд на Осипа.

— Володечка, — произнесла она ласково. — Мы не бу-
дем с Осей возражать, если ты уйдешь...

— Нет! — зарыдал Маяковский. — Вы — моя семья.
Расстаться с вами, все равно, что отрубить руку, или ногу.

Рыдания продолжались около часа. Брики успокаивали
его по очереди. В конце концов, Лиля заявила, что хочет
спать, но с Володей сегодня не ляжет.

Осип вывел поэта из спальни. В гостиной они сели на
диван и Ося по-дружески его обнял.

— Лилю под себя подлаживать бесполезно, — сказал
он. — Она — стихия. Остановить ее также невозможно,
как остановить снег, или дождь. Так что ты как-нибудь
попроще относись к ее слабостям...

В это время из них троих Осип Максимович был мень-
ше всех заинтересован в том, чтобы Маяковский покинул
семью. Благодаря Володе у Осипа двигалась карьера в
ВЧК, и уже обозначился острок будущего объединения
литераторов, который он мечтал возглавить. Это объеди-
нение могло стать реальностью только в одном случае,
если его лицом будем Маяковский.

Для самого Маяковского уход от Бриков означал
смерть. К этому времени он не только привязался к Лиле,

но и, казалось, прирос к ней всей своей плотью. Поэт уже не мог представить свое существование вдали от нее.

Что касается Лили, то она единственная из них троих могла расстаться с Маяковским без какого-либо сожаления. Ее самолюбие, конечно, тешило, что такой громадный поэт посвящает ей поэмы, но в качестве второго мужа он ее уже не интересовал. На тот момент она окончательно поняла, что Маяковский — не ее мужчина. Лиля теперь четко знала, каких мужчин она любит — мужественных, терпеливых, серьезных и сильных. Маяковский — капризный, слезливый, не терпеливый и совершенно не мужественный.

— А что если мы заведем любовницу, — шаловливо предложила Лиля на другой день. — Впрочем, Володечка, вкуса у тебя нет. Я сама найду тебе девушку. Как насчет Зинки Гинзбург?

Маяковский подумал, что Лиля по обыкновению иронизирует. Но через пару дней на поэтическом вечере она подвела его к Зинаиде Гинзбург, а потом незаметно исчезла, оставив их наедине. Когда оставшаяся вдвоем пара вышла на улицу и побрела по ночной Москве, девушка неожиданно пригласила нового знакомого к себе.

После того, как у Володи с легкой руки жены вспыхнула внезапная страсть с Гинзбург, Лиля срочно засобиралась в Ригу к своим родственникам. Заодно по делам издания книг Маяковского. В Риге у Лили завертелся бурный роман с работником наркоминотдела Михаилом Альтером. Несмотря на то, что они оба крутили романы на стороне, вечерами Володя с Лилей писали друг другу нежные письма.

Глава восьмая

Сегодня ни для кого не секрет, что в двадцать первом году Лиля Брик начала сотрудничать с ВЧК. Во всяком

случае, ее чекистское удостоверение под номером 15073 датируется апрелем 1921 года. Мне не удалось выяснить, являлся ли ее роман в Риге с Михаилом Альтером служебным заданием, или ее привычным проходным флиртом. Возможно все-таки заданием, потому что в письмах она писала Маяковскому: «Жди меня! Не изменяй!!! Я ужасно боюсь этого. Я верна тебе абсолютно...»

Ее роман с Альтером обсуждался среди знакомых довольно широко. Но возможно романы по заданию ВЧК Лиля не считала изменой мужьям? Потому что Брику вслед за Маяковским она писала из той же Риги: «Солнышко мое, кисонька Осик! Я тебя разлюбила?! Я невозможно тебя люблю!! Вспоминаю все время!»

Словом, непонятно. Но в нашем распоряжении имеется факт, что в Ригу Лилия отбыла не одна, а с особоуполномоченным иностранного отдела ВЧК Львом Эльбертом, который в дневниках Лили Юрьевны фигурирует как «Сноб». Известно также, что именно Эльберт передавал Маяковскому нежные письма от Лили, поскольку ездил туда и обратно беспрерывно. Оставим Ригу. Тут можно только гадать.

Что мне доподлинно известно, так это то, что летом двадцать первого года именно чекисты надоумили Бриков снять дачу в Подмосковной деревне Акулово. Позже Маяковский там купит дачный домик. Незадолго до этого в Акулово приобрел крепкий бревенчатый дом отозванный из Приморья председатель правительства Дальневосточной республики Александр Михайлович Краснощек, или по-еврейски Абрам Моисеевич Краснощек. В период борьбы по созданию Дальневосточной республики Краснощек проводил в Приморье исключительно линию Ленина. Естественно, для Сталина, который в это время прибирал все к рукам, Краснощек на Дальнем Востоке был как кость в горле. Глава республики периодически подвергался обвинениям коммунистов, но держался на своем посту благодаря заступничеству Ленина.

В 1921 году его назначили заместителем народного комиссара финансов РСФСР. Будучи верным ленинцем он не мог не вызывать настороженность у сталинского крыла. Летом того же года Краснощеков на даче в Акулово так и не появился. Однако на следующий год в ВЧК появилась информация, что Краснощеков намерен провести на даче несколько недель. К этому времени нарком финансов был в поле особого внимания чекистов, поскольку он с одобрения Ленина возглавил Промбанк СССР. Средоточие финансов в руках верного ленинца будущий вождь народов допустить не мог. Брики срочно выехали в Акулово.

Для Маяковского жизнь на даче в то лето была безмятежной. Лиля с утра усаживала его за стол и заставляла писать стихи. Поэт искренне считал, что она заботится о рождении гениальных произведений для потомства. Но Лилина голова была занята совсем другим. Усадив любовника за стихи, она отправлялась гулять. И не просто гулять, а дефилировать поблизости от дома наркома. В конце концов, бывший глава Дальневосточной республики обратил внимание на маленькую изящную женщину, прогуливающуюся неподалеку от его дома. Они познакомились.

Лиле не представляло большого труда сделать так, чтобы Краснощеков в нее влюбился. Трудность заключалась в другом — сделать так, чтобы Маяковский ничего не заметил и не закатил очередную сцену ревности. Приходилось вечером прочитывать его стихи и устраивать разнос по поводу халтуры. Бедняга все принимал за чистую монету и действительно думал, что в кое-каких местах он недостаточно добросовестно прописал строки. Осип прекрасно понимал, в чем дело, и молча наблюдал за происходящим, поражаясь остроумию и изобретательности жены.

Бурная сцена любви с наркомом произошла именно в тот день, когда поэт написал свое знаменитое стихотворе-

ние про солнце: «Светить и никаких гвоздей, вот лозунг мой и солнца».

Уже вечерело, а новый возлюбленный Лили все никак не хотел отпускать домой веселую соседку. Маяковский, отписав дневное задание, вышел из дома и сел на лавочку.

— Куда ушла Лиля? — спросил он у Осипа.

— Вроде с утра собиралась за грибами с соседкой, — вяло зевнул Брик и углубился в книгу.

Вечернее солнце слепило глаза. Маяковский достал тетрадь и принялся записывать накатившие строки. Он так увлекся, что не заметил, что солнце село. А Лили все не было. Он хотел подняться и отправиться на ее поиски, но тут увидел ее. Маяковский радостно пошел к ней навстречу.

— Вот послушай, какое приключение сейчас со мной произошло, — воскликнул он по-детски, не замечая, что корзина с грибами у Лили отсутствует, да и вид у нее слегка помятый.

Маяковский принялся читать, а Лиля по обыкновению восхищаться.

— Очень хорошо! — засмеялась она. — Тебя полезно оставлять одного. Я специально так долго не приходила. Чувствовала, что ты пишешь что-то гениальное.

О новом любовнике Лили Маяковский узнал только в Москве. Слухи о ее романе с главой Промбанка разнеслись по всем окрестностям. Были очередные вспышки ревности, и Осипу в очередной раз приходилось проводить сеансы психотерапии с Володей. Маяковский бушевал, а Лиля, обливаясь слезами, твердо отстаивала свою свободу.

Когда Маяковский ушел на работу в окна РОСТА, Брик спросил у жены иронично:

— Ну что, наш Абрам Моисеевич?

— Рассказал, что положил кругленькую сумму на счет своей дочери от первого брака Луэллы.

— Деньги казенные?

— Естественно! Быть у воды и не напиться? Это решительно не по-еврейски!

— Да ты вторая Мата Хари! — похвал Брик. — Начальство будет довольно!

Вскоре Краснощеков был арестован. Причина ареста ни для кого не явилась секретом. По сообщению наркома РКИ Куйбышева, во время проверки в Промбанке были установлены бесспорные факты присвоения Краснощеквым государственных средств, использование хозяйственных сумм банка в целях обогащения родственников.

Бывшего любовника Лили приговорили к шести годам одиночного заключения. Но пробыл в Лефортово он только девять месяцев. Затем был переведен в тюремную больницу. Его в тюремной палате посетила Лиля. При виде нее Краснощеков расплакался.

— Никто меня не навестил, кроме тебя! Стоит оступись, мгновенно все забывают. Одна ты — добрая душа.

Лиле было не по себе от этих слов. Потому что в больнице она явилась отнюдь не из добрых побуждений, а выведать, в каких отношениях Краснощеков состоит с Троцким. Ведь кроме Ленина, Краснощекова еще активно поддерживал Троцкий.

— Да у меня на Льва Давидовича все надежда! — простодушно ответил нарком. — Он обещал, что сделает все возможное, чтобы я попал под амнистию.

Краснощеков умоляюще заглянул Лиле в глаза.

— Моя Луэлла осталась совсем одна...

— Я возьму ее к себе, Моисеич! Не беспокойся!

— Вот, спасибо, добрая душа.

Лиля вышла из тюремной больницы расстроенная. Она решила не сообщать в ВЧК о том, что Троцкий пообещал Краснощекову устроить амнистию. «Все-таки я не Мата Хари, — подумала она. — Мата Хари не распустила бы соплю...».

В этот же вечер Лиля привела домой четырнадцатилетнюю дочку Краснощекова Луэлле. Осип отнесся к по-

ступку Лили с пониманием, а Маяковский нахмурился. Как никак, дочь любовника.

У Бриков Луэлла прожила недолго. Через полгода Краснощекова действительно освободили по амнистии прямо из тюремной больницы. Так что в тюрьму он не вернулся. Роман у Лили с Краснощековым больше не возобновлялся. Впоследствии он возглавит народный комиссариат земледелия. В 1937 году его расстреляют.

Глава девятая

В 1922 году Лилия поехала к своей матери в Лондон. Там же из Парижа отправилась ее сестра Эльза, которая в это время была замужем за французским офицером Андре Триоле. Договорились, что из Лондона Лилия с Эльзой приедут в Берлин, куда через некоторое время прибудут оставшиеся члены семьи — Брик и Маяковский.

Когда мужчины прибыли в столицу Германии, Лилия с Эльзой уже были там. Они остановились в «Курфюрстенотеле».

После голодной России сытая Германия немного помутила рассудок певца революции. Этому поспособствовало еще то обстоятельство, что немецкая марка тогда ничего не стоила. Наши герои с советскими деньгами неожиданно оказались миллионерами.

В характере Маяковского стало проявляться что-то барское. По утрам он заказывал Лиле такие громадные корзины с цветами, что они едва пролезали в узкие гостиничные двери. Если по пути поэт намеривался купить возлюбленной букет, то непременно брал его вместе с вазой, стоящей в витрине. Обедать и ужинать компания ходила в самый дорогой ресторан «Хорхер». Когда Маяковский встречал кого-то из знакомых, то непременно тащил его с собой в ресторан, в котором щедро платил за всех. Бюргеры перед поэтом заискивали и называли «Герр Маяков-

ски», стараясь всячески угодить богатому клиенту. После московской разрухи Маяковский заказывал себе на десерт не менее пяти порций дыни, или компота. Словом, жизнь в Берлине была сытой, пьяной и не лишена приятностей.

У Маяковского было несколько выступлений. Все остальное время он сидел в своем номере и резался с друзьями в покер. Где в это время находилась компания и чем она занималась, Лиля Юрьевна в своих мемуарах умалчивает. Впрочем, кое-что просочилось из писем знакомых Бриков, проживающих тогда в Берлине. Оказывается, пока поэт оттачивал свои поэтические навыки на картах, Лиля довольно активно посещала технические выставки. Также известно, что муза «Герра Маяковский» частенько встречалась в одной кофейне с сотрудником полпредства СССР в Германии товарищем Червяковым. Кем был товарищ Червяков, и какие общие интересы могли у него быть с музой певца революции? Об интересах можно только догадываться, а кем он был — сегодня ни для кого не секрет. Червяков был советским разведчиком Михаилом Горбом. После разведывательной работы в Германии в 1924 году он вернулся в Россию и принял должность замначальника иностранного отдела ОГПУ. Горб дослужился до начальника Центрального управления мер и весов НКВД СССР, однако 29 апреля 1937 года был арестован за участие в антисоветском заговоре и в тот же день расстрелян.

Из Берлина Маяковский отправился в Париж по приглашению Дягилева. По возвращении из Франции он снова засел за карты. Так, во всяком случае, пишет Лиля Юрьевна в своих воспоминаниях.

Когда два месяца спустя Маяковский с Лилей возвратились в Москву, произошел очередной скандал на почве ревности. Брики в доме устроили вечеринку по поводу своего возвращения из Европы. Пришло много гостей, и кто-то из них привел девятнадцатилетнего танцора Большого театра Асафа Мессерера. Тридцатидесятилетняя Лиля как взглянула на юношу, так и не сводила с него жадных

глаз до конца вечера, чем смущала его не по-детски. Гости усмехались, Осип по обыкновению зевал, а Маяковский не находил себе места. Когда Лиля закурила и передала танцору прикуренную сигарету, Маяковский, выйдя из комнаты, громко хлопнул дверью.

Юноша вздрогнул, но, увидев подбадривающие улыбки гостей, включился в игру, которую нагло навязывала хозяйка. Он осмелел настолько, что начал украдкой поглаживать ее ноги. Лиля вождеденно закатывала глаза, а гости напротив — их отводили и делали вид, что не замечают того, что происходит в укромном уголке на диване. Лиля вошла в такой раж, что собралась утащить танцора в соседнюю комнату, но в комнату влетел разгневанный Маяковский. Увидев, до какой стадии дошли отношения его возлюбленной с неожиданным гостем, он мрачно приблизился к ним и как можно любезнее попросил юношу выйти с ним в прихожую на пару слов.

Лиля встревожилась. Маяковский заверил, что это деловой разговор. Гости продолжали вести умные беседы об искусстве, но в то же время с любопытством ждали развития.

Юноша послушно вышел за поэтом и больше не вернулся. Все услышали, как хозяин квартиры любезно попрощался с ним, и после этого громко хлопнула входная дверь. Поэт возвратился в комнату заметно повеселевшим.

— А где Асаф? — спросила Лиля.

— Отправился домой. Просил извиниться. Завтра ему рано вставать, — ответил Маяковский и вдруг рассмеялся.

Все тоже дружно рассмеялись. А Лиля нахмурилась. К полуночи инцидент был всеми забыт. Но Лиля не забыла. В тот вечер она ничего не сказала Маяковскому, однако, когда они укладывались спать, Лиля неожиданно придралась к какой-то мелочи. Придралась довольно стервозно, раскричалась на весь дом и прогнала поэта на диван. Наутро Лиля проснулась злой и раздраженной.

— У меня завтра выступление в Политехническом музее, — сообщил за завтраком Володя. — Тема: «Что Берлин?» А завтра: «Что Париж?» Лилек, сможешь оформить афиши?

— Ни за что! — отрезала Лиля. — Я не хочу участвовать в этой халтуре. Что ты можешь рассказать про Берлин, если ты его не видел? Ты же не выходил из номера со своими картами!

Глава десятая

Афиша была нарисована без участия Лили. Сначала она наотрез отказалась идти на выступление в Политехнический музей, но Маяковскому удалось ее уговорить. Несмотря на то, что выступление намечалось на вечер, конная милиция уже с утра окружила здание музея. К вечеру, когда Лиля подошла к назначенному часу, то увидела столпотворение. Маяковский ушел раньше, пообещав встретить Лиллю внизу. Однако не встретил. Не смог физически. Не только площадка перед зданием была забита народом, но и лестница внутри помещения. Лиля долго стояла в толпе безбилетников и подумывала, а не отправиться ли домой. Но тут откуда-то вынырнул Алексей Крученых. Он схватил Лиллю за руку и протащил в здание мимо контроля.

В зале была давка. Публика усаживалась по два человека на место. Зрители расположились в проходах, на ступенях и уже рассаживались на сцене, свешивая ноги. На эстраде были поставлены стулья для знакомых, но их уже заняли. Пришлось втиснуться в толпу юношей, которые сидели на сцене на корточках.

Раздались аплодисменты. На сцену вышел Маяковский. Он обвел глазами зал и принялся энергично рассказывать про Берлин. Когда он живописно описал, в каких тесных

конурках обитают несчастные рабочие берлинских заводов, Лиля выкрикнула с места:

— Скажите, товарищ Маяковский, а вы сами видели эти конурки?

— Конечно, — не моргнув, ответил Маяковский и продолжил выступление.

Когда он рассказал, что бедные немецкие рабочие съедают в день только по крохотной тарелке горохового супа, Лиля опять выкрикнула с места:

— Товарищ Маяковский, а про это вам рассказывали сами рабочие?

На Лилю со всех сторон зашикали. Однако лектора не смутил ни этот наглый вопрос с места, ни возмущенное шиканье зала.

— Да! — нахмурился он. — Это мне рассказывали сами рабочие.

— Сидя за картами? — уточнила Лиля.

Поднялся гул возмущения. Попросили, чтобы гражданка на сцене не мешала лектору рассказывать про Берлин. Маяковский тем же ровным голосом продолжал лекцию, однако иногда с тревогой косился на Лилю. Когда он рассказал, что был поражен техническими достижениями Германии, которые демонстрировались в Берлинском музее, Лиля ехидно рассмеялась:

— А какой экспонат вас больше всего поразил?

Зрители, которые до этого слушали Маяковского затаив дыхание, снова возмущенно загалдели.

— Да, в конце концов, выведите из зала эту буржуйку, — закричали зрители. — Зачем она сюда пришла? Она же ничего не понимает!

Когда наступил перерыв, к Лиле подбежал устроитель центра Долидзе. Он схватил женщину за руку и утащил в артистическую комнату. Усадив на стул, Долидзе принялся умолять, чтобы Лиля не скандалила.

— Он врет в каждом слове! — возмутилась Лиля. — Ничего этого он не видел. Он все это рассказывает с чужих слов.

— Это не важно! — замахал руками Долидзе. — Вы видели, как его слушают.

Когда прозвенел звонок, устроитель не рискнул выпустить Лилю из артистической. Впрочем, она сама решила возвратиться домой.

Маяковский вернулся в полночь. Лиля уже лежала в постели и делала вид, что спала. Маяковский открыл дверь, постоял немного и пошел на диван. Утром перед работой он зашел в спальню и виноватым голосом спросил:

— Сегодня придешь на вечер?

— Ни за что! — ответила Лиля. — Мне надоеда твоя халтура! Как ты можешь так обманывать людей? Ты же ничего этого не видел. Ты все время играл в карты!

— Что же мне, не выступать? — смутился Маяковский.

— Как хочешь, — отрезала Лиля.

Разумеется, вечернее выступление Маяковский отменять не собирался. Его рассказ о Париже произвел еще больший фурор, чем вранье про Берлин.

С утра начали звонить знакомые, которые сначала восторгались выступлением Маяковского, затем недоуменно выведывали, почему его музы не было на таком интересном вечере?

Маяковский пришел на обед мрачнее тучи. Он посмотрел Лиле в глаза и ничего не сказал.

— Нам надо расстаться, — произнесла она.

Маяковский встрепенулся. Глаза его тут же наполнились слезами.

— Почему? — спросил он.

— Неужели не видишь, что мы гибнем? Мы тонем в быту! Привыкли друг к другу, к тому же обуты, одеты, живем в тепле. То и дело чай пьем. А как безобразно ты вел себя в Берлине? Точно буржуй! Рестораны, цветы, подарки. Нет, ты больше ничего не напишешь настоящего! Ты

привык к халтуре, к удовольствиям — к легкой, сытой жизни.

Маяковский заплакал и уткнулся Лиле в грудь, принимая упреки возлюбленной за чистую монету. Если бы он был менее доверчивым и более прозорливым, то, безусловно, бы отметил, что легкая, сытая жизнь с удовольствиями Лиле очень даже нравилась. В Берлине она охотно принимала корзины с цветами и всякие буржуйские подарки, а кроме того с удовольствием посещала с Маяковским дорогие рестораны. Да и отель, в котором они жили, был далеко не пролетарской котировки. И за все три месяца проживания в Германии Лиля не выказала ни единого упрека по поводу их буржуйских замашек. Ни что не шевельнулось у нее в германской столице в направлении праведной революционной сознательности.

В ту минуту Маяковскому и в голову не могло придти, что его муза, мягко говоря, не совсем искренна. Пристыженный, он признал, что за ним имеется такая червоточина, как любовь к комфорту, но это исправимо. Он попросил Лиличку дать ему шанс исправиться.

— Если ты настаиваешь, давай расстанемся. Только не навсегда. На месяц! Через месяц ты увидишь совсем другого человека.

— На два! — отрезала Лиля.

Маяковский задумался, затем тяжело вздохнул:

— Хорошо. Сегодня 28 декабря. Значит, 28 февраля увидимся.

В ту же минуту он поднялся из-за стола и ушел, энергично хлопнув дверью. Вечером курьер принес от Маяковского письмо.

Лилек, Я вижу, ты решила твердо. Я знаю, что мое приставание к тебе для тебя боль. Но, Лилик, слишком страшно то, что случилось сегодня со мной, чтоб я не хватился за последнюю соломинку, за письмо.

Так тяжело мне не было никогда — я, должно быть, действительно чересчур вырос. Раньше, прогоняемый тобою, я верил во встречу. Теперь я чувствую, что меня совсем отодрали от жизни, что больше ничего и никогда не будет. Жизни без тебя нет. Я это всегда говорил, всегда знал. Теперь я это чувствую, чувствую всем своим существом. Всё, всё, о чем я думал с удовольствием, сейчас не имеет никакой цены — отвратительно.

Я не грежу, я не вымогаю прощения. Я ничего тебе не могу обещать. Я знаю, нет такого обещания, в которое ты бы поверила. Я знаю, нет такого способа видеть тебя, мириться, который не заставил бы тебя мучиться. И все-таки я не в состоянии не писать, не просить тебя простить меня за все.

Если ты принимала решение с тяжестью, с борьбой, если ты хочешь попробовать последнее, ты простишь, ты ответишь.

Но если ты даже не ответишь — ты одна моя мысль. Как любил я тебя семь лет назад, так люблю и сию секунду. Что б ты ни захотела, что б ты ни велела, я сделаю сейчас же, сделаю с восторгом. Как ужасно расставаться, если знаешь, что любишь и в расставании сам виноват.

Я сижу в кафе и реву. Надо мной смеются продавщицы. Страшно думать, что вся моя жизнь дальше будет такою.

Я пишу только о себе, а не о тебе, мне страшно думать, что ты спокойна и что с каждой секундой ты дальше и дальше от меня и еще несколько их и я забыт совсем.

Если ты почувствуешь от этого письма что-нибудь кроме боли и отвращения, ответь ради Христа, ответь сейчас же, я бегу домой, я буду ждать. Если нет — страшное, страшное горе.

Целую. Твой весь. Я.

Сейчас 10, если до 11 не ответишь, буду знать, ждать нечего.

Лиля не ответила. И не могла ответить. В ту минуту, когда Маяковский сидел в кафе, глотая пьяные слезы, Лиля наслаждалась искусством балета, расположившись в служебной ложе Большого театра. Это письмо она прочла на второй день и оставила без ответа.

Глава одиннадцатая

Общеизвестно, что именно в этот период добровольного заточения в своей комнате на Лубянском проезде, которая служила поэту кабинетом, Маяковский написал свою гениальную поэму «Про это». Певец революции доказал всем и прежде всего себе, что как поэт он далеко не закончился из-за этих революционных агиток, которые по сути являлись халтурой.

Все эти шестьдесят дней без Лили Маяковский страдал. И довольно искренне. О чем свидетельствуют его письма с записками, которые он ежедневно писал возлюбленной, передавая их через домработницу Аннушку. Ни на одну записку Лиля не ответила. В то время ей было не до страданий Маяковского. Ее мысли были заняты совсем другим — девятнадцатилетним танцором Большого театра Асафом Мессерером, которого так неделикатно выдворил поэт из литературного салона Лили.

Как вспоминает сама Лиля Юрьевна, Маяковский не только посылал ей записки и рисунки, но и вечерами ходил под ее окнами. Только зря он ходил под ее окнами. Вечерами Лили не было дома. Все вечера она проводила в Большом театре, а после него — в коммунальной комнатухе Асафа Мессерера, которую он снимал неподалеку от театра.

С ним же Лиля встретила новый 1923 год и, по свидетельству очевидцев, была чрезвычайно счастливой. Только к началу февраля страсть юного танцора к зрелой женщине начала угасать. Молодой человек стал бессовестно

прогуливать свидания и ночевать в общежитии Московского хореографического училища. В общежитии доступ к его телу был ограничен сидящим на входе охранником. Однако настойчивости Лили можно только позавидовать. Она среди ночи извлекала юношу из комнат юных танцовщиц и тащила в его же коммуналку, где на радость соседям устраивала разнос. Несколько раз по пути в Большой театр Лиля встречала Маяковского, который искал с ней встречи, но она делала вид, что его не замечает, и мышкой проскальзывала мимо. Ей было не до него. Она спешила отлавливать этого вечно ускользающего мальчишку-попрыгунчика.

Все это происходило на глазах у Брика. Однажды, когда Лиля вернулась домой в мрачном настроении, Осип, повинувшись дурным предчувствиям, залез в ее сумочку и обнаружил только что купленную в аптеке пачку веронала. Брик усадил жену за стол и, сунув ей в нос таблетки, укоризненно произнес:

— Неужели желторотик этого стоит? Ты уже почти вошла в историю как возлюбленная Маяковского, наряду с Лаурой и Биотричей. Будет решительно анекдотично, если ты отравишься из-за какого-то пацана.

Аргумент, как ни странно, подействовал. Лиля начала расспрашивать про Володю. Узнав, что он пишет очередную гениальную поэму, где она в ней главная героиня, настроение Лили изменилось.

— Не рассказывай ему ничего, — попросила она.

Брик облегченно вздохнул. Дело в том, что разрыв Лили с Маяковским грозил подставить под удар его мечту, к которой он шел столько лет. К этому времени Осип уже добился официального разрешения на создание литературного объединения с правом выпуска собственного журнала. Тогда в стране существовали две мощные литературные группировки: Союз российских писателей и Российская ассоциация пролетарских писателей.

Левый фронт искусств, а попросту ЛЕФ Маяковского, задумывался как самый воинственный и непримиримый литературный союз. Он должен быть и салоном, и вертепом, и штурмовым отрядом одновременно, а, кроме того — коммерческим предприятием, приносящим хорошую прибыль. Именно на это объединение было дано добро в соответствующих органах, но при условии, что его лицом будет самый крикливый из современных поэтов — Владимир Маяковский. Провалить такое дело для Брика было равносильно самоубийству. «Даже если Маяковский по-рвет с Лилей, я с ним не должен рвать ни при каких обстоятельствах», — решил про себя он.

Во время двухмесячного моратория Осип Максимович ежедневно приходил к Маяковскому и побуждал его к созданию новых поэтических глав. Можно сказать, что если бы не Брик, поэт бы просто замкнулся в своей тоске по Лиле, и поэма «Про это» никогда бы не увидела свет. Однако чем ближе приближался день окончания заточения, тем восторженнее становился Маяковский. Осип любил его таким, восторженным и вдохновенным, и догадывался, что это высшие силы вселяет в него горную жизнь. Приходила в себя от безумной страсти к Асафу и Лиля.

Она захотела куда-нибудь съездить, развеяться. Но муж посоветовал дождаться окончания моратория и отправиться с Володей в Петроград.

— Это будет у вас нечто свадебного путешествия, — иронично подмигнул Осип Максимович.

Когда Брик рассказал заточенцу, что Лиличка согласилась прокатиться с ним да города революции, Маяковский сошел с ума от радости. Он схватил Осипа в охапку, расцеловал и несколько раз подбросил к потолку.

В ночь на 28 февраля Маяковский не спал. «Неужели я завтра увижу Лиличку и у нас снова будет как прежде», — думал он, ворочаясь в постели. И никак не мог в это поверить.

Вскочив в шесть утра, Маяковский засел за стихи, но через час к ним охладел и начал думать о том, чем занять себя интересным, чтобы дожить до полудня. Их поезд в Петроград отправлялся после обеда.

Едва дождавшись назначенного часа, он выскочил из дома, и, сбивая прохожих, помчался на вокзал. Когда Володя увидел Лилю на ступенях вагона, как всегда веселую и красивую, то от волнения едва не лишился чувств. Безумец схватил возлюбленную в охапку и поволок в вагон, расталкивая пассажиров, которых было как селедки в бочке. До купе он Лилю не дотащил. Впечатал ее лопатки в тамбурное стекло и, не обращая ни на кого внимания, принялся кричать ей в ухо свою новую поэму. Пассажиры стали возмущаться и угрожать, что если он не прекратит безобразничать, то они дернут стоп-кран и ссадят его посреди поля. Но Маяковского было не остановить. Он продолжал читать, чеканя каждый слог. Лиля слушала с распахнутыми глазами. Пассажиры постепенно утихли. Когда Маяковский закончил, наступила ошеломляющая тишина, прерываемая мерным стуком колес. Тишина длилась с минуту, потом поэт бесстыдно разрыдался, уткнувшись в меховой воротник Лилиной шубки. Лиля рассмеялась и подумала, что, пожалуй, она действительно войдет в историю, как Лаура. А пассажиры стыдливо прикрыли глаза.

Глава двенадцатая

ЛЕФ Маяковского образовался в 1923 году. Первый номер журнала вышел в канун того дня, когда известный чекист Яков Агранов взошел на новую должность заместителя начальника секретного отдела ОГПУ, который позже назовут секретным политическим отделом. Именно Агранов дал Брику зеленую дорогу на создание писатель-

ского союза. Лицом левого фронта, как и планировалось, стал Маяковский. Но главой фактически был Осип Брик.

— Теперь твоя задача, Осип Максимович, направлять творческие массы в нужном направлении, — проинформировал его Агранов. — А о тех, кто не согласен идти в нужном направлении, срочно докладывать мне.

К этому времени Агранов уже сделал блестящую карьеру в ОГПУ. Он проявил себя как контрразведчик в армии, когда возглавлял 16-е спецотделение ВЧК. Особую славу снискал на посту начальника Особого бюро по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции. Именно ему было поручено составление списков представителей старой интеллигенции, подлежащих высылке из РСФСР в 1922 году, среди которых были Бердяев, Лосский, Осоргин и другие. Их погрузили на пароход, получивший кличку «философский», и отправили в Европу. Агранов лично курировал работу следствия по делу Тактического центра, боевой организации Таганцева, а также дело по Антоновскому и Кронштадскому мятежам. Агранов подписал расстрельный список на 87 человек, среди которых был и поэт Николай Гумелев.

Однако время открытых мятежей прошло. Новая власть ждала взрыва изнутри, вот почему она была озабочена настроением творческих людей. Объединения в союзы давали возможность отслеживать настроение пишущей братии и направлять их высокие порывы в правильное русло.

— Все-таки, стихи Маяковского обладают мощнейшим воздействием, — похвалил Агранов. — Не каждый человек способен так мастерски подбирать слова, которые заводят толпу.

— Все просто! — пожал плечами Брик. — У него живое слово. Как в начале, когда каждое слово было Бог. Именно живое слово творит грядущее. Сначала было Божье слово, потом Божий мир. Сначала было слово Гомера, потом героическая Греция...

— Какое же, по-твоему, слово предшествовало революции, — сощурился Агранов.

— Думаю, декадентское, — засмеялся Брик. — Декадентство дохлой интеллигенции породило здравые мысли о переменах.

— То есть, нынешнее слово — это завтрашняя реальность? Так я понял? — уточнил Агранов.

— Совершенно верно. Я бы назвал живое слово реализмом будущего.

— Социалистическим реализмом, — поправил Агранов.

— Пусть будет социалистическим, — согласился Брик.

— А что! Интересная мысль! — оживился чекист. — Сформировать в объединении направление социалистического реализма. Но это в перспективе. А на сегодня наша задача такова, чтобы мощное слово Маяковского не обернулось против нас. Ведь слово убивает, не так ли?

— Пока я рядом, такого не произойдет, — похвалился Брик. — Он умеет воздействовать на толпу. А я умею воздействовать на него.

— Ну-ну, — задумчиво произнес Агранов. — Если не будет хватать времени, пожалуй, мы освободим тебя от оперативной работы. Основная работа теперь у тебя идеологическая.

Через год Брика действительно уволили из ОГПУ. Формально из-за его купеческого происхождения. На самом деле для прекращения слухов, что ЛЕФ — чекистская организация. Однажды, когда Брик возвратился домой, на его двери висела бумажка со стихами:

Вы думаете, здесь живет Брик —
Исследователь стиха?
Ошибаетесь! Здесь живет шпик
И следователь ЧК.

Осип Максимович сразу узнал руку Алексея Крученых. Но когда эпиграмма разлетелась по Москве, Брик доло-

жил начальству, что стихи по стилю напоминают Сергея Есенина. Алексея-отступника Брик решил не выдавать. Все-таки, он близкий знакомый, и в ОГПУ могут подумать, что Осип не в силах контролировать знакомых.

Официально Брик был уволен из органов, однако неофициально оставался внештатным уполномоченным секретного отдела ОГПУ.

Глава тринадцатая

Поэтическая слава Маяковского стала разлетаться по всему миру. Он начал беспрепятственно выезжать за границу. Иногда за границу выезжала Лиля, но значительно реже. Брик сидел в Москве и руководил Левым фронтом искусств. В 1925 году Лиля пережила серьезное потрясение. В это время Маяковский был в Америке и оттуда написал ей, что познакомился с прекрасной русской эмигранткой Елизаветой Зиберт, которую на американский манер зовут Эли Джонс. Поэт не скрывал, что у него завязались с ней довольно серьезные отношения. Однако Лиля была настолько уверена, что Маяковский никуда не денется, что не придавала его письмам большого значения.

Но следующее событие повергло ее в шок. Внезапно Осип после стольких лет тишины тоже закрутил роман. И с кем? С замужней женщиной, которую отбил у кинорежиссера Виталия Жемчужного. Лиля понимала, что Осип по своей натуре далек от легкомыслия, и если он завязывает с кем-то отношения, то всерьез и надолго.

И действительно, с Евгенией Соколовой-Жемчужной Брик потом не расставался до конца жизни. Но это потом. А в тот вечер, когда Осип заявил жене, что уходит жить к своей милой Евгении, Лиля растерялась.

— Как это уходишь жить? Мы же договорились, что будем вместе всегда. Днем делаем, что хотим, но к ночи собираемся под одной крышей.

— Женя против этого, — развел руками Брик. — Извини! Пора становится взрослыми.

Осип Максимович интеллигентно улыбнулся, собрал вещи и ушел. Лиля осталась одна. И не просто одна — а совершенно одна. Такого с ней еще не было. Маяковский в Америке, крутит роман с какой-то длинноногой девицей, и неизвестно — вернется ли? Брик ушел к любовнице, и он точно не вернется. И как назло на сегодняшний день у Лили не было даже проходного любовника.

От мрачных раздумий спас телефонный звонок. Из Ленинграда позвонил писатель Юрий Тынянов. Он издал свою повесть в журнале ЛЕФ и спрашивал, когда можно приехать в Москву за гонораром? За него несчастная уцепилась, как за соломинку.

— Завтра можете приехать? — деловито осведомилась она.

— Могу, — обрадовался писатель.

— Тогда я жду.

Когда на следующий день Тынянов вошел в квартиру Бриков, то в смущении застыл на пороге. Его с озорной улыбкой встретила жена редактора журнала. Точнее, жена обоих редакторов. Лили была облачена в черное прозрачное платье до щиколоток, под которым больше ничего не было.

— Простите, — произнес Тынянов и отвел глаза. — Я, наверное, не во время.

— Отчего же, — улыбнулась чаровница. — Очень даже во время. Проходите. Я как раз собиралась ужинать.

Тынянов проследовал в гостиную и опять застыл у двери. Посреди комнаты стоял накрытый стол. И был накрыт шикарно — на две персоны, с двумя свечами в медных подсвечниках и бутылкой вина между ними. Писатель растерянно взглянул на хозяйку.

— Извините, я собственно...

— Проходите и садитесь, — произнесла Лилиа голосом не терпящего возражения. — Садитесь и откупорьте вино.

Лиля элегантно чиркнула спичкой и зажгла свечи. Затем потушила свет, изящно опустилась на стул и закурила. Прикурив, она передала сигарету гостю.

Когда на следующее утро ленинградский гость прощался с Лилей, то неожиданно вспомнил:

— Кстати, а гонорар?

Глаза хозяйки возмущенно вспыхнули.

— Ах, вам еще и гонорар?

— Простите, — буркнул Тынянов и, сконфуженный, вышел из квартиры.

Однако с его уходом Лилю снова охватил страх. Такого страха у нее еще не было. Впереди вечер, а она одна. Лиля бросилась к телефону и принялась обзванивать знакомых.

Вечером собралась компания. Хозяйка литературного салона вела себя в ней как всегда — озорно и весело. На этот раз она нацелилась на кинорежиссера Всеволода Пудовкина. Всеволод был веселым и компанейским парнем. Он также как и остальные выкурил с Лилей сигарету, но когда гости засобирались домой, внезапно поднялся и направился на выход.

— Ты куда? — удивилась Лиля.

— Как куда? — еще больше удивился Пудовкин. — Домой.

— Но ты можешь остаться. Ты гениальный режиссер! Я хочу, чтобы ты рассказал мне наедине о своих будущих гениальных работах.

Пудовкин сделался серьезным и отрицательно покачал головой, пропустив мимо ушей лесть «великой» ценительницы киноискусства.

— Ни в коем случае! Давайте лучше, Лиля Юрьевна, останемся друзьями, — произнес он, неожиданно перейдя на «вы».

Когда дверь за ним захлопнулась, Лиля еще долго стояла в прихожей, не веря, что ее приглашением пренебрегли. Ей впервые в жизни отказали в любви? Не может быть! Это какой-то кошмарный сон!

Лиля прошла в комнату и посмотрелась в зеркало. Она пощупала щеки, подбородок, глаза. «Неужели так постарела?» — прошила тоскливая мысль. Лиля кинулась на диван и принялась истерично вгрызаться в подушку. В дверь постучали.

«Одумался и вернулся!» — обрадовалась Лиля и бросилась в прихожую. Но, увы, это оказалась соседка.

— Все ли у вас нормально? — спросила она с тревогой.

— Все! — ответила Лили и захлопнула дверь.

Она прошла в комнату Брика, зачем-то выдвинула ящик письменного стола и вдруг увидела ту самую пачку веронала, которую она купила, чтобы отравиться из-за того несчастного танцора.

— Надо внушить мужчине, что он замечательный или даже гениальный, но, что другие этого не понимают, — прошептала она. — Еще ему нужно разрешить то, что не разрешают дома, например, курить или ездить, куда вздумается. Остальное сделает хорошая обувь и шелковое белье...

Она закинула в рот горсть таблеток, запила водой и рухнула на диван. Когда в голове стало мутиться, бедняжка услышала, как в двери повернулся ключ. Через минуту в комнату вошел Осип.

— Ося! — слабо всхлипнула Лиля. — Не покидай меня!

Метнув тревожный взгляд на пустую пачку из-под таблеток, Осип бросился к телефону. Вызвав врачей, он поднял Лилю с дивана, довел до ванной и заставил выпить пять кружек воды.

Глава четырнадцатая

Лилю откачали. Встревоженный состоянием духа жены, Осип поклялся, что будет всегда приходить ночевать домой. Лиля грустно покачала головой.

— А что толку? Мыслями ты с ней. — Затем добавила с неподдельной грустью: — Одиночество — это когда не к кому прислонить голову.

— Но почему же не к кому? — возразил Осип. — У тебя есть я. Есть Володя.

Еще никогда Осип Максимович так сильно не хотел, чтобы Маяковский поскорее вернулся домой. Он знал, что после Америки, поэт собирался в Мексику, а затем в Берлин.

— А что если тебе съездить в Европу, развеяться, — предложил Осип. — Ты давно не была у матери в Лондоне. И у сестры во Франции давно не была. Затем съездишь в Берлин. Встретишься там с Володей.

— Во Францию не хочу, — поморщилась Лиля. — Хочу в Италию. На грязи. И вообще, я пообносилась...

Когда Маяковский возвратился из Мексики и прибыл в Берлин, то получил от Лили письмо, полное любви и нежности.

Милый мой, любимый, родной Щеник, завтра утром еду в Рим и постараюсь оттуда прислать тебе визу. Если не скоро удастся, то, давай, встретимся в Берлине и поедем вместе в Москву.

100 дом. кот. ты мне выслал? Я не получила! Пришлось телеграфировать Леве. Вообще у меня с деньгами вышла ерунда: долго писать — расскажу. Телеграфируй, есть ли у тебя деньги?

Я совершенно оборванец — всё доносила до дыр. Купить всё нужно в Италии — много дешевле. Хорошо бы достать тебе визу, чтобы смог приехать за мной! Кажется, есть прямой поезд Париж — Рим. Невероятно по тебе соскучилась! Мы бы поездили дней 10 по Венециям — и домой! Я приготовила для тебя в Москве замечательный подарок. Волосит, милый, давай встретимся поскорее! Я тебя ужасно люблю.

Твоя Лиля

Маяковскому не успели оформить визу в Италию. Точнее сказать, после того, как Лиля получила от него деньги, она перестала хлопотать по поводу его визы, намекнув на то, что у нее задание. Она отправилась в Италию одна. Через некоторое время вернулась в Берлин с большим саквояжем и поселилась в «Курфюрстен-отеле», в котором остановился Маяковский. Тот короткий период пребывания их в Берлине для Маяковского был одним из самых счастливых в жизни. Лиличка снова была с ним, и снова была такой, как прежде: ласковой, веселой, восторженной.

Следует упомянуть, что перед поездкой Маяковского в Америку в их отношениях с Лилей наметился кризис. Первейшая муза откровенно пренебрегала поэтом и без конца повторяла, что не питает к нему прежних чувств. В ее словах иногда проскальзывало, что их отношения до неприличия затянулись и пора бы их завершить. Однако любой намек на завершение отношений приводил Маяковского в смятение. Он был готов терпеть новые унижения и прощать бесконечные измены, лишь бы не расставаться с ней.

Осип в их отношения не вмешивался. Он философски наблюдал со стороны и думал, что Володя подсажен на его жену, как на морфий. Лиля всегда его держала точно собачонку на поводке: захочет — подтянет, захочет — отпустит. Питал ли еще Осип чувства к Лиле, как к женщине, неизвестно. Но, похоже, к этому времени его беспокоило только одно, как бы разрыв их отношений не привел к развалу Левого фронта искусств.

На этот раз, Берлин не видел более счастливой пары, чем Володи с Лилей. У Маяковского снова на душе было легко, несмотря на то, что в Америку он уезжал с тяжелым сердцем. Поэт откровенно рассказал Лиле о своем романе с красивой русской эмигранткой Эллой Джонс. Впрочем, — признался турист, — это был не просто роман. Он дей-

ствительно в нее влюбился. И она, кажется, питает к нему серьезные чувства. Во всяком случае, они договорились, что как только Маяковский вернется в Россию, то сразу начнет пробивать ей визу.

Этот разговор происходил в их любимом ресторане «Хорхер». Наблюдавшие за ними официанты были свидетелями, как «Герр Маяковски», отчаянно жестикулируя, с виноватым видом оправдываясь перед маленькой элегантной женщиной, одетой во все итальянское. Женщина снисходительно улыбалась и лениво потягивала коктейль из высокого бокала.

— Уж не собрался ли ты на ней жениться? — беспечно рассмеялась Лиля.

Маяковский нахмурился:

— Когда находился в Америке, был уверен, что женюсь, но сейчас... — поэт запнулся и взглянул на Лиллю детскими глазами. — Она ждет от меня ребенка.

Не один мускул не дрогнул на лице его спутницы. Она также лениво приложила к бокалу и, улыбнувшись, произнесла:

— Но ведь ты совершенно равнодушен к детям, Володечка!

Такой ответ почему-то взбесил Маяковского. Во-первых, он не равнодушен к детям. И дети его любили. К нему в комнату на Лубянке захаживала целая ватага детей, и ему нравилось с ними возиться. Во-вторых, Маяковского не мог не взорвать равнодушный тон Лилички, с которым она говорила о его женитьбе. Поэт вскочил и шаркнул свой стакан с компотом об пол. Официанты испуганно переглянулись. Однако и на этот раз ни единой мускул не дрогнул на напудренном лице женщины. Она также спокойно приложила к бокалу и иронично подмигнула:

— Если у тебя с ней действительно так серьезно, то я не буду стоять между вами.

— Нет! — отчаянно вскричал он. — Это она не будет стоять между нами! Прости!

Он кинулся к Лиле и принялся жадно покрывать ее поцелуями. Официанты снова недоуменно переглянулись.

— Лиличка, — прошептал Маяковский, — я сегодня же напишу ей, что не люблю никого, кроме тебя. А ты стала еще красивее, Лиличка...

На этих словах официанты и посетители ресторана начали стыдливо отводить глаза, а Лиличка принялась со смехом отбиваться от пылких порывов спутника.

— Ну, погоди же! Постой! Да опомнись, здесь люди! А как же ребенок?

— Все расходы по ребенку я приму на себя...

Когда пара возвратилась в Москву, и Маяковский узнал, что у Осипа появилась женщина, то поначалу это его обрадовало. Бедняга по наивности подумал, что теперь вся Лилина любовь будет доставаться только ему. Очень скоро Осип уйдет к своей возлюбленной, и у них с Лилей, наконец, начнется нормальная супружеская жизнь вдвоем. Но поэт в очередной раз ошибся.

Однажды вечером, в гости к Брикам пришла Евгения. Лиля встретила ее, как родную. Сначала Женя пила чай со странным семейством весьма настороженно, затем раскрепостилась и начала даже смеяться. Когда она ласково гладила Осипу руку, то читала одобрение в глазах законной супруги. Но когда пришло время прощаться и она, схватив Осипа за рукав, потащила его в прихожую, настроение у Лили изменилась.

— Евгения Гавриловна, Осечка, останется дома, — произнесла хозяйка голосом, не требующим возражения.

Гостья удивленно посмотрела на Осю, и тот произнес умоляюще:

— Лиличка, я провожу Женю и... сегодня останусь у нее.

Лиля нахмурилась и поставила руки в боки.

— Проводи! Но ночевать придешь домой. Ведь мы договаривались, что до конца жизни к ночи будем собираться под одной крышей.

— Как до конца жизни? — распахнула глаза Женя. — Я ушла от мужа ради Оси...

— Это наши семейные дела! — оборвала Лиля. — Володя, скажи Осе, чтобы не уходил. В конце концов, ты мужчина, или нет?

Лилины глаза наполнились слезами. Намечалась истерика. Женя укоризненно взглянула на Осипа и, ничего не сказав, выскочила из квартиры. За ней собрался выбежать Осип, но Володя преградил ему дорогу. Брик попытался его отстранить, но не тут-то было. Завязалась потасовка.

Осип кричал, что он свободный человек и вправе делать все, что ему заблагорассудится. Володя в ответ басил, что он первым делом должен думать о близких людях и в частности о Лиле. В эту минуту в открытую дверь Бриков вошел поэт Асеев. Он увидел странную картину, которую не мог представить и во сне. Маяковский с Бриком держали друг друга за грудки и с ненавистью брызгали слюной. Больше всего залетного гостя поразила реакция Лили. Она с мокрыми от слез щеками сидела на диване, курила папиросу и периодически восклицала:

— Володечка, врежь ему! Хорошо врежь, чтобы он запомнил на всю жизнь.

Асеев ринулся разнимать друзей, но Маяковский закричал, чтобы он не вмешивался в их семейные дела.

Словом, в тот вечер Осип остался дома. Что касается гостя, то сразу же после скандала они уселись с Асеевым за стол, и Лиля отправилась разжигать самовар. В дальнейшем Осип взял за правило, что бы ни случилось, всегда приходиться ночевать домой, под их общую с Лилей и Володей крышу.

Глава пятнадцатая

Через некоторое время эта скандальная семья въехала в новую просторную квартиру в Гендриковом переулке №

13\15. Жилье пробил Маяковский. Он прописал в нем обоих супругов Бриков. По протекции поэта Лиля устроилась работать в кинематограф ассистентом постановщика Абрама Рома. В первый же день у нее завязался роман со старым знакомым — кинорежиссером Львом Кулешовым. Страсть была настолько сильной, что им не пришло в голову хоть немного засекретить свои отношения. Супруга Кулешова известная киноактриса Александра Хохлова, узнав, что ее муж изменяет с этой наглой вертихвосткой Брик, наглоталась сонных таблеток. Она осталась живой только чудом.

Лиля на ее горе среагировала с раздражением.

— Что за бабушкины нравы? Все-таки как глубоко в людях сидит мещанство.

Попытка самоубийства актрисы ни в коем случае не отразилась на ее романе с Кулешовым. Когда Маяковский узнал, чем отплатила Лиля за ее устройство в кинематограф, то принялся стыдить ее, напирая на то, что по Лилиной вине едва не рассталась с жизнью прекрасная женщина и талантливая актриса.

— Извини, Володечка, но что я могу поделать, если у меня к тебе больше нет прежних чувств, — беззастенчиво ответила Лиля.

Роман Маяковского с редактором Госиздата Натальей Брюханенко, можно сказать, был ответным ходом. Он закрутился с горя. Когда влюбленные укатили в Ялту, все почему-то заговорили о женитьбе поэта. Лиля к этому отнеслась с полнейшим равнодушием. Однако в скором времени в Ялту полетело ее письмо. «Володечка, — писала Лиля. — Ужасно крепко тебя люблю. Пожалуйста, не женись всерьез! А то все уверяют, что ты страшно влюблен и обязательно женишься...»

Практически все исследователи уверяют, что Лиля, несмотря на свои бесконечные измены, по-прежнему любила Маяковского, и в минуты опасности ее чувства обострялись. Однако мало кому известно, что это письмо в Ял-

ту было написано Лилей сразу после разговора Осипа Максимовича с Аграновым, который частенько заходил к Брикам. Летом 1927 года чекист заглянул к своим знакомым в Гендриков переулок и рассказал Осе о планах партии относительно писательских ассоциаций.

— Есть информация, что скоро все писательские объединения упразднят, и вместо них образуют одну писательскую ассоциацию, которая будет подчиняться непосредственно партии, — хитро подмигнул Агранов.

Брик насторожился и внимательно всмотрелся в собеседника.

— Давно пора, — произнес он, после некоторой паузы. — Писатель должен шагать в ногу со временем, а не растекаться соплями по древу, как некоторые поэтические объединения.

— Очень хорошо, что ты это понимаешь, — сказал Агранов. — В первую очередь ассоциация объединит пролетарских писателей, которые станут продвигать идеи социалистического реализма.

Брик вздрогнул и мелко задрожал от волнения:

— А кто возглавит эту единую писательскую организацию?

Агранов расплылся в понимающей улыбке.

— Возглавит самый достойный и самый преданный идеалам революции человек. Не догадываешься, кто? На сегодняшний день у партии только один кандидат.

— Неужели Маяковский? — воскликнул Брик.

— Безусловно, — ответил чекист. — Но учти, говорю тебе это по секрету...

После ухода Агранова Брик взволнованно заметался по комнате. Неужели сбудется его мечта, и он станет руководить всей этой многотысячной ордой советских литераторов. Флагманом, разумеется, станет Маяковский, но фактическим руководителем будет он, Осип Брик. Это Агранов дал понять однозначно.

Когда ближе к полуночи возвратилась Лиля, Осип набросился на нее, как волк на козулю, и с волнением пересказал свой разговор с Аграновым.

— Володя должен быть наш и больше ничей. Иначе мы скоро останемся за бортом. Надеюсь, ты еще имеешь над ним власть.

— Что за вопрос? Только я и имею, — распахнула глаза Лиля.

— Боюсь, уже нет, — озабоченно покачал головой Брик. — Он собрался жениться на Наташке Брюханенко.

Две недели Брики жили, как на иголках. От Маяковского не было ни писем, ни телеграмм. «Неужели разлюбил?» — мучилась ночами Лиля и наутро вставала с бордовыми мешками под глазами. От бессонницы и переживаний у нее снова полезли волосы, как тогда в тринадцать лет. «Неужели он уже не мой?»

Женщина забыла о Кулешове и думала только о том, что если Маяковский действительно разлюбил ее, то она этого не переживет. Осип тоже переживал. Он забыл о своей новой гражданской жене и, приходя с работы, первым делом спрашивал:

— Ну что Володя?

Лиле можно было не отвечать. По ее серому облику виделось, что пока все без изменений. «Даже если они с Лилей разбегутся, это не означает, что я не продолжу с ним работать», — выстраивал отходные пути Брик.

Однако все переживания оказались напрасными. Когда однажды Осип Максимович вернулся домой, Лиля с сияющим видом показала ему телеграмму.

— Он приезжает! — радостно запрыгала она. — Указал поезд, вагон и день приезда. Это означает, что он очень хочет, чтобы я его встретила.

Лиля счастливо рассмеялась и хвастливо добавила, назидательно подняв палец кверху:

— Никого! Слышишь, Ося? Никого он не будет любить так же, как меня...

Когда на второй день счастливая Наталья Брюхоненко поддерживаемая под локоток Маяковским выходила из вагона, то от неожиданности вздрогнула. На перроне с букетом цветов, как ни в чем небывало, стояла Лиля. Она сияла и радостно махала букетиком. Ее вид был до безобразия уверенным. Наталья знала, что Маяковский до беспамьятства влюблен в Лиличку. Он ей об этом говорил. Но он же и уверил, что намерен бросить ее к чертовой матери!

Наталья обернулась и, перехватив жадный взгляд Маяковского, устремленный на Лиличку, все поняла. Она вырвала локоток и, отведя глаза от встречающей, торопливо направилась в сторону вокзала. Женщина еще надеялась, что Володя ее окликнет, холодно представит Лиле, и они вместе отправятся к нему на Лубянскую квартиру. Но он не окликнул. Прежде, чем нырнуть в здание вокзала, Наталья обернулась.

Лили висела у него на шее, и Маяковский со счастливым видом бормотал ей на ухо свои стихи. Когда он закончил, Лили озорно повела глазами:

— Захотел стать мещанским мужем, да? А меня бросить, да? Захотел нарожать детей и отрастить брюхо, да? А писать стихи бросить?

— Нет! — ответил Маяковский. — Я никогда не брошу ни тебя, ни стихи...

Глава шестнадцатая

Яков Агранов захаживал к Брикам довольно часто. Многие утверждают, что он также был любовником Лили. Дескать, и легендарный чекист не смог устоять перед чарами этой обольстительницы. Но это вряд ли. Просто по роду служебных обязанностей Агранов обязан был знать настроение творческой интеллигенции. Он был другом не только Маяковского, но и Леопольда Авербаха, возглав-

лявшего Всероссийскую ассоциацию пролетарских писателей. Однако дом Бриков для Агранова был особым. К Брику чекист часто обращался за консультацией. Агранов образования не имел. А Брик был хорошо образован. Когда сотрудник ОГПУ впервые услышал об уникальных знаниях великих тибетских учителей из страны Шамбала, то обратился к Брику за разъяснениями. Осип Максимович подтвердил существование этой страны.

— Говорят, что сказочная страна Шамбала действительно существует и находится в Гималаях, — подтвердил чекисту Брик. — Говорят, что она хранительница уникальных человеческих знаний, собранных за весь период существования человечества. Сначала эти знания хранились в египетских пирамидах, но после завоевания Египта Ассирией были перевезены в Тибет.

— Уверен, Осип Максимович, что это не бабкины сказки? — подозрительно сощурился Агранов.

— Я ни в чем не уверен. Так говорят, — неопределенно пожал плечами Брик. — На самом деле этой страны никто не видел.

— Но это не означает, что ее нет?

— Разумеется...

Сразу после разговора с Бриком Агранов начал готовить экспедицию ОГПУ в Гималаи. Как известно, в 1925 году подготовленный Аграновым чекист Яков Блюмкин влился в экспедицию Николая Рериха под видом странствующего монаха, и она отправилась на поиски той сказочной страны. Знание учителей востока очень насущно интересовали Агранова. В июне 1926 года Агранов пришел к Брику в гости со странным письмом, которое Рерих привез наркомму иностранных дел Чичерину, прервав специально для этого экспедицию. Это знаменитое послание гималайских учителей к советским коммунистам до сегодняшнего дня вызывает горячие споры. Приведу его полностью.

На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверия. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков жизни. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали назначение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага! Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность вашего движения и посылаем Вам нашу помощь, утверждая единение Азии. Знаем, построения совершатся в годах 28 – 31 – 36. Привет Вам, ищущим общего блага!»

Осип Максимович прочел текст с большим интересом, после чего настороженно посмотрела на Агранова.

— Меня беспокоит фраза по поводу упразднения церкви, ставшей, якобы, рассадником лжи и суеверий, — произнес Брик. — Нужно было изложить как-нибудь потоньше. В России еще очень много верующих. Не поймут.

Агранов удивленно вздернул брови:

— Ты что думаешь, это послание сочинили в ОГПУ?

— А разве нет? — в свою очередь удивился Брик. — Тогда, pardon.

Он снова вчитался в письмо, более скрупулезно. Затем поднял глаза, и его очки блеснули иронично.

— А что намечает партия в двадцать восьмом, тридцать первом и тридцать шестых годах?

Агранов рассмеялся.

— Для тебя, Осип Максимович, должен быть интересен только двадцать восьмой год. В этот год произойдет слия-

ние литературных объединений в одну писательскую ассоциацию. Планы остальных лет неведомы даже мне.

Осип с пониманием покачал головой.

— Значит, все-таки сочинено в ОГПУ.

— Да нет же, Осип Максимович, — затряс головой Агранов. — Действительно послание передано Чичерину товарищем Рерихом. Впрочем... — задумался чекист. — О, черт! Неужели Блюмкин? Если Шамбала не будет найдена, я его лично расстреляю!

В 1929 году Якова Блюмкина действительно расстреляют, а Шамбала Рерихом найдена не будет. Впрочем расстреляют легендарного чекиста отнюдь не за то, что он не нашел страну великих учителей, а за то, что привез Карлу Радеку письмо от Троцкого. Руководил расстрелом Агранов и, по слухам, стрелял сам. Однако внедрение чекиста в экспедицию Рериха не было безрезультатным. В 1935 году Агранов начал подготовку беспрецедентной акции, завершенной уже после его ареста, — танкового рейда спецподразделения НКВД по следам экспедиции Рериха-Блюмкина.

Глава семнадцатая

Что имели в виду великие учителя Тибета, называя эти года великих свершений в России? Как мы знаем, 1928 год — завершение НЭПа и начало индустриализации страны с предшествующей ей коллективизацией. В этом же году началась первая пятилетка.

В 1931 году страна полным ходом завершает пятилетний план, который, как известно, уложился в четыре года и три месяца. В 1931 году началось генеральное наступление на крестьян единоличников.

В 1936 году завершалась вторая пятилетка. К этому времени советское государство на удивление всему миру сделала такой экономический рывок, на который другим

странам понадобилось бы сто лет. Россия начала самостоятельно производить все, что нужно. Сталин завершил становление государственной власти, основанной на беспрекословном подчинении одному человеку.

Однако не победы же в становлении сталинской диктатуры имели в виду тибетские учителя, называя данные года великих свершений.

Скорее всего, они имели в виду достижения в области духовного прорыва человечества, которые, как известно, воплощаются в произведениях искусства. В 1928 году Андрей Платонов завершил свой гениальный «Чевенгур», а Булгаков засел за роман «Мастер и Маргарита». В том же году в журнале «Октябрь» вышла первая часть «Тихого дона» Шолохова. А в 1931 году на экраны страны вышла картина «Путевка в жизнь», потрясая своей гуманностью. Этот фильм, собственно, и принес мировую славу советскому кинематографу. В 1936 на экраны вышли фильмы «Цирк», «Дети капитана Гранта», «Семеро смелых» и другие. От этих фильмов действительно веет космической мощью, настолько они добры и справедливы к людям...

Но может быть, махатмы имели в виду иное? Дух всеобщего единения, который воцарится в СССР в эти годы? Ведь многие западные наблюдатели отмечали, что в стране советов граждане трудятся практически на голом энтузиазме. «Все ходят оборванные, голодные, живут в бараках, но у всех горящие глаза, в которых уверенность, что они свершают что-то великое», — писал писатель Герберт Уэллс, который приезжал в Россию трижды. Не это ли и имели в виду махатмы, упомянув про угадывание эволюции общины?

Впрочем, выяснение истинного смысла послания тибетских учителей не входит в нашу задачу. Упоминаю его только как факт, с которым было поручено разобраться заместителю начальника секретного политического отдела

ОГПУ Якову Агранову, и он консультировался по поводу письма с Осипом Бриком.

Но что любопытно, именно в 1928 году и произошло то самое событие, которое через два года приведет Маяковского к роковому выстрелу из маузера в доме № 3 по Лубянскому проезду. Однако об этом позже.

Вернемся в 1927 год. По возвращению из Крыма Маяковский рвет всякие отношения с Натальей Брюханенко, с которой он чуть не дошел до ЗАГСа, и их неземная любовь с Лилей обретает второе дыхание. Поэт снова верит, что он — единственный и неповторимый Лиличкин мужчина, и она принадлежит только ему. Одновременно, Маяковский реанимирует литературный журнал ЛЕФ, который к этому времени уже прекратил свое существование.

Теоретически возрождение журнала не имело для поэта смысла. Маяковский уже не нуждался в собственной трибуне, как в 1923 году. Его публиковали все центральные газеты и журналы. Редкое книжное издательство отказывало ему в издании книги, потому что он был самым раскупаемым поэтом. Поэтические сборники Маяковского переводились на иностранные языки и широко издавались за рубежом. Поэтому к выпуску литературного издания Левого фронта Маяковский охладел. Брик тоже охладел, потому что редактирование левого литературного авангарда ему уже было мелковато. Осип Максимович занялся написанием киносценариев и оперных либрет.

Так что возрождение журнала «Новый Леф» было чисто политической акцией. Высокопоставленным товарищам нужно было показать, что дух боевого революционного фронта жив и Маяковский по-прежнему ведет активную организаторскую деятельность.

Несмотря на то, что слияние всех литературных организаций намеривались осуществить на основе самой многочисленной российской ассоциации пролетарских писателей, возглавляемой Авербахом, никто почему-то не со-

мневался, что во главе объединения поставят интеллигента Маяковского.

Надо отметить, что для этой роли он подходил идеально. Маяковский был и авторитетным, и популярным одновременно. За ним укрепилась слава вечного бунтаря, однако на самом деле он никогда не выходил за идеологические рамки партии. Кандидатуру Маяковского по запросу Центрального комитета рекомендовал секретный отдел ОГПУ, и Центральный комитет имел на него планы в качестве главы всесоюзного писательского объединения.

Брик уже сладострастно потирал руки, видя себя на посту серого кардинала будущей организации, а Маяковского, разумеется, — генеральным секретарем. Однако на их беду в 1928 году в Советский Союз принесло истинно пролетарского писателя Максима Горького. Автор «Буревестника» вернулся на родину еще не окончательно, но Сталин задался целью вернуть его навсегда. И кандидатура с главой единой писательской организации практически была решена.

В мае 1928 году прошел 1-й Всесоюзный съезд пролетарских писателей. Было образовано Всесоюзное объединение ассоциации пролетарских писателей, в которые вошли РАПП, ВУСПП, московское литературное объединение «Кузница» и ассоциация писателей Белоруссии, Закавказья, Туркменистана и Узбекистана.

Во главе объединения Центральный комитет поставил литературного критика Владимира Сутырина, поскольку Горький к этому времени еще не определился с окончательным возвращением на родину. Левый фронт искусств на съезд не пригласили. О Маяковском в качестве кандидата в генеральные секретари никто не вспомнил. Его упоминали на съезде. Но только в качестве «попутчика». На съезде провозгласили гегемонию пролетарской литературы и потребовали подмять под себя все литературные журналы страны, а из их редколлегий исключить попутчиков, присосавшихся к спинам пролетариев. К числу та-

ких попутчиков был отнесен и Маяковский, отчасти из-за того, что его кандидатура была отклонена в качестве главы объединения.

Бедняга пережил это очень тяжело. Однако Брик продолжал себя тешить надеждой, что это только первый шаг к объединению писателей. И точно. Союз Советских писателей, который так мечтал возглавить Осип Максимович, будет образован через четыре года. Возглавит его Горький. Маяковского к этому времени уже не будет в живых.

Глава восемнадцатая

Чтобы понять, с каким настроением осенью 1928 года Маяковский отправился в Париж, следует рассказать и про его личные неудачи, и про атмосферу, царившую тогда в стране. После съезда пролетарских писателей поэт неожиданно вышел из Левого фронта, чем крайне удивил всех своих верных товарищей, включая своего компаньона Осипа Брика. Потом критики и литературоведы в один голос будут уверять, что Маяковский разочаровался в политике ЛЕФа, поэтому он его и покинул.

Такие утверждения не могут не вызвать недоумения. Получается, что глава литературного крыла разочаровался в политике, которую сам же и утверждал.

Маяковский мог выйти из ЛЕФа только по одной причине — он неожиданно оказался в оппозиции генеральной линии партии. Лавры оппозиционера певца революции не прельщали. Он всегда был в авангарде коммунистической партии и стремился быть поближе к существующей власти. Верил ли он в революцию, как в мать родную, этого мы никогда не узнаем, поскольку чужая душа — потемки. Но официальное недовольство его произведениями, или даже равнодушие к ним, он переживал весьма болезненно, о чем свидетельствует множество фактов.

В том же году на экраны вышел фильм по его сценарию «Декабрюхин и Октябрюхин». Критика к картине отнеслась более чем холодно, и среди зрителей фильм не снижал популярности. Следом вышел фильм по сценарию Осипа Брика «Потомок Чингисхана». Картина возымела успех и вошла в анналы советского киноискусства. Это была какая-то новая струя в кинематографе, и Брик, чутко улавливающий свежее веяние, оказался на высоте. Маяковский со своей идеей о жизни втроем на фоне революционных будней просто устарел. К концу двадцатых годов революционный эрос уже завершал свое победоносное шествие, и напоминание о нем у большинства населения страны вызывало раздражение.

Верховная замануха в партию передовой молодежи дала свои невеселые плоды. К 1929 году в комсомоле насчитывалось более 3 миллионов членов, из них 1,5 миллиона — деревенской молодежи. Однако же к этому времени страна погрязла в уличных насилиях, которых с каждым годом становилось все больше. К примеру, в 1926 году только Московским судом было рассмотрено 547 случаев изнасилования, в 1927 — году — 726, в 1928 году — 849. За преступления сексуального характера давали не более пяти лет, если дело доходило до суда. Большинство дел до суда не доходило. Комсомольские вожаки вынуждали обиженных отказываться от каких-либо претензий к комсомольцам и призывали их к революционной сознательности.

Однако в 1926 году зверское изнасилование двадцатилетней крестьянки Любы Беляковой в Ленинграде потрясло всю страну. Ее насильничало сорок человек из числа представителей передовой молодежи, кандидатов в члены ВКП(б) и коммунистов. Насильники на суде не понимали, в чем они виноваты?

— Никакого изнасилования не было, — заявляли они судьям с широко распахнутыми глазами. — Был акт, который совершался без согласия женщины.

Дело получило такой резонанс, что грозило сорвать планы по намечавшейся индустриализации. Именно поэтому вместо обычных пяти лет шестерых насильников приговорили к расстрелу. Остальные получили длительные сроки отсидки.

Однако эту запущенную машину революционного эроса было уже не так просто остановить. Через год снова громкое изнасилование, от которого в очередной раз содрогнулась страна. У Петропавловской крепости тринадцать учащихся ФЗУ при Балтийском заводе после споров о сроках торжества коммунизма во всем мире зверски изнасиловали трех девушек, одна из которых погибла. Суд по данному делу стал показательным только потому, что одна из жертв оказалась дочерью видного партийного деятеля.

К 1928 году наметилось еще одна проблема. Комсомольцы ни в какую не желали жениться на комсомолках. Их услугами в удовлетворении классовой похоти они пользовались охотно, но в жены предпочитали брать девушек незапятнанных комсомольской деятельностью. К концу двадцатых годов образовалась целая армия перезревших одиноких комсомолок, у которых не было никаких надежд на замужество.

В этом отношении страна начала склоняться к классическому браку и здоровой семье. Так что Маяковский, продолжавший воспевать свободную любовь, у многих вызывал раздражение, причем, как у простых читателей, так и у партийной верхушки. Словом, позорный неуспех его картины был очень даже предсказуем.

Кроме прочего, в обществе нагнеталась тревога по поводу насильственной коллективизации. Многие были недовольны жесткой политикой Сталина, и в кулуарах шептались, что кремлевский горец на посту генсека долго не протянет, потому что партия ему не простит повсеместного разорения крестьян.

НЭП завершался. Недовольство возрастало. В умах даже самых преданных революции людей начался разброд. А у Маяковского с Лилей начался очередной период отчуждения. Маяковский спешно засобирался во Францию. Неожиданное желание поэта уехать из страны вызвало удивление у Лили и подозрение у Осипа. Маяковский объяснил свой отъезд нездоровьем. Он заявил, что едет в Париж долечивать воспаление легких. Однако Михаил Горб из иностранного отдела ОГПУ довел до сведения Агранова, что одновременно из США в Италию пребывает Эли Джонс со своей трехлетней дочкой. Агранов проинформировал об этом Бриков. Супруги всполошились.

— Ты думаешь, это случайность? — спросил у жены Осип.

— Скорее всего, они списались, — пожала плечами Лилия. — И что из этого?

Брик задумчиво покачал головой.

— А если он там останется? Ты знаешь, что с нами сделают?

Лилия рассмеялась.

— Неужели ты думаешь, что он променяет ее на меня?

— Мне кажется, он очень хочет семейного гнезда и детей.

— Не выдумывай! — оборвала Лилия и вдруг задумалась.

За три дня до отъезда в Париж произошло то самое событие, которое впоследствии и приведет Маяковского к гибели. К поэту на Лубянскую квартиру позвонил мужчина, который представился работником ЦК, и доверительным голосом сообщил, что с ним хочет встретиться Лазарь Абрамович Шацкий.

— Из ЦК Комсомола? — удивился поэт.

— Нет, — ответил секретарь. — Шацкий из ЦК комсомола недавно перевелся в ЦК партии. Он хочет с вами встретиться в редакции газеты «Правда», в которой он — член редколлегии.

— Хорошо, — ответил Маяковский. — Когда подойти?
— Через час, — ответили на том конце. — И строжайшая просьба: об этой встрече не должен знать никто.

Глава девятнадцатая

Подозрения Осипа оправдались. Эльза написала из Парижа, что Володя собирается в Ниццу, чтобы встретиться со своей подругой Эли Джонс. Лиля не на шутку встревожилась. Как-никак Маяковский впервые увидит свою дочь. Какие чувства овладеют им при этом? Непредсказуемо.

— Осип, напиши ему письмо, — попросила Лилия. — Напиши, что я очень скучаю, и очень его жду. И хочу, чтобы он привез мне из Парижа огромный флакон французских духов и... автомобиль «Рено Клер». И напиши, что письмо ты написал втайне от меня, чтобы сделать мне сюрприз.

Брик вытаращил глаза.

— Почему должен написать я. Почему не напишешь ты?

— Если напишу я, то он подумает, что это мои очередные женские штучки. И не отнесется к письму серьезно. Я писала ему год назад в Париж, что очень хочется автомобильчик, желательно «Форд». Но он подумал, что я хочу подлизаться после скандала, и не среагировал.

— Хорошо, я напишу, — вздохнул Брик. — Но ты тоже напиши. Только как-нибудь помягче.

В тот же день Лилия написала в Париж письмо.

Ты писал, что едешь в Ниццу, а телеграммки все из Парижа (НЕТ). Значит, не поехал? Когда же ты будешь отдыхать?! Ты поганейший Щен! И я тебя совершенно разлюблю!!!

Что с Рено Клером? Если не хватит денег, то пошли хоть (через Амторг) 450 долларов на Фордик без запасных частей. Запасные части, в крайнем случае, можно достать для Форда и здесь.

У-уу-уу!!!?-!!!?

Скажи Эличке чтоб купила мне побольше таких чулок, как я дала тебе на образец, и пары три абсолютно блестящих, в том смысле чтобы здорово блестели и тоже не слишком светлых. Купи еще штуки 3 др. р[азных] р[азмеров?] и попроси Эличку купить бутылочку Нютиной красной водички.

Отчего не пишешь? Мне это интересно!

Пудовкины на днях едут в Берлин.

Очень прошу тебя, Волосенька, отдохни где-нибудь хоть немножечко!

Обнимаю тебя, мой родненький зверит, и страшно нежно целую.

Твоя.

Весь октябрь супруги жили в напряжении. И не напрасно. Явился Агранов и сообщил, что из Ниццы пришли весьма неприятные новости. Маяковский встречался с Эли Джонс и в беседе с ней очень крепко ругал страну Советов.

На лбу Брика выступил холодный пот.

— Еще он ей пожаловался, что Лиля сообщает о каждом его шаге в ОГПУ, — нахмурился Агранов.

— Не может быть! — побледнел Брик.

— А еще он в Ницце встретился с художником Юрием Анненским и сказал ему, что в России больше творить невозможно, что идеи коммунизма это — одна вещь, а коммунистическая партия, которая пользуются всеми выгодами власти, — совсем другая.

Брик потерял дар речи, а чекист скривился в зловещей усмешке.

— А я рекомендовал его кандидатуру Центральному комитету в качестве руководителя писательской организации. Ты хоть понимаешь, Осип Максимович, что с нами сделают, если он останется за границей?

— Нет! — закрутил головой Брик. — Он не останется за границей. Он не сможет там жить. На всякий случай, я думаю, нужно послать туда Лилю.

— Ни в коем случае! — возразил Агранов. — Он сразу поймет, что ее послали мы. Успокойся, Осип! Наши люди сделают все возможное, чтобы встреча Маяковского с Эли Джонс была как можно короче.

Их встреча действительно была короткой. Двадцатого октября Маяковский выехал из Парижа в Ниццу, а двадцать пятого уже вернулся. После этой поездки он был очень хмурым и выглядел убитым. Как не допытывалась от него Эльза подробностей об их встрече с Эли и его дочкой, Маяковский не рассказал ни слова. Видимо, встреча была не очень счастливой. Он обронил лишь одну фразу:

— Только большая, хорошая любовь еще может меня спасти.

— Но разве любовь к Лиле — это не спасение? — удивилась Эльза.

Глаза Маяковского сверкнули бешенством.

— Любовь к ней — моя гибель. Я устал от ее измен. А между тем я никогда ей не изменял...

Эльза не стала высказывать недоумения. И спорить не стала. Она уже имела указание от сестры познакомить Маяковского с такой женщиной, которая отшибет ему память. Но, кажется, в этом не было необходимости. Поэт не пылал страстью к матери своей дочери и не собирался отправляться с ней в Америку, чтобы просить там политического убежища.

Тем не менее, в этот же день двадцать пятого октября Эльза в салоне художника Шухаева представила Маяковскому красивую молодую женщину по имени Татьяна.

Двадцатидвухлетняя русская эмигрантка Татьяна Яковлева работала моделью в доме Шанель. Когда Маяковский с Яковлевой взглянули друг другу в глаза, то Эльза подумала, что если они действительно сойдутся, то будут прекрасной парой. Володя большой, красивый, статный, Татьяна — красавица, высокая, стройная, подстать ему. Все, кто присутствовал при их знакомстве, утверждали, что Маяковский влюбился в нее в сию же минуту. Насколько это правда, неизвестно. Однако то, что после этого они начали встречаться ежедневно, подтверждают многие.

Конечно, Эльза регулярно информировала сестру, как у Володи развивался роман с Татьяной, но это не удовлетворяло Лиличкино любопытство. Еще ее настораживало, что Володечка совершенно перестал писать. Тогда она сама написала ему. «Отчего не пишешь?» Маяковский отвечал уклончиво и не всегда правдиво: «Моя жизнь какая-то странная, без событий, но с многочисленными подробностями. Это для письма не материал, а только можно рассказать, перебирая чемоданы...»

Лиля знала, что Маяковский — человек увлекающийся. Но не догадывалась, что он увлечется подсунутой ему девушкой до такой степени, что напрочь забудет про свою истинную семью. А между тем, до Лилиного слуха дошло, что Маяковский начал посвящать новой возлюбленной стихи. Это уже выходило за все рамки. Ведь Маяковский никому, кроме Лили, стихов не посвящал. Он определенно влюбился. И влюбился крепко.

Дни шли за днями. Уже прошел Новый год, а Маяковский и не думал возвращаться. Беспокойство охватило не только Лилю, но и товарищей из ОГПУ. Кажется, муза потеряла всякую власть над поэтом.

Безусловно, Маяковский относился к своей любви серьезно. А Яковлева, по всей видимости, не очень. На его глазах она неожиданно зафлиртовала с Шаляпиным, а затем укатила за ним в Барселону, где певец давал концерт.

Своей матери в Пензу Татьяна писала: «У меня сейчас масса драм. Если бы я даже захотела быть с Маяковским, что стало бы с Ильей? И кроме него есть еще двое. Заколдованный круг...»

С Ильей Маяковскому познакомиться не удалось, как, впрочем, и с двумя другими, о которых упоминала в письме Татьяна. Зато поэту посчастливилось однажды утром застать в квартире возлюбленной какого-то мужчину, с которым Татьяна познакомилась по возвращении из Барселоны. Маяковский явился к ней в восемь утра в романтическом настроении, с корзиной белых роз. Однако картина, представшая его глазам, не выглядела романтической. Незнакомый гость несвежего вида сидел в кресле, курил сигару и скучно зевал. Он был едва одет. Мужчина, видимо, только что проснулся и не очень одобрил ранний визит Татьянинного соотечественника с изуверской корзиной цветов.

— Виконт Бертран дю Плесси, — представила модель своего нового друга.

Поэт побледнел и застыл на пороге, как статуя. Когда пришел в себя, немедленно швырнул корзину на пол и вне себя от ревности кинулся в коридор. Дверь захлопнулась с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка. Виконт удивленно посмотрел на Татьяну.

— Кто это был? — спросил он по-французски.

— Мсье Маяковский, — ответила Татьяна. — Величайший русский поэт.

В тот же день величайший русский поэт купил билет до Москвы. Когда поезд пересек границу Франции, Маяковский немного успокоился и начал сочинять письмо Татьяне. Он написал, что несмотря ни на что продолжает любить ее и надеяться на серьезные отношения.

Яковлева ответила, что тоже надеется на серьезные отношения, и по этой причине немного удивлена его внезапным отъездом.

Маяковский приехал из Парижа другим, более самостоятельным. Он стал проявлять характер и довольно холодно общаться с Лилей. Женщину мучила ревность. Больше всего Лилю убивало, что Володя посвятил два стихотворения другой женщине и публично прочел их в Париже. Она впервые почувствовала, что Маяковский от нее ускользает. Всеми мыслями поэт еще находился во Франции. Не было вечера, что бы он не написал письма Татьяне, в котором слезно жаловался, что тоскует по ней отчаянно и чрезмерно.

Но главное было достигнуто. Маяковский в России. И рядом с ним Лиля, которая по-прежнему считала, что возродить в нем былые чувства — только вопрос времени.

Часть третья Встретимся на самом дне

Глава первая

Между тем, события, которые разворачивались в год великого перелома, не могли оставить равнодушными наших героев. Наступление на кулаков и начало коллективизации породили в стране великие смуты. По официальным данным к началу 1929 года в стране было зафиксировано 5721 крестьянских выступлений, которые окрестили кулацкими вылазками. Также было совершено 1307 террористических актов. Казалось, еще немного и страна взорвется. Многие были уверены, что советская власть висит на волоске и что Сталина в ближайшее время отстранят от руководства. Партия разделилась. В кулуарах выражали недовольство по поводу того, что генеральная линия отца народов привела к такому жуткому разброду в

стране. Образовался правый уклон. Бухарин с Рыковым выступали за продолжение НЭПа и против насильственной коллективизации. Тогда они еще наивно верили, что Сталина можно отстранить от руководства всего лишь всеобщим голосованием.

Однако в начале 1929 года Рыкова сместили с поста председателя совета народных комиссаров РСФСР за расхождение с генеральной линией партии, а Бухарина сняли со всех занимаемых должностей. На пост председателя совнаркома РСФСР, которую до Рыкова занимал только Ленин, назначили старого большевика из Сибири Сергея Сырцова.

Когда сегодня говорят, что Сырцов с целью заговора против Сталина создал право-левацкий блок, это не совсем верно. Право-левацкий блок уже существовал. Сырцову предложили только его возглавить, поскольку Рыков проявил нерешительность, а Бухарин откровенную трусость. Есть подозрение, что назначение твердокаменного большевика, который еще секретарем Сибирского крайкома выступил против разорения единоличных крестьянских хозяйств, не обошлось без протекции высокопоставленных активистов право-левацкого крыла.

Мало кому известно, что к первому заговору против Сталина было привлечено невероятное количества народу: военные, чекисты, высокопоставленные партийные лидеры. Все они потом будут выявлены, и после раскрытия заговора Тухачевского, расстреляны в тридцать седьмом году. Многих до сих пор удивляет несметное количество народу, участвующего в заговоре Тухачевского. Но известный маршал почти не вербовал себе сторонников. Армия заговорщиков уже была сформирована, и Тухачевский ее только возглавил. Корни же всех пяти заговоров против Сталина тянулись из 1928 года.

Однако кто же стоял за заговором Сырцова, который вошел в историю как первый заговор против Сталина? Безусловно, и он, и его подвижники — Ломиндзе, Шац-

кин, Резников, были второстепенными деятелями. Главными фигурами были «умеренные» из Сталинского окружения. Это, прежде всего, Киров и Орджоникидзе. Однако они держались на нейтральных позициях и выжидали, кто победит. Сердцем они, конечно, желали, чтобы победил Сырцов. Однако в случае провала принципиального большевика из Сибири, «умеренные» оказывались в стороне.

Нейтральной позиции придерживались практически все влиятельные фигуры заговора, в том числе и наш старый знакомый, заместитель начальника секретного политического отдела ОГПУ Яков Агранов. Да-да, он тоже был завербован и тоже дал согласие на поддержку нового наркома, но в том случае, если новому наркому действительно удастся сместить тирана.

Завербовал его все тот же неистощимый генератор идей Лазарь Шацкий, который в 1918 году убедил Агранова переметнуться от Ленина к Сталину, и прозорливый Яков не прогадал. На этот раз к предложению родителя комсомола чекист отнесся осторожно. С одной стороны, на службе у Сталина он добился серьезных карьерных высот, с другой — он также как и многие полагал, что Сталин долго не продержится.

В это время в стране шла активная вербовка недовольных политикой кремлевского горца. Свое согласие на поддержку подпольной оппозиции дали не только партийные и государственные деятели, но и ряд командиров Красной армии. Сегодня непонятно, действительно ли заговорщики успели склонить на свою сторону Блюхера, которому намеривались вверить армию, но доподлинно известно, что свое согласие на участие в заговоре дали военный атташе в Турции Анатолий Геккер, комдив Борис Горбачев, командир стрелкового корпуса Иван Кутяков, а также только что отозванный из Афганистана военный атташе Виталий Примаков.

В задачу Шацкого входила вербовка творческого крыла оппозиционеров, которую курировал Агранов. Как и Сталин, подпольные деятели огромное значение предавали идеологии. Вот почему в год великого перелома отец народов решил загнать писателей в один союз.

Шацкий намеривался склонить на свою сторону те литературные объединения, которые не вошли в ВОАП. Лакомым куском для заговорщиков, разумеется, был ЛЕФ Маяковского.

Осенью 1928 года Шацкий встретился с поэтом в редакции газеты «Правда» и предложил ему возглавить будущий союз писателей после ближайшего пленума, на котором планировалось смещение с поста генсека незабвенного отца народов. Маяковский согласился без всякого раздумья и дал гарантию на поддержку заговорщиков.

Глава вторая

Как уже упоминалось, после съезда пролетарских писателей Маяковский вышел из ЛЕФ и начал писать свою личную биографию «Я сам». Он считал себя настолько самостоятельным, что мог себе позволить не состоять ни в какой организации. В трибуне поэт не нуждался. В материальном плане не бедствовал. Власть к нему относилась доброжелательно. Казалось, что еще нужно русскому гению, чтобы безмятежно почивать на диване с лавровым венком на голове.

Однако на удивление всем он создает новое литературное объединение РЕФ (революционный фронт искусств) и тут же бросается в борьбу. На этот раз это была не детская игра против бюрократов и нерадивых служащих нэпманских контор, которая больше напоминала видимость борьбы, а был самый что ни на есть бунт. Маяковский подверг нещадной критике избранную линию пролетарских писателей. Он либо не понимал, что, нападая на рап-

повцев, практически встает в оппозицию, поскольку направление объединения — это генеральная линия партии, либо действительно чувствовал за спиной мощную поддержку единомышленников.

Энергичная деятельность бунтаря на посту руководителя РЕФа весьма встревожила Агранова. Если до этого он знал через Лилю, что у Маяковского на уме, то теперь этого не ведал даже всезнающий Брик. Осип Максимович видел, что с поэтом творится что-то не ладное. В последнее время он сделался нервным и дерганным. Всегда открытый для него Маяковский неожиданно замкнулся, и о прежнем доверии между ними не могло быть и речи.

Не было у Маяковского и прежнего доверия к Лиле. Все ее усилия вернуть Володечку в прежнее русло не увенчались успехом. Он больше ей не доверял. Лиля просматривала его письма с телеграммами и холодела от ужаса. Поэт рвался обратно в Париж, из которого с таким трудом удалось его выцарапать. Он отправлял Яковлевой телеграмму за телеграммой, в которых жаловался, что безмерно по ней тоскует.

В феврале поэт снова укатил в Париж и пробыл там два с половиной месяца. До Лили доходили слухи, что Маяковский собирается жениться на Татьяне, и он уже сделал ей официальное предложение. Однако парижская возлюбленная пока отвечает уклончиво. Но это пока. Где это видано, что бы модель устояла перед стихотворцем?

Позже исследователи напишут, что Лиля не находила себе место от ревности. Но от ревности ли? Агранов требовал, чтобы она дала точную информацию, что у Маяковского в голове.

Но если бы этого требовал только Агранов. К Брикам зачастила и жена чекиста Валентина, которая после второй чашки чая начинала укоризненно качать головой:

— Я слышала, что Маяковский стал себя очень нехорошо вести за границей. Он без конца критикует Советскую власть.

Лиля нервно закуривала и кусала губы. А после ухода гостя у нее начинался нервный тик. Она понимала, что Володя давно вышел из-под ее контроля и вернуть его назад уже вряд ли возможно. Во всяком случае, пока он находится в Париже.

— Может быть, следует устранить Яковлеву, — вырвалась однажды из женщины.

Брик внимательно посмотрел на жену и покачал головой.

— Это уже через чур, Лиличка, — произнес он укоризненно. — Скомпрометировать — другое дело. Но устранить... Да и поможет ли это? Володя такой увлекающийся. Подсунули ему девушку на свою голову... Чтобы отвлечь от американки.

— А может, подсунуть еще, чтобы бы отвлечь от французенки, — встрепенулась Лиля.

Эту мысль супруги обсуждали до полуночи и наутро решили донести идею до Агранова. Чекист идею одобрил.

— Но это должна быть не просто женщина, а русская Мата Хари, — высказал пожелание Агранов. — Что ж, Лиля Юрьевна, действуйте! Вкус его вы знаете.

Лиля долго размышляла. Вкус Маяковского она действительно знала, как и то, что его оголодавшее сердце откликнется на любую женскую ласку. Женщин во вкусе Маяковского было много, но требовалась такая, которой поэт открыл бы свое сердце и в тоже время не помышлял о женитьбе. То есть, женщина должна быть замужней, которая любила бы мужа и не думала о разводе.

Лиля остановилась на двадцатидвухлетней актрисе Веронике Полонской, с которой когда-то работала в фильме «Стеклянный глаз». Девушка красивая, нежная, искренняя и обладает тем самым чувственным обаянием, которое так нравится мужчинам. Единственный недостаток — слишком юная. Она только что окончила театральное училище и поступила в Художественный театр, а следовательно — еще не наигралась в великих актрис. Второе недостаток —

в этом же театре работал ее муж Михаил Яншин. Однако на отработку других вариантов времени не было. Маяковский на днях должен был возвратиться из Франции.

Двенадцатого мая Лиля приехала в театр и в перерыве между репетициями зашла к девушке в артистическую.

— Я к тебе, Норочка, с очень непростым поручением, которое имеет государственную важность, — сказала Лиля Юрьевна. — Прошу отнеситесь к этому серьезно.

Когда актриса узнала, что партии нужно, чтобы она очаровала Маяковского, то сочла это за шутку. Ее восторженный детский смех очень не понравился Лиле.

— Я не шучу, Нора Витольдовна. Я выполняю поручение очень серьезного ведомства.

Лиля достала удостоверение и сунула актрисе в нос. Та побледнела и сделалась очень серьезной.

— Зачем? — спросила она.

— Затем, что Владимир Владимирович собрался жениться на русской эмигрантке, которая живет во Франции. Ты представляешь, какой лай поднимут наши враги, если самый преданный поэт революции эмигрирует во Францию.

Что оставалось бедной девушке? Она согласилась. То, что ей, начинающей актрисе, доверили такое щекотливое дело, конечно, льстило ее самолюбию. Но обескураживало, что все это следовало держать в тайне, в том числе и от мужа. Несмотря на то, что они с Мишей были женаты целых три года, их период влюбленности еще не завершился.

— Хорошо. Я согласна, — пролепетала Полонская.

— Прекрасно! — улыбнулась Лиля. — Завтра приезжай вместе со всеми на бега. Там будет и Владимир Владимирович. Осип Максимович тебя ему представит.

На следующий день Вероника с мужем и другим артистами художественного театра приехали на бега. Там они влились в компанию литераторов. Кроме Брика на скамейке сидел Катаев, а чуть подальше Олеша и Пильняк.

Маяковского среди литераторов не было. Полонская поискала глазами и наткнулась на внимательный взгляд Осипа Максимовича. Он интеллигентно улыбнулся и предложил присесть рядом. Обрадовавшись, что жена пристроена, Миша побежал ставить на лошадь.

— Ну что, Вероника Витольдовна, — тонко улыбнулся Брик. — Вы готовы к труду и обороне?

— Вы полагаете, мне нужно будет обороняться, — пошутила актриса, и вдруг увидела Маяковского.

Поэт шел мимо скамеек с палкой, которой управлял весьма энергично. Он был весь какой-то нескладный, и походка у него была мальчишеская. Знаменитость густо дымила папирсой. Маяковский был большим и нелепым в своем белом плаще и фетровой шляпе, нахлобученной на самый лоб. Вероника напряглась. Осип заметил волнение девушки

— Обратите внимание, какое несоответствие фигуры у Володи: он такой большой — на коротких ногах.

Зачем Осип Максимович сказал это, Вероника не поняла. Маяковский подошел и начал громко ругать жокеев на лошадях. От такого шума Вероника вообще потерялась.

— Кстати, — перебил его Осип Максимович. — Хочу тебе представить прекрасную актрису, сыгравшую главную роль в фильме «Стеклянный глаз», Веронику Витольдовну.

Маяковский взглянул ей в глаза, протянул руку и улыбнулся. Вероника тоже улыбнулась и скромно потупилась. Потом, когда она подняла глаза снова, то заметила, что Маяковский все еще смотрит на нее. И смотрит весьма заинтересовано.

В эту секунду трибуны взорвались. Какая-то лошадь обгоняла фаворита. Маяковский перевел взгляд на поле и энергично зажестикублировал палкой.

— Давай! Шевели копытами! — завопил он.

Когда заезд закончился, подошли Катаев с Яншиным.

— А может быть, завтра вечером соберемся у меня? — предложил Катаев.

Все закивали. В эту минуту Вероника снова почувствовала пристальный взгляд Маяковского. Она подняла глаза и скромно улыбнулась. Он вытащил изо рта папиросу и произнес:

— Могу вас завтра, Вероника Витольдовна, забрать из театра на своей машине. Ведь вы не знаете, где живет Валя?

Глава третья

Когда супруги возвратились домой и остались наедине, Михаил естественно поинтересовался, почему Маяковский вызвался забрать Веронику после театра.

— Не знаю, — засмеялась жена. — Может, я ему понравилась. Надеюсь, ты не ревнуешь?

— К Маяковскому? — удивился Миша. — Ха! Было бы к кому.

На следующий день Полонская вышла из театра не без некоторого волнения. Маяковского не было. Его автомобиля тоже. Актриса стала прогуливаться по улице Горького и тут увидела в проезде неподалеку от театра серую двухместную машину.

Усатый водитель проводил девушку далеко не пуританском взглядом, затем, словно опомнившись, шаловливо предложил:

— Не желаете ли прокатиться, барышня?

— А чья это машина? — поинтересовалась Вероника.

— Поэта Маяковского, — с гордостью ответил водитель.

— Прекрасно! — обрадовалась Полонская. — Его-то я и жду. А где он сам?

Водитель смутился и признался, что хозяин попросил его остановиться неподалеку от театра, а сам отправился в гостиницу «Селект» играть в бильярд.

Что оставалось бедной девушке? Пожать плечами и вернуться в театр. Она отыскала за кулисами мужа и потребовала, чтобы он отвез ее к Катаеву.

— А где же влюбленный поэт на авто? — поинтересовался Яншин и мстительно рассмеялся.

Когда супруги приехали к Катаеву, хозяин всплеснул руками.

— Маяковский обзвонился, Вероника Витольдовна? Спрашивал, где вы. Во! Опять звонит.

Катаев кинулся к телефону и прокричал в трубку, что Яншины давно прибыли. Вероника слышала, как оборвалась связь. Катаев вздохнул и водворил трубку на место.

Через полчаса приехал Маяковский. Когда он вошел в комнату и все с любопытством уставились на него, Вероника спросила с шутливо-обиженной интонацией:

— Почему вы не заехали за мной, Владимир Владимирович? Ведь вы обещали.

Маяковским сделался очень серьезным и без тени иронии ответил:

— Понимаете, Вероника Витольдовна. В жизни человека бывают такие обстоятельства, против которых не попрешь. Поэтому вы не должны меня ругать...

Присутствующие засмеялись, сочтя это за юмор. Но поэт, как поняла гостя, не шутил. Только после этого Вероника почувствовала, что от Маяковского исходит какое-то неопишное обаяние, которому трудно воспротивиться. Весь вечер они переглядывались. В конце концов, Владимир Владимирович подсел поближе и спросил:

— Почему вы так меняетесь? Вчера утром на бегах были уродом, а сейчас — такая красивая...

Полонская рассмеялась. Она никогда не слышала таких сомнительных комплементов. Потом в прихожей, когда Вероника с мужем собирались домой и Миша на минуту

возвратился в гостиную, Маяковский неожиданно вышел из другой комнаты и спросил:

— Вы завтра днем свободны?

— Кажется, да! — смутилась Вероника.

— Давайте встретимся на Кузнецком мосту!

На другой день репетиции не было. Они встретились на Кузнецком мосту и побрели по улице. Вероника как могла боролась со смущением. Прохожие на них оглядывались, дворники понимающе улыбались. На этот раз Маяковский произвел на женщину совсем другое впечатление, нежели вчера. Вчера он был шумным, резким, беспокойным. Постоянно пытался острить, язвить и высмеивать. Но сегодня был как-то неправдоподобно мягок и тонок. Он чутко улавливал каждое движение души юной собеседницы.

Видя смущение начинающей актрисы, поэт говорил с ней о самых обыденных вещах, а не о заумных. Он расспрашивал о театре, о ее ролях, затем начал занимательно рассказывать о жизни за границей. Вероника затаила дыхание. Ведь именно на коварной эмигрантке он собирался жениться.

— Неужели в каждом Парижском магазине по сорок сортов сыра? — простодушно удивлялась Вероника. — Сколько же нужно времени, чтобы перепробовать все сорта?

— Можно не пробовать, — серьезно ответил он. — Насильно там пробовать не заставляют.

Вероника рассмеялась.

— Значит, там хорошо?

— Жить можно, — с улыбкой ответил Маяковский. — Но не по-советски.

— А факты капиталистической эксплуатации трудящихся там сразу заметны, — спросила Вероника, дурашливо похлопав ресницами.

Маяковский задумался и иронично ответил:

— Не сразу. Надо внимательно всматриваться.

Когда разговор стал непринужденным и развеялись последние крупницы смущения, Маяковский вдруг остановился и показал рукой на дом № 3 в Лубянском проезде:

— А вот здесь мой дом.

— Здесь? — удивилась Вероника. — А разве ваш дом не в Гендриковом переулке?

— Откуда ты знаешь, что я живу в Гендриковом переулке, — в свою очередь удивился Маяковский.

— Я была в гостях у Лили Юрьевны, когда вы были в Париже.

— У Лили Юрьевны? — подозрительно переспросил он и задумался.

Полонская поняла, что проговорилась. Лили никак не должна была упоминаться во время их общения, чтобы у него не зародилось подозрения.

— Мы с ней вместе работали в картине «Стеклянный глаз», — напомнила Вероника.

— Да, я знаю, — ответил Маяковский и вдруг предложил зайти к нему в квартиру, которая служила рабочим кабинетом.

Сердце у женщины екнуло. Она поняла, что вряд ли экскурсия в его квартиру ограничится пуританской беседой. Но отступить было чревато. Он мог обидеться и завершить отношения.

В своей комнате Маяковский сразу усадил гостью за стол, достал бокалы, бутылку вина и принес из другой комнаты вазочку с фруктами. Затем стал показывать свои книги, особенно переведенные на иностранные языки.

После чего начал читать. Полонская не любила стихов. Но, как говорится, если родина прикажет, полюбишь и козла, а не только стихи. Как напишет потом Вероника Витольдовна, благодаря Маяковскому она и научилась разбираться в стихах.

Маяковский прочел «Левый марш» и какие-то куски из поэмы «Хорошо!». Читал он прекрасно. Это Полонская не могла не оценить, как актриса. Отметила она также и его

низкий, сильный голос, которым он управлял виртуозно. Еще она была очарована актерскими способностями поэта, которые невозможно было скрыть даже за стихотворной лесенкой.

Маяковский чутко уловил, что девушка созрела. Довольный собой он прошелся по комнате, посмотрелся в зеркало и спросил:

— Нравятся мои стихи, Вероника Витольдовна?

— Очень, — с восхищением воскликнула она.

Маяковский приблизился к ней и неожиданно заключил в далеко не товарищеские объятия.

— Что это значит, Владимир Владимирович? — сделала ужасные глаза гостя. — Прекратите немедленно!

Маяковский искренне удивился, затем по-детски обиженно надул губы.

— Ну ладно, дайте копыто, больше не буду. Вот недотрога.

Глава четвертая

Полонская вернулась домой и кинулась лицом в подушку. Из театра пришел муж. Она со слезами бросилась к нему на шею.

— Что с тобой? — удивился Михаил.

— Я соскучилась! Где ты так долго был?

— Ты разве не знаешь, где я был? — подозрительно сдвинул брови Михаил. — На спектакле, конечно! Говори, что случилось.

Не могла же она рассказать, что по заданию ОГПУ ходила на свидание с Маяковским, и свидание ей крайне не понравилось. Вероника начала жаловаться, что у нее истерика по поводу того, что в театре не дают нормальных ролей и приходится играть всякую эпизодическую мелочевку.

— Ах, вот в чем дело, — покачал головой Михаил и нежно приласкал жену. — Ничего, скоро будут ставить новый спектакль и тебе дадут в нем роль.

Женщина не спала всю ночь. А утром, когда муж ушел в театр, она позвонила Брикам. Трубку сняла Лиля Юрьевна.

— Он требует близости! А я не хочу! — заплакала Полонская. — Я не хочу изменять мужу, которого люблю. Извините, я не смогу.

— Постой! Не клади трубку! — остановила Лиля. — Сиди дома! Я к тебе сейчас приеду.

В этот день она не приехала. Тяжелый разговор с Лилей Юрьевной состоялся на второй день в театре. Муза Маяковского была на редкость суровой и невероятно стержневой. Она сверкала глазами и поминутно срывалась на крик. Не знала Вероника, что Юрьевну колотило от того, что сегодня утром Маяковский послал очередную телеграмму в Париж с текстом: «По тебе регулярно тоскую, а в последние дни даже не регулярно, а еще чаще».

— Ты должна продолжать с ним встречаться, — напирала Лиля. — Несмотря ни на что. На тебя возлагают надежды...

— Но он требует близости!

— Ну и что! — воскликнула Лиля. — Ты же не семилетняя девочка.

— Но я люблю Мишу!

— А я люблю Осю! — злорадно рассмеялась Лиля. — А сплю с Володей. Пойми, так надо... В конце концов, ты хочешь получить большую роль во МХАТе?

Веронике ничего не оставалось, как кивнуть. Когда Юрьевна отправилась на выход, Вероника подумала: «Вот, истеричка! Доверяют же таким государственные секреты. А как она одета, Боже, как она одета!»

Лиля Юрьевна действительно была одета во что-то невообразимое: какая-то мужская куртка, какие-то кожаные перчатки до локтей и клетчатое кепи. Полонская знала,

что вся эта экипировка выписана из Парижа, чтобы соответствовать автомобилю «Рено», который Маяковский привез ей из Берлина.

На следующий день Полонская играла роль влюбленной поклонницы на лубянской квартире поэта. Когда после этого он провожал ее до дома, Вероника долго не могла придти в себя и думала, что теперь ей перед Мишей нет никакого прощения. Настроение было паршивым. Однако нужно было улыбаться и изображать счастливый вид. Прохожие смотрели на них укоризненно, и Веронике казалось, что они видят их несуразную пару насквозь. Лучше бы он ее не провожал.

Неожиданно на Лубянской площади Маяковский, к удивлению прохожих, пустился танцевать мазурку. Спешившие куда-то люди остановились и принялись кто смеяться, кто крутить пальцем у виска. Вероника чуть не сгорела от стыда.

Когда она возвратилась домой, то сразу проследовала в ванную, чтобы смыть с себя эту мерзкую лубянскую грязь. Во время мытья и застал ее вернувшийся из театра Миша. Он был возбужден и не обратил внимания на то, что жена сегодня во второй раз принимает ванную.

— Вероника! — радостно закричал он. — Немирович-Данченко на малой сцене ставит новый спектакль «Наша молодость». Ходят разговоры, что на одну из главных ролей назначат тебя! Ура! Твоя мечта сбылась!

На второй день в театр позвонил Маяковский. Он сказал, что очень соскучился и хочет встретиться.

— Сегодня не могу. У меня репетиция. Может быть, завтра?

— Тогда жду завтра, в пять! Придешь?

Пришлось согласиться.

На следующий день Вероника шла на Лубянку, как на каторгу. Она пошла пораньше, чтобы поскорее отмучиться и чтобы у нее осталось побольше свободного времени на вечер. Но когда она пришла к нему, то чуть не распла-

калась от умиления. Маяковский занимался хозяйством. Он энергично орудовал щеткой, и все вокруг сверкало блеском. А на его кровати сидели и листали книги трое соседских ребяташек. От неожиданного прихода Вероники хозяин остолбенел.

— Мы же договорились на пять.

— А я пришла в половине пятого, — засмеялась Полонская. — Нельзя?

— Можно, — кивнул Маяковский. — Но я рассчитывал прибраться к твоему приходу.

— Прибирайтесь, Владимир Владимирович, я мешать не буду. Кстати, у вас неплохо получается.

Полонская присела на диван рядом с детьми. Те аккуратно захлопнули книги, деликатно сползли на пол и направились к выходу.

— Пока, дядя Маяк! — попрощались они.

— До завтра! — ответил Маяковский.

Глава пятая

Уже к концу мая от Вероники Полонской в ОГПУ поступило первое сообщение о том, что так безмерно угнетало поэта. Оказывается, ему не хватало достаточного признания властей. Маяковского прорвало на откровенность после спектакля «Клоп», когда они вышли с Вероникой из театра Мейерхольда. Публика отнеслась к спектаклю без особого восторга. В смешных местах не смеялась, в кульминационных развязках не хлопала. После первого отделения значительная часть ушла. Маяковский тоже собрался уходить, но Вероника его удержала. Сказала, что спектакль ей нравится и что ей как актрисе интересно досмотреть игру актеров. Полонская тайком наблюдала за автором пьесы и видела, что Маяковский сильно переживает по поводу того, что спектакль не вызывает восторга у зрителей.

Когда они вышли на улицу, Владимир Владимирович принялся крыть последними словами многострадального Мейерхольда.

— К чему вся эта отсебятина? У меня в пьесе совсем другая трактовка. Как я все-таки ненавижу театр!

Явный неуспех «Клопа» Маяковский свалил на бедного режиссера. Верил ли он сам в свою версию неудачи? Наверное, все-таки, нет. Вероника чутко уловила это. До того, как Мейерхольд перенес сценический «шедевр» Маяковского на сцену, пьеса издавалась в печатном виде. После публикации на нее с наслаждением набросились критики РАППа. От пьесы не оставили камня на камне. Вероятно, тут вымещались и нападки Маяковского на стратегическую линию пролетарских писателей. Но в целом — пьеса действительно не была шедевром. На фоне тех литературных событий, которыми изобилует 1928 год, «Клоп» Маяковского выглядел более чем бледно. Во-первых, устарел сюжет, который тянулся из 1925 года. Во-вторых, устарели герои. В-третьих, мелкие проблемы в произведении казались детскими и даже кощунственными на фоне того перелома, который царил в стране.

В тот вечер по пути из театра Маяковский много ругался. Разнес в пух и прах все мировое театральное искусство, он обрушился на официальных издателей, которых называл белыми. Вот тут из него и вылилась его глубинная обида, сидевшая внутри:

— Меня издают во всем мире, а для своей страны я по-прежнему площадной горлопан. В «Правде» печатают Демьяна Бедного. А меня — только из большого одолжения. А белые издательства делают вид, что я вообще не существую. Сколько еще будут держать меня за уличную шпану? Мне уже скоро тридцать шесть.

Маяковский умолк и молчал довольно долго. Потом горько усмехнулся и со свистом вздохнул:

— Впрочем, в белых издательствах я печататься боюсь. Не за себя боюсь. За них!

Последнее тянуло на позерство. Полонская это поняла. Но главная мысль была ухвачена. Маяковскому не хватало официального признания, и именно это грызло его сильнее всего, а отнюдь не тоска по Парижской невесте, о которой он, кстати, не упоминал ни разу.

Информация Полонской очень обеспокоила Агранова. Он пришел к Брикам в Гендриков переулок, но на этот раз разговаривал не с Осипом, как обычно, а с Лилей, уединившись с ней в отдельной комнате. Лилия Юрьевна подумала, что чекист снова будет допытываться, насколько сильна вероятность женитьбы Маяковского на Яковлевой, однако Агранов, к ее удивлению, начал подробно расспрашивать о характере поэта и об особенностях его психики. Когда он услышал, что Маяковский несколько раз стрелялся, то очень этим заинтересовался.

— Вот об этом, Лилия Юрьевна, расскажите поподробнее.

Агранов внимательно слушал Лилию и недоверчиво цокал языком.

— Трижды стрелялся, и дважды осечка? А в третий раз вырвали пистолет? Разве так бывает? А не показалось ли вам, Лилия Юрьевна, что это было театром. Ведь, как я понял, вы не видели, как он нажимал на курок. Вы только слышали с его слов.

— Нет! — энергично затрясла головой женщина. — Он не из тех, кто из лукавых побуждений разыгрывает театральные сцены. Он человек прямой и искренний. А еще он очень азартный. Пару раз стрелялся по типу игры в русскую рулетку.

Агранов сощурился. Он прекрасно знал, что в русскую рулетку можно играть с револьвером: оставлять один патрон в барабане, крутить его с закрытыми глазами и после этого подставлять к виску. Но у Маяковского не было револьвера. У него было несколько пистолетов. Кажется, четыре. Лилия объяснила, что Володя вынимал из пистоле-

та обойму и бесстрашно нажимал на курок, совершенно не помня, загонял ли он перед этим патрон в ствол.

— Вы верите, что об этом действительно можно не помнить? — усомнился Агранов.

— Вы не знаете Володю, — замахала руками Лиля. — Он ничего не помнит, кроме своих стихов. Он вообще ужасно рассеянный.

— Бывает, — согласился Агранов и задумался. — А скажите, Лиля Юрьевна, с каким из своих пистолетов Маяковский играет в такую рулетку?

— С тем, который носит с собой. Маленький, тяжёленький, черненький.

Агранов понял, что речь идет о браунинге. Он поморщился и подумал, что браунинг — пистолет ненадежный. Он и с патроном в стволе может дать осечку. Вот карманный пистолет системы маузер — отличная машина. Автоматика маузера никогда не дает осечки. Агранов поднялся и хитро улыбнулся.

— Как писал Владимир Владимирович, «Ваше слово, товарищ маузер». Замечательно! Но я бы написал по-другому: «За вами последнее слово, товарищ маузер».

Лиля не поняла, что этим хотел сказать чекист. Ничего она не заподозрила и потом, когда примерно через неделю Агранов подарил Маяковскому пистолет системы маузер, который, как ей показалось, мало чем отличался от Володиногo браунинга.

— Только зарегистрируйте его, Владимир Владимирович, — попросил чекист. — Очень хороший пистолет. Главное, калибр у него такой же, как у вашего браунинга.

Маяковский радовался пистолету как мальчишка. Поначалу он везде таскал его с собой в кармане, хотя Агранов строго настрого запретил выносить пистолет из дома, пока он его не зарегистрирует. Но Маяковский не послушал и взял маузер с собой на дачу, куда он выехал туда в начале июня с Бриками. На даче Ося, Лиля и Маяковский снова сделались дружной семьей. Осип Максимович, уже почти

переехавший к Евгении, снова вернулся под общую крышу в связи с тем, что Маяковский вышел из-под контроля. В Акулово поэт расстрелял из подаренного пистолета всю березовую рощу, но потом, когда патроны закончились, охладил к игрушке и засел за стихи.

Возвратившись в Москву, он вспомнил, что оставил оружие на даче в письменном столе. Через некоторое время из деревни пришла новость, что его дачу обокрали. Поэт сначала пожал плечами, пробормотав, что брать там особо нечего, так что грабители зря потревожились, но затем, вспомнив про пистолет, воскликнул:

— Маузер украли?

— Не волнуйтесь! На месте.

Это было удивительно. Воры перевернули дом, забрали дешевую посуду и ветхие простыни, но оставили в столе среди тетрадей дорогой иностранный пистолет. Догадался ли Маяковский, что это было не ограбление, а обыск, инсценированный под ограбление?

Глава шестая

Несмотря на бурный роман с Полонской, Маяковский по-прежнему слал любовные послания в Париж. Лиля продолжала насаждать на Веронику и требовать, чтобы она сделала все возможное, чтобы поэт потерял голову.

— Ведь ты же актриса, Норочка! Сыграй, что ты безумно в него влюблена. Восторгайся его стихами и делай вид, что ревнуешь.

— К кому? К вам? — хмыкнула Полонская, и тут же раскаялась, потому что глаза у Лили Юрьевны налились кровью.

— Ко всему, что в юбке! — как можно спокойнее ответила женщина. — Ни что так не тешит мужское самолюбие, как ревность возлюбленной.

К этому времени Яншин уехал на съемки в Казань, и для Вероники открылась полная свобода действия. Потом Полонская напишет в воспоминаниях, что тогда в начале лета у нее, пожалуй, был самый сильный период любви и влюбленности к Маяковскому.

Насколько это правда, мы не знаем и не узнаем никогда. Верить женщинам нельзя, а тем более, актрисам. Однако факты ревности зафиксированы документально, и их могут подтвердить подруги Полонской, которые слышали, как она звонила Владимиру Владимировичу. У поэта в это время на дому работала художница, и, когда она подходила к телефону, молодая женщина устраивала шумные разносы в трубку. Маяковскому это нравилось. Он нарочно просил художницу отвечать вместо него по телефону, а потом радостно хохотал, когда Полонская высказывала претензии по поводу нахождения в его квартире неизвестной женщины.

Также Вероника Витольдовна вспоминает, что Маяковский бывал сентиментальным, романтичным и суеверным. Однажды она проиграла ему в карты пари, и поэт потребовал подарить ему набор бокалов. Вероника купила двенадцать бокалов, которые стали биться один за другим. Когда их осталась два, Маяковский сказал, что эта пара — не что иное, как он с Вероникой. Когда бокалы разобьются, то закончатся и их отношения.

Но имеются и другие факты, о которых Вероника Витольдовна предпочитает не вспоминать. Например, о своем бурном романе в Хосте с молодым киномехаником кинотеатра «Луч» Василием Кокошкиным.

Являлась ли ее приятельница Кокошкина, которая проживала с ней в одном номере, сестрой киномеханика, или однофамилицей, неизвестно. Однако известно, что именно из-за этой приятельницы и пришлось поздней ночью отправить из Хосты неожиданно нагрянувшего Маяковского, потому что положить его было не куда. Поэт умолял Веронику отправиться вместе с ним в Ялту, но женщина

наотрез отказалась, заявив, что об этом может узнать муж. Столичную актрису с местным киномехаником застучала в номере актриса Анна Судакевич. Соседка по номеру в это время была на пляже. От Судакевич и стало известно всему театру о сумасшедшем романе Полонской в Хосте.

Маяковский приезжал в Хосту еще раз, и уговорил Веронику прокатиться с ним до Сочи. До Сочи она прокатилась. Но оттуда рвануть с ним в Ялту опять категорически отказалась. Впрочем, пообещала, что в начале августа, так и быть, приедет. Но ненадолго. Потому что, она пообещала мужу в августе прибыть к нему в Казань.

Вероника в Ялту не приехала. Дала телеграмму, что заболела, поэтому осталась в Хосте. Обеспокоенный поэт начал слать ей молнию за молнией. Одна молния, датированная десятым августом, поразила телеграфистку своим изумительным количеством слов. Маяковский писал, что все бросит и сам приедет к ней, потому что феерически обеспокоен ее здоровьем. Но Полонская ответила, что не стоит. Скоро они встретятся в Москве. К мужу в Казань Вероника так и не съездила. Честно говоря, она и не собиралась.

В столицу Полонская прибыла только к началу театрального сезона. Она с большой группой актеров, грязная и запыленная, возвращалась на поезде в жестком вагоне. Когда Вероника подъехала к Москве, то мысленно еще ощущала себя в объятиях хостовского киномеханика. Она думала, ее встретит мама. Однако, когда состав прибыл на платформу, театральные подруги оживились:

— Нора, посмотри, кто тебя встречает!

Вероника вышла на площадку и к своему удивлению увидела Маяковского. У него в руке были две красные розы, а в глазах зеленая тоска. Полонской сделалось стыдно. Пишет, что сделалось стыдно оттого, что она грязная и пыльная, а он такой чистый, элегантный и красивый. Да еще с двумя розочками в руках, словно на мотыльке.

Вдобавок, едва красавица ступила на перрон, от чемодана оторвалась ручка. Саквояж с грохотом ударился о землю, замок раскрылся и содержимое чемодана — щетки, гребенки, мыльницы и нижнее белье — разлетелись по перрону. Вещи, обильно посыпанные зубным порошком, быстро собрали подружки и затолкали обратно в чемодан. Маяковский взял поклажу под мышку и повел Веронику к своей машине.

Он приказал шоферу ехать на Лубянку и от нетерпения заерзал на сиденье. Но Вероника воспротивилась.

— Хочу к маме!

Маяковский нахмурился и бросил водителю, чтобы он разворачивал машину. Полонская почувствовала, что теперь может позволить себе некоторые капризы. Когда Вероника приехала домой, то первым делом позвонила Лиле Юрьевне.

— Мне кажется, Владимир Владимирович, меня любит. Что мне делать?

— Продолжать встречаться, — ответила Лиля.

Глава седьмая

В этот же день Лиля вызвала Маяковского на душевный разговор. Она спросила о его планах на будущее. Вопрос был отнюдь не праздным. Брики были прекрасно осведомлены, что Маяковский принял сторону оппозиции. Противостояние между сторонниками Сталина и его противниками обострилось осенью 1929 года. Назначенный в мае на пост председателя совнаркома Сергей Сырцов уже почти не скрывал своего негативного отношения к политической линии генсека и за глаза называл его тупоголовым.

За три месяца своего председательства Сырцов приобрел много сторонников среди партийных деятелей и снижал бешеную популярность в народе. Даже верные ста-

линцы начали склоняться на его сторону. Ошибочно думать, что Иосиф Виссарионович не знал о готовящемся заговоре и не чувствовал бунтарского настроения, витавшего в воздухе. Все он прекрасно знал, и все он чувствовал, но в противовес противнику завоевывал популярность в массах более существенным образом.

Первого октября Сталин громогласно объявил, что первый год пятилетки прошел блестяще и что показатели превзошли все ожидания — план перевыполнен на 25%. Это свидетельствовало о том, что партия идет верным курсом. Следом отец народов сделал еще один популистский ход, хоть и в убыток выполнению социалистических обязательств, — ввел пятидневную неделю — выходной через каждые четыре дня.

Всегда чувствующий политическую конъюктуру Брик решил подстраховаться. Он понимал, что если Сталина снимут, Маяковский, как принявший сторону оппозиции, взлетит очень высоко — возглавит Союз Советских писателей. Если победит Сталин, то его революционный фронт закроют, и объединение лишится единственной трибуны —дохлого литературного журнала. В этом случае Брик лишится всего.

Осип Максимович решил пойти на сотрудничество с РАПП. Пока Маяковский гастролировал по югу, Брик встретился с секретарем писательской ассоциации Владимиром Ермиловым и предложил ему совместно реорганизовать «Литературную газету». То обстоятельство, что скандальный РЕФ Маяковского первым пошел на сотрудничество, весьма польстило руководителю пролетарских писателей. Договоренность о реорганизации «Литературной газеты» была достигнута в тот же день.

Однако когда Лиля вызвала Маяковского на откровенность, он ни словом не обмолвился о литературных делах.

— Я не хочу в этом году за границу, — признался он. — Я хочу три месяца ездить по Союзу. А весной хочу поплыть в Бразилию.

Первое чувство, которое нахлынуло на Лилю, было радостное. Ведь осенью он собирался в Париж, чтобы жениться на Яковлевой. Об этом Маяковский писал ей в каждом письме. Но с другой стороны, от Лили начал ускользать контроль по их отношениям с Полонской. «Неужели так сильно в нее втрескался, — ревниво подумала женщина. — Может он уже и стихи ей посвящает?»

Словно сама судьба вырывала поэта из рук официальной музыки. Лиля собиралась отправиться вслед за Маяковским в Ялту и даже купила билет на поезд, но тут в ее планы вмешалась само проведение.

Поезд должен был отправиться утром. Накануне Лиля Юрьевна поехала на машине за билетом. Она отправилась на вокзал днем, а вернулась поздно вечером. Лиля была бледной, злой и расстроенной.

— Что случилось? — удивился Брик, и вдруг заметил у нее на лбу запекшуюся кровь.

— Со мною случилась беда! — заплакала Лиля. — Я сбила девочку.

— Насмерть? — ужаснулась Брик.

— Слава Богу, нет, — ответил Лиля. — Девочка пострадала незначительно. А вот машину нужно ремонтировать.

— Так ты сейчас из мастерской? — еще больше удивился Брик.

— Из какой еще мастерской! — воскликнула Брик, удивляясь тупоухости мужа. — Я из милиции. Я же сказала, что сбила девочку. Следовательно мне запретил выезжать из Москвы до суда.

— Так будет суд, — покачал головой Брик. — Да-да. Не подумал. Но хоть есть надежда, что тебя оправдают?

— Естественно оправдают! — пожал плечами Лиля. — Я уже позвонила Агранову.

Суд действительно оправдал Лилю, хотя очевидцы уверяли, что водительница имела возможность затормозить. Но в Ялту ехать уже было поздно. Володя со дня на день должен был возвратиться в Москву.

Когда поэт возвратился в Москву, и муза всмотрелась в его глаза, то заметила, что они очень встревожены. Маяковский ничего не сказал Лиле. А ей и в голову не пришло, что это тревога навеяна тем, что Полонская не приехала к нему в Ялту.

Вечером Маяковский снова написал в Париж. У Лили от всего этого разболелась голова. «Когда все это закончится?» — подумала она.

Глава восьмая

«Когда все это закончится?» — думала Полонская. Она продолжала приходить на Лубянку к пяти часам, а потом бежала на спектакль. Скрывать отношения с Маяковским от Яншина было все труднее. Хорошо, что муж не знал о существовании его квартиры на Лубянском проезде. Иногда встретиться вдвоем не было никакой возможности. В театральном клубе, или в ресторане, где Маяковский назначал свидания, Веронике частенько приходилось захватывать и мужа. Вообще втроем их видели довольно часто.

По счастью, лубянская квартира Маяковского находилась не очень далеко от театра. Можно было исчезать в перерывах между репетициями, не вызывая подозрения. Маяковский конспирации не соблюдал и не обращал внимания на просьбы Вероники, в которых она умоляла соблюдать осторожность, чтобы не вызвать подозрения у мужа. Это очень ее пугало. Когда она прогуливала свидания, Маяковский открыто звонил в театр и немедленно требовал ее к телефону, несмотря на то, что шла репетиция. Приходил администратор и на весь зрительный зал восклицал:

— Вероника Витольдовна, вас срочно просит поэт Маяковский.

Яншин мрачнел, а остальные актеры прятали улыбки.

Однажды, когда поэт в очередной раз позвонил в театр и сказал, что после репетиции ждет ее на Лубянке, Вероника наврала, что у нее спектакль. После репетиции она с мужем и его другом Ливановым пошла в кино. Маяковский каким-то образом почувствовал ложь и снова позвонил в театр. Когда он узнал, что на самом деле Вероника в спектакле не задействована, то пришел в ярость и отправился к ней домой. Он долго ходил под окнами Яншиных, не решаясь позвонить в квартиру, и вдруг увидел Веронику с Михаилом, которые возвращались из кино. Муж метнул подозрительный взгляд на жену, и ей ничего не оставалось, как беззаботно засмеяться.

— Добрый вечер, Владимир Владимирович! Вы к нам?

Поэт молча кивнул и тряхнул руку Яншину. Затем достал папиросу, закурил, так ничего и не ответив.

— Пойдемте, чаю попьем, — предложила Вероника.

Маяковский послушно поднялся с супругами в квартиру, сел за стол и надулся. Перед ним поставили чашку. Он мрачно взглянул на Веронику и начал нехотя прикладываться к чаю. Яншин, как мог, сохранял гостеприимный вид. Но мрачность гостя передалась и ему. Одна Вероника продолжала заливаться веселым щебетом. Когда Маяковский поднялся с явным намерением отправиться восвояси, Вероника спросила:

— А чего вы приходили, Владимир Владимирович? По делу, или соскучились?

— По делу, — серьезно ответил гость. — Я хочу пригласить вас завтра на репетицию в цирк.

Яншин не удивился. Дело в том, что они с женой репетировали пантомиму Маяковского о 1905 годе, с которой намеривались выступить в Первом госцирке, и подумал, что Владимир Владимирович хочет показать им площадку.

На второй день они встретились на ступенях цирка. Днем Маяковский дважды звонил в театр, но Полонская

подойти не могла. В общем, за целый день им так и не удалось объясниться.

Троица поднялась в ложу. Началась репетиция. Маяковский ерзал на месте, глаза его бегали. Было видно, что ему не по себе. Неожиданно он вскочил и обратился к Яншину.

— Михаил Михайлович, мне нужно поговорить с Норрой... Разрешите, мы немножко покатаемся на машине?

Полонская пришла в ужас и зажмурилась от стыда. Но, к ее удивлению, муж с улыбкой кивнул и остался досматривать репетицию. Едва они вышли в вестибюль, поэт жадно схватил Веронику за руку и, перейдя на бег, потащил к выходу.

— Больно, Владимир Владимирович, — попыталась воспротивиться женщина, но сопротивляться было бесполезно.

Поэт молча вывел ее на улицу, усадил в машину и приказал водителю гнать на Лубянку. Едва они поднялись в его кабинет, поэт швырнул гостью на диван, а сам кинулся к шкафу. Он достал из шкафа ее кольцо, которое оставлял у себя в качестве залога и швырнул ей на колени. После чего принялся психически рыться в столе. Маяковский извлек из ящика ее платок с перчаткой, которые также оставлял у себя как залог и гневно швырнул на диван.

— Между нами все кончено, — прохрипел он с отчаяньем в голосе. — Я терпеть не могу лжи. Сегодня утром разбился предпоследний бокал.

Маяковский достал из шкафа последний бокал и шаркнул его о стену.

Полонская заплакала. Она принялась оправдываться, просить прощение и уверять, что бокалы — пустое суеверие.

Маяковский немного подулся, но потом растаял, подошел и обнял ее. За объятиями последовала страстная постельная сцена, которая окончательно их примирила. Мрачность у поэта сняло как рукой. Маяковский снова

сделался веселым и остроумным. Когда Вероника заметила, что за окном светает, то с ужасом вспомнила о муже, который остался в цирке. В ту же минуту они соскочили с кровати и кинулись одеваться.

Вероника ехала с чувством, что настало время открыть Мише горькую правду. Она твердо решила, что не будет ему лгать и расскажет все как есть. Но когда женщина вошла в ложу, то увидела, что Миша мирно сопит, подетски положив голову на барьер. Вероника его разбудила. Он не выказал ни малейшего удивления по поводу их долгого отсутствия.

Маяковский довез супругов до дома. Настроение у него было прекрасное. Прекрасное настроение было и у Вероники, отчасти из-за того, что и на этот раз все обошлось.

Однако на второй день Маяковский снова позвонил в театр и настойчиво потребовал, чтобы возлюбленная немедленно явилась к нему на Лубянский проезд.

— На этот раз не могу, — ответила Полонская. — Правда, не могу, Владимир Владимирович. У меня репетиция. Но вечером, если хотите, приезжайте с Лилей Юрьевной к нам. У нас собираются актеры и будет режиссер Жемчужин, с которым мы делали фильм «Стекло́нный глаз».

Вечером, когда собралась компания, Маяковский был мрачнее всех. Он весь вечер переглядывался с Вероникой и все норовил утащить ее в соседнюю комнату. Лиля незаметно наблюдала за ними. Ей была знакома эта игра. Внезапно она заявила, что Володя осенью не собирается во Францию, а собирается, как истинный патриот, три месяца гастролировать по стране с поэтическими концертами.

Все повернулись к поэту. Но он мрачно покачал головой.

— Не правда, — произнес он. — Я собираюсь в ноябре в Париж. И на этот раз надолго.

Лиля заметила, как блеснули глаза Полонской. И блеснули радостью. «Ах ты, шельма!» — подумала женщина.

Вечером Лиля гуляла с Володей по ночной Москве, как в добрые старые времена. По тому, как сильно прижимал он к себе ее руку, она поняла, что Володечка еще ее любит.

— Так ты точно в ноябре поедешь в Париж? — задумчиво спросила она. — Или сказал так, чтобы подразнить Норочку?

Маяковский нахмурился. Немного помолчав, он произнес очень серьезно:

— Все, Лиличка. Я твердо решил — женюсь на Татьяне и перевожу ее в Москву. Сама знаешь, там жить не смогу. Прости. Ведь мы давно друг от друга ничего не скрываем...

Глава девятая

Распространено мнение, что осенью 1929 года Маяковский не смог поехать в Париж из-за того, что ему отказали в визе. Это обстоятельство, якобы, и явилось одной из причин его самоубийства. Но так ли это? Дело в том, что Маяковскому в визе не отказывали. Он вообще не писал заявления на визу во Францию, поскольку раздумал туда ехать. Так откуда же пошел этот слух?

Справедливости ради нужно сказать, что после того, как в ОГПУ узнали, что Маяковский по-прежнему намерен жениться на Яковлевой, вопрос об отказе в визе действительно обсуждался чекистами. Намерение подтвердилось тем, что на второй день после разговора с Лилей, 5 октября, он послал в Париж очередное любовное послание, в котором сообщил, что считает дни, когда снова встретится с ней. Существовала опасность, что на этот раз поэт задумал попросить политического убежища во Франции. Ситуация усугублялась начавшейся в России индустриализацией, и перебежка Маяковского в стан врагов означала бы

его несогласие с политикой страны Советов. В этом отношении отказ поэту в визе частично бы решил проблему.

Однако отвечающий за идеологию Агранов понимал, что отказ Маяковскому в визе вызовет за рубежом скандал и нежелательные вопросы в Кремле. Замначальника секретного отдела ОГПУ потребовал от Лили, чтобы она вывернулась наизнанку, но сделала все возможное, чтобы Маяковский раз и навсегда забыл про Париж.

Девятого октября Брики собрали гостей, среди которых были и Яншин с Полонской. Поводом послужил отъезд Маяковского в Ленинград, где ставилась его пьеса «Баня». Перед поездкой поэт захотел в очередной раз прочесть пьесу, но уже не в официальной театральной обстановке, а в домашней. Когда он читал «Баню» в театре — успех был оглушительный. Мейерхольд грохнулся на колени, а актеры восторженно запричитали:

— Мольер, Шекспир, Пушкин, Гоголь!

Идея прочесть пьесу друзьям изошла от Лили. Когда все собрались и расселись, Маяковский метнул теплый взгляд на Веронику и взял со стола рукопись. В ту минуту, когда он принял монументальную позу и торжественно сдвинул брови, в комнату неожиданно вошла Лиля с иностранным конвертом в руках. Она весело помахала им и дурашливо обрадовала, что вечерняя почта только что доставила письмо от Эльзы. Не будут ли гости возражать, если она прочтет письмо вслух?

Все оживились и загалдели. Против чтения новостей из Парижа никто не возразил. Атмосфера из серьезной мгновенно превратилась в базарную. Гости развеселились. Нахмурился только Маяковский, раздосадованный тем, что какое-то бытовое письмо из Парижа мгновенно завладело аудиторией.

Лиля принялась читать, как всегда с озорством. Сначала гости смеялись. Особенно в тех местах, в которых Эльза с юмором перечисляла всех своих знакомых. Затем, когда дошло до небезызвестной модели, все притихли и стали

украдкой коситься на Маяковского. Тем же задорным голосом Лиля прочла, что их незабвенная светская львица Татьяна Яковлева все-таки добилась своего, и на днях дала согласие на брак с виконтом Бертраном дю Плесси. Венчание будет происходить в церкви, как полагается с флердоранжем. Невеста уже заказала муаровое платье невообразимой белизны.

— Только, пожалуйста, ничего не говори Володе, — как ни в чем не бывало, продолжала хозяйка, — иначе он может учинить скандал и расстроить их счастливый брак...

Лиля осеклась, встревожено взглянула на Маяковского и замолчала. Наступила тишина. Полонская перевела глаза на Владимира, затем снова на Лилю и подумала, что если это театр, то сыграно фальшиво.

Маяковский тут же поднялся и хмуро вышел из комнаты. После недоуменного молчания вечер продолжился, но «Баня» так и не была прочитана.

Чтение письма из Парижа достигло желаемого результата. Маяковский отказался от поездки во Францию и любовных посланий Яковлевой больше не писал. Неприятное письмо было уничтожено в тот же день. Его больше никто не перечитывал и больше никто не видел.

Возникает вопрос, что же тогда попало в эпистолярное наследие поэта? А попало другое письмо, пришедшее двумя днями позже. Попало то самое, подлинное письмо от Эльзы, однако датируемое одиннадцатым октябрем, когда Маяковский уже был на полпути в Ленинград. Лилия по поводу его получения записала в своем дневнике следующее: «Надя говорит, что я побледнела, а со мной этого никогда не бывает. Представляю себе Володину ярость и как ему стыдно. Сегодня он уехал в Питер выступать».

Было от чего побледнеть. В Эльзином письме, которое ждала Лилия, не было и половины подробностей о замужестве Яковлевой. И не могло быть. Бертран дю Плесси еще не делал Яковлевой предложения. Он только на французский манер слегка приударил за русской красавицей. Так

что никто еще не знал, действительно ли их отношения закончатся свадьбой. Что касается муарового платья Яковлевой с fleur d'orangez, которое она, якобы, уже заказала для венчания, то оно действительно упоминалось Эльзой. Только не в этом письме, а в следующем, которое пришло через два месяца и датируется первым декабрём того же года.

Не трудно догадаться, что письмо, прочитанное Лилей в присутствии гостей, не писалось Эльзой и не присылалось из Парижа. Оно было сочинено самой музой. Лиля ожидала письма от сестры, в котором должны перечисляться подробности отношения Яковлевой с виконтом. Однако письмо запаздывало, а Володе уже нужно было отправляться в Ленинград. Поэтому требовалось срочно сочинить свою интерпретацию и звать гостей, поскольку при гостях Маяковский не посмел бы вырвать письмо из лилиных рук и тем самым удостовериться, что почерк в послании отнюдь не Эльзин.

Снова читаем дневник Лили от семнадцатого октября. «Беспокоюсь о Володе. Утром позвонила ему в Ленинград. Рад, что хочу приехать. Спросила, не пустит ли он себе пулю в лоб из-за Татьяны — в Париже тревожатся. Говорит — «передай этим дуракам, что эта лошадь кончилась, пересел на другую». Вечером выехала в Питер».

Но перед тем как выехать в Ленинград, Лиля послала письмо в Париж, в котором попросила сестру передать Татьяне Яковлевой, что Владимир Владимирович больше никогда не приедет во Францию, поскольку ему отказали в визе. Это была умышленная ложь, которая и породила слухи, что власти перестали выпускать поэта за границу.

Глава десятая

Чтобы окончательно отвлечь Маяковского от Парижа, было задумано сделать ему выставку, посвященную его

двадцатилетнему служению поэзии. Как известно, Осип Брик никогда не вел дневник и единственный из близких Маяковского не оставил о нем воспоминаний. Однако до нас дошла его запись о выставке, что, разумеется, странно. «В конце 1929 года, — пишет он, — Володя завел разговор о том, что он хочет сделать свою выставку — хочет собрать свои книжки, плакаты, материалы — и как бы отчитаться за двадцать лет работы. Володя захотел признания. Он хотел, чтобы на выставку пришли представители партии и правительства и сказали, что он, Маяковский, хороший поэт. Володя устал от борьбы, от драк, от полемики. Ему захотелось немножко покоя и чуточки творческого комфорта...»

Как видим, Брик пытается убедить потомков, что идея выставки принадлежит Маяковскому. Однако Лиля в своих воспоминаниях пишет, что идея пришла в голову именно ей. И это больше похоже на правду. На самом деле идея о выставке принадлежит Осипу. Это ему, а не Маяковскому захотелось официального признания и чуточку творческого покоя. Брик по-прежнему делал вид, что знает не знает об антисталинском заговоре, в который втягивали поэта, поскольку лично его не вербовали по причине его ничтожности. Но только не знать о заговоре он не мог. И тут, пожалуй, впервые проявляется позиция Брика: он хочет быть поближе к существующей власти и подальше от оппозиции. Чекистам возвышение Маяковского Осип Максимович аргументировал тем, что чувство государственной значимости отвлечет поэта от заграницы.

Идею Брика о приближении Маяковского ко двору в органах безопасности нашли разумной. Нашли ее разумной и в Кремле. Сразу же по возвращении из Ленинграда Маяковского с Бриком и поэтом Семеном Кирсановым пригласили выступить в клубе ОГПУ. Выступление прошло на ура. Через три дня Маяковскому устроили вечер в Политехническом музее, как в старые добрые времена. Успех был оглушительный.

К концу января 1930 года Маяковского впервые пригласили в Большой театр, на котором присутствовал товарищ Сталин. Поэт читал поэму «Владимир Ильич Ленин». Сталин не случайно пригласил руководителя РЕФа на торжественное мероприятие, приуроченное к годовщине смерти вождя мирового пролетариата. Ему прекрасно был известно, что заговорщики сделали ставку на Маяковского. После выступления, было дано указание, чтобы до слуха поэта донесли, что Сталин остался им доволен.

Первая весть об успехе выступления Маяковского в Большом театре прилетела от Кассиля. Он с восторженными глазами прибежал к Брикам в Гендриков переулок и как резаный завопил:

— Слушал по радиоле, как Володька читал «Ленина» в Большом театре. Читал сногшибательно и аплодировали минут пять.

Через полчаса в РЕФ позвонили из Кремля и сообщили в доверительной форме, что в правительственной ложе было потрясающее впечатление.

К вечеру на квартиру Брикам позвонили из канцелярии ЦК и донесли до сведения, что Маяковский очень понравился Крупской и лично товарищу Сталину. Больше всего им понравилось, что поэт держался гордо, не бросил ни единого взгляда в сторону правительства, а также не кланялся в их ложу.

Успех в Большом театре был подобен снежному кому, катящемуся с горы. Поэту начали звонить из всех газет. Когда позвонили из «Правды», Маяковский с достоинством произнес в трубку, что давно хотел поговорить с ними по поводу совместной работы.

— По поводу совместной работы? — удивились на том конце. — То есть, вы хотите, чтобы мы вас печатали как Демьяна Бедного? Нет, об этом не может быть и речи.

— В таком случае, я стихов для публикации вам не дам, — отрезал Маяковский и бросил трубку.

В это же день Агранову доложили, что член ЦК Партии Лазарь Шацкин назначил Маяковскому встречу в редакции газеты «Правда».

— Есть такое подозрение, что речь пойдет не только о поэзии, — доложил оперуполномоченный.

— Почему такое подозрение? — насторожился Агранов.

— Это не первая встреча Шацкина с Маяковским, — вытянулся по струнке опер. — Они встречались в «Правде» до его поездки в Париж. И его стихи не были опубликованы в газете.

— Хотите сказать, разговор у них шел далеко не о публикации стихов? — сощурился Агранов.

— Так точно! — ответил опер.

Агранову было известно, что бывший комсомольский лидер в пятерке активистов заговорщиков. С первых же дней своего перехода на партийную работу из комсомола Шацкин, также как и Сырцов, начал проявлять себя оппозиционером. Не успел он войти в Центральный комитет, как прославился своей резкой статьей «Долой партобывательщину», которую опубликовал в «Правде». Этим он вызвал первое недовольство Сталина.

Чекист понял, что между Сталиным и Сырцовым началась нешуточная борьба за певца революции. Поэтому после первой попытки хозяина приблизить к себе Маяковского, оппозиция сделает все возможное, чтобы оставить его в своих рядах. Скорее всего, они раскроют Маяковскому имена некоторых высокопоставленных заговорщиков, чтобы показать ему истинные масштабы их намерений.

Агранова мало интересовала верхушка оппозиции. Их имена давно ему были известны, как впрочем, и Сталину. Его интересовало другое, назовет ли неугомонный Лазарь при встрече с Маяковским и его имя среди заговорщиков? Чекист набрал номер Лили и спросил:

— Как у Маяковского с Полонской?

— По-моему, все прекрасно.

У Маяковского с Полонской было не все прекрасно, как предполагала Брик. Для немногих посвященных поэт с актрисой производили впечатление страстных любовников, однако на деле было по-другому. Хотя по большому счету цель была достигнута. Маяковский полюбил актрису и привязался к ней. Благодаря Полонской, поэт перенес сообщение о замужестве Яковлевой без особых потрясений. Разумеется, страдания были. Однако не такими сильными, как обычно. Страдания, скорее, касались ущемления самолюбия, нежели переживания по потере возлюбленной.

Впервые слово «люблю» Полонская услышала от Маяковского в начале декабря 1929 года. Они поехали на машине в Петровско-Разумовское. Было ужасно холодно. Пара заоченела, но Маяковский был весел, как никогда. Приблизительно на полпути они попросили водителя остановиться и, несмотря на мороз, принялись бегать по сугробам и валяться в снегу. Затем Маяковский на замерзшем пруду нарисовал палкой сердце пронзенное стрелой, и написал «Нора — Володя». На обратном пути актриса впервые услышала от него признание в любви.

Вероника мысленно поздравила себя с победой, наивно полагая, что овладела всеми чувствами и мыслями поэта. Однако тридцать первого декабря у Бриков она с досадой убедилась, что влияние на него Лили Юрьевны еще невероятно сильное.

В ночь на Новый год Брики в Гендриковом переулке отмечали двадцатилетие поэта в литературе. Официальную выставку, приуроченную к юбилею Маяковского, планировали открыть 1-го февраля. В ночь на 1 января

был предварительный вечер. Предтеча в домашнем варианте.

Новый год решили не отмечать в целях искоренения предрассудков. Вместо него запланировали вечер поэзии. Намечалось феерическое веселье. Все гости явились в масках, в карнавальных костюмах и с шампанским в руках. Народу набилось уйма.

Маяковский тоже был весел, пока не увидел приглашенного Лилей киргиза. Киргиз был совершенно инородным телом в этой веселой театрально-литературной толпе. Все смотрели на него с недоумением и пожимали плечами, кто его пригласил и для чего? Выяснилось, что его подцепила Лиля, и что этот азиат — новый кандидат в ее любовники. Как оказалось, Юсуп Абдурахманов, так звали гостя, был каким-то крупным партийным работником из Киргизии. На лицо он был красив, однако на вид весьма неприятен.

Маяковский помрачнел сразу, как только Лиля присела с ним на диван и прижалась к его плечу грудью. Юсуп курил трубку. Лиля сначала восторженно смотрела. Затем отобрала у него трубку, обтерла черенок платочком и страстно затянулась.

Полонская заметила, как испортилось настроение у Маяковского. Это ее насторожило. По опыту она знала, что при таком настроении от Владимира Владимировича можно ожидать все что угодно. Больше всего Вероника боялась, что поэт закатит ей при муже очередную сцену ревности. Однако, вопреки ожидаемому, Володя почти не обращал на нее внимания и все более мрачнел, поглядывая на Лилю Юрьевну с залетным кадром.

Лиля не могла не видеть, какое настроение у Маяковского. Полонской показалось, что Лиля Юрьевна испытывает наслаждение, издеваясь над ним таким образом. Затянувшись в очередной раз из чужой трубки, она произнесла с затуманенным взором:

— У Володи сегодня *le vin triste*.

Гости засмеялись. А Полонской неожиданно стала жалко Маяковского. Она села рядом с ним и шепотом произнесла, что очень по нему соскучилась. Поэт не среагировал. Потом в течение вечера Вероника еще несколько раз подсаживалась к Владимиру Владимировичу, разговаривала с ним, объяснялась в любви. Но на него ничего не действовало. Он словно был под гипнозом. Дошло до того, что объяснения в любви замужней женщины услышал кто-то из компании.

Среди гостей пронесся шепот, и все устремили любопытные взоры на живого мужа Вероники Витольдовны, который, разумеется, ничего не замечал. Неожиданно какой-то киноработник, кажется, Лев Гринкруг, как-то неприлично громко произнес:

— Я не понимаю, отчего Володя так мрачен: даже если у него неприятности, то его должно обрадовать, что женщина, которую он любит, так гласно объясняется ему в любви.

Странные чувства владели Полонской в тот вечер. С одной стороны следовало радоваться, что голова Маяковского занята другим, а значит вероятность того, что он выкинет очередной фортель на почве ревности, сводилась на нет, с другой стороны никакого повода для радости не было. По жилам юной актрисы разливалась досада, что Маяковский по-прежнему любит Лилю, которая с начала их знакомства не сходила у него с языка.

А ведь Вероника уже думала, что безвозвратно завладела душой автора «Левого марша». Ведь он с ней сделался таким искренним. Владимир Владимирович рассказывал ей такое, о чем не рассказывал даже Лиле Юрьевне. Он откровенничал о своих переживаниях, о том, как приехал в Москву подростком, как жил в Петровско-Разумовском, как голодал и нуждался до такой степени, что был вынужден ходить в Москву пешком. Он рассказал о своей платонической любви к Марии Денисовой, с которой познакомился в Одессе в январе 1914 года, и о том, как слага-

лась поэма «Облако в штанах». Еще он рассказывал о том, как сидел в тюрьме, и как читал в камере «Анну Каренину». Однако дочитать не успел. Его выпустили. Поэтому до сих пор не знает, чем у них там, у Карениных, кончилось.

Владимир Владимирович рассказывал Веронике о том, о чем обычно рассказывают близким. Полонская давно пришла к мысли, что у Маяковского ближе, чем она, никого нет. Как же она ошибалась!

Вероника и раньше замечала, что Владимир Владимирович испытывал к Лиле Юрьевне какую-то маниакальную привязанность. И она никак не могла понять, чем его удерживает эта маленькая, некрасивая и стервозная дамочка, которая из-за любой мелочи может запилить до смерти.

Словом, уходила Вероника Витольдовна с того вечера в задумчивом и не очень веселом настроении. «А Маяковский, оказывается, совсем не тот, за кого себя выдает, — неожиданно подумала Полонская. — И его истинная искренность совершенно отличается от поэтической искренности, которая разлита в стихах».

Спустя несколько дней Брики уехали в Ленинград. Маяковский привез Полонскую на квартиру в Гендриков переулок. Яншин в это время был на гастролях, так что вечер выдался на редкость спокойным, поскольку не нужно было спешить домой. Маяковский начал уговаривать Веронику остаться с ним на ночь. Но Полонская откровенно боялась хозяйки.

— А если завтра утром придет Лиля Юрьевна? Что она скажет?

Маяковский улыбнулся. Причем, улыбнулся очень грустно.

— Она скажет: «Живешь с Норочкой? Ну что ж, одобряю».

И от этой грусти, что Лиля так равнодушно относится к романам Маяковского, у Полонской сжалось сердце. «Нет,

он никого больше не полюбит, — подумала она. — Он всегда будет любить только Лилю своей больной и ненормальной любовью. А любопытно, Лиля Юрьевна также больна, как он?»

По приезду Бриков из Ленинграда, Вероника встрети-лась с Лилей. Она набралась смелости и спросила прямо:

— А вы, Лиля Юрьевна, не ревнуете, что Маяковский спит со мной?

Глаза женщины блеснули зло и мстительно. Во всяком случае, так показалось Веронике. Женщина ответила до-вольно странно:

— Пусть страдает. Он этого заслужил. Я никогда не прощу Володе двух вещей. То, что по приезду из-за гра-ницы он прилюдно читал стихи, посвященные не мне, и при этом не предупредил меня, и то — как он при мне и при всех остальных смотрел на тебя, старался сидеть под-ле тебя, прикоснуться к тебе...

Глава двенадцатая

С каждым днем Маяковский делался все невыносимее. Вероника забыла, как просыпаться по утрам со счастливой улыбкой на лице. Как только она открывала глаза, то пер-вым делом с испугом косилась на мужа: не проговорила-ли она во сне о Маяковском. Если Миша вставал спокой-ным, то от сердца ненадолго отлегалось. Впрочем, времена-ми муж замечал, что с женой творится что-то не ладное?

— Что случилось? — с тревогой спрашивал он.

— Ничего не случилось. У меня все нормально.

— Мне показалось, ты чем-то озабочена.

— Только тем, что опять не выучила текст к репетиции, — через силу смеялась женщина и шла в ванную.

Там она долго всматривалась в зеркало, разглаживала скулы, веки и думала, что долго так не протянет. Маяков-ский совершенно непредсказуем. Всегда нужно быть в

напряжении. Кроме того, он с каждым днем требует от нее все большего и большего.

До того, как Вероника получила в спектакле роль, Маяковский совершенно спокойно относился к Яншину. Но после этого начал ревновать, придираться, мрачнеть. Например, с ехидцей интересовался, как прошла ночь с Мишей? Если Вероника отшучивалась и отвечала, что как всегда с комсомольским задором, он тут же менялся в лице. После такого ответа Владимир Владимирович мог часами молчать. Ей с трудом удавалось вывести его из неразговорчивого состояния. Чтобы не осложнять отношений, Вероника начала врать, что с мужем она давно не живет физически, потому что у них осталась только духовная близость. Они даже спят в разных комнатах.

— У нас с ним товарищеские отношения, — уверяла Вероника. — Он ко мне по-прежнему относится как к девочке, потому что я вышла за него замуж в семнадцать лет.

Однако Маяковскому этого было мало. Он ревновал и к товарищеским отношениям, а, кроме того, то и дело допытывался, что у нее может быть товарищеского с Михаилом, если у него такие отсталые, мелкобуржуазные родители?

Пришлось и на это вопрос морщиться и врать, что они с Мишей, к сожалению, разные люди, и в этом их трагедия. Но они пока нужны друг другу.

Полонская с Маяковским большей частью встречались на людях. Поначалу Яншину нравилось бывать в обществе Маяковского и его знакомых, но потом он все неохотнее отпускал жену в литературные компании. Миша начал что-то подозревать. Из-за этого свидания стали еще более кратковременными, что прибавило нервозность в отношениях.

Но это еще не все. Маяковский ревновал Веронику и к ее театральной деятельности. Поначалу, когда она получила роль, Владимир Владимирович за нее радовался и

даже гордился своей юной любовницей. Но через несколько дней, увидев, что репетиции в театре отнимают слишком много времени и серьезно отвлекают от свиданий, начал мрачнеть и злиться. Поэт прочел ее роль, и заявил, что не читал ничего бездарнее, и что на премьеру спектакля он не придет.

— И вообще, кто тебе сказал, что ты актриса? — заявил однажды Маяковский. — Это совершенно не твое! Тебе нужно бросить театр.

В первый раз это было сказано в шутку. Потом стало перерастать в маниакальную навязчивость. С каждым днем любовник становился все менее терпимым. Маяковский требовал ежедневных встреч, и не только на квартире, но и на людях в городе. Решили ежедневно встречаться в кафе, что неподалеку от МХАТа.

Было непросто вырваться для этих встреч, поскольку выйти из театра одной среди бела дня никак не удавалось. Вероника часто приходила на свидание в кафе на пару с мужем, либо вообще не приходила. Маяковский злился, и женщина чувствовала, что раздражение в нем возрастает с каждым днем. Умолять его не встречаться, было бесполезно.

В конце концов Маяковский заявил, что раз она не можешь жить без театра и актеров, то пусть встречается с коллегами вместе с ним. Идея было не лучшая, но ничего не поделаешь.

Когда Брики уехали, Маяковский устроил у себя в Гендриковом переулке театральный вечер. Актеры приехали поздно, поскольку вечерний спектакль затянулся. Но лучше бы они не приезжали. Хозяин был мрачнее ночи. Все разбрелись по разным комнатам и загаились, а хозяин большими шагами ходил взад вперед по коридору. На этот раз причиной его ужасного настроения стал актер Ливанов, к которому он приревновал возлюбленную. Вероника мирно сидела с ними на диване на довольно приличном расстоянии и светски беседовала о театре. Увидев эту кар-

тину, Маяковский почернел и вышел из комнаты вон. Потом несколько раз заглядывал и всякий раз со страшной силой захлопывал дверь. И все это слышали и испуганно вздрагивали. На душе у Полонской и без того было тревожно — ведь рядом находился муж. Вероника не выдержала, вышла в коридор, отозвала Маяковского на кухню и попросила, чтобы он не ставил ее в нелепое положение.

— Все ваши подозрения ко мне несправедливы. Да еще Яншин тут... — начала упрекать она.

— Ты его любишь? — мрачно перебил Маяковский.

— Яншина?

— Того прыща, от которого ты не можешь оторваться!

— Ливанова? — сделала большие глаза Вероника. — Что вы, Владимир Владимирович. Я люблю только вас.

Вечер удалось спасти чудом. В дальнейшем воспоминания о нем Веронике были неприятны.

Глава тринадцатая

Однако это было только началом кошмара. Отношения Полонской с Маяковским принимали все более нервный характер. Поэт все менее владел собой и при посторонних мог обнять Веронику, не заботясь о том, что она замужняя женщина. Он также мог при всех увести ее куда-нибудь объясняться. Если на людях случалась хоть какая-нибудь недомолвка, поэту непременно нужно было выяснить все немедленно, и плевать он хотел на то, что вокруг посторонние.

После Нового года Полонская забеременела. О том, чтобы родить ребенка от Маяковского, не могло быть и речи. Пришлось наврать мужу, что она забеременела от него и придумать причину, чтобы сделать аборт. Самым невыносимым было видеть, когда Миша приходил в больницу, заваливал тумбочку едой, а потом садился на краешек кровати и со слезами гладил ее руку. Полонская тоже

давилась слезами и клялась, что как только выйдет из больницы, порвет с Маяковским навсегда.

Аборт прошел не очень благополучно. Врачи три дня не могли остановить кровотечение. «Это мне наказание, — думала женщина. — Так мне и надо...» Жить не хотелось. Но и умирать было страшно. Самое мучительное — продолжать эту ложь.

После выхода из больницы у Вероники началась жесткая апатия к жизни. Ее не радовало ничего, ни театр, ни роль, ни муж. Она лежала дома на кровати и каждую секунду ждала, что ее покой нарушат. Когда Миша сказал, что к ним в гости хочет придти Владимир Владимирович, с Вероникой случилась истерика:

— Нет-нет! Я никого не хочу видеть! У меня депрессия!

Едва Вероника вышла на работу, как тут же последовал звонок от Маяковского. Вахтерша ее догнала в ту минуту, когда актриса входила в зрительный зал. Узнав, что ей звонят, несчастая сжалась и нехотя направилась к телефону. Голос Маяковского был резким и требовательным.

— Наконец, я тебя слышу. Я хочу тебя видеть немедленно. Давай встретимся через пятнадцать минут в том же кафе.

— Я не могу! — слабо выдохнула Вероника. — Я еще не дошла до сцены.

— До вечера не доживу. Я очень соскучился.

— Я и вечером не могу, Владимир Владимирович. Извините! Я очень плохо себя чувствую.

На том конце образовалась обиженная пауза.

— Когда же мы встретимся? — с раздражением спросил Маяковский.

— Я вам позвоню! Извините, меня зовут!

Вероника торопливо водворила трубку на место. Вахтерша не сводила с нее своих глаз куницы. Женщина сказала ей, что если позвонят еще, то пусть ответит, что она репетирует.

— Хорошо, Вероника Витольдовна, — хлопнула глазами вахтерша. — Скажу, что вам некогда.

Не прошло и получаса, как вахтерша снова прибежала в зал за Вероникой.

— Я же просила — если позвонят, то я репетирую, — капризно простонала женщина.

— А никто и не звонил, Вероника Витольдовна, — всплеснула руками вахтерша. — Вас зовут к выходу.

Полонская сошла со сцены и направилась из зала вон, заметив, каким недоуменным взглядом проводил ее Миша. Маяковский стоял у входной двери. Глаза его бешено бегали. Увидев Веронику, он стремительно ринулся к ней, жадно схватил за руку и потащил к машине.

— Подождите, Владимир Владимирович! Я не могу сейчас уйти! Меня ждут на сцене... — взмолилась бедняжка.

Но Маяковский был неумолим.

— Я очень по тебе соскучился, — произнес он, не выпуская руки.

Он почти дотащил ее до автомобиля и открыл перед ней дверь, но Вероника резко выдернула руку.

— Мне все равно нельзя. Я после операции...

Маяковский мрачно посмотрел в глаза. Женщине стало страшно. «Ведь он совершенно больной», — подумала она. Ей захотелось развернуться и убежать. Но пришлось выдержать его тяжелый взгляд.

— Так больше продолжаться не может, — хмуро произнес он. — Ты должна развестись с Яншиным и стать моей женой. Ты сегодня же скажешь об этом Яншину.

У Вероники внутри все обмерло. Понадобились усилия, чтобы сохранить спокойный вид.

— Что еще я должна сделать? — устало спросила она.

— Бросить театр.

Глаза женщина брызнули яростью.

— Никогда! — всхлипнула она.

Затем решительно развернулась и раздраженным шагом направилась к театру. Маяковский догнал ее, вцепился в руку и прямо посмотрел в глаза.

— Прости! Черт с ним, с театром? Ты будешь моей женой?

Как захотелось Веронике в ту минуту прокричать в его физиономию всю сермяжную правду. Но пришлось сделать новое усилие и даже натянуть подобие улыбки.

— Я подумаю, Владимир Владимирович.

Она снова развернулась и пошла, но он во второй раз схватил ее за руку.

— Но все же это будет? Я могу верить? Могу думать и делать все, что для этого нужно?

Полонская напустила на себя все свое обаяние и ответила:

— Да! Думать и делать!

В этот же день Вероника позвонила Лиле Юрьевне и со слезами рассказала, что больше не может обманывать Маяковского, который уже настолько к ней прикипел, что требует развода с мужем.

— Не выходить же в самом деле за него замуж?

— Если партия прикажет, выйдешь, — сурово ответила Брик. — Но будем надеяться, что до этого не дойдет. Сиди на месте, я сейчас подъеду.

Как и предполагала Полонская, намерение Маяковского жениться на ней сильно озаботило Лилю Юрьевну. Она подробно расспросила о разговоре с Маяковским, затем поинтересовалась, что он имел в виду, сказав, что может думать и делать все, что для этого нужно?

— Это, наверное, по поводу нашего будущего совместного жилья, — пожала плечами Полонская. — Ведь я живу в квартире родителей мужа.

Лиля нахмурилась.

— Спроси у него прямо, куда он намерен привести молодую жену? Неужели в коммунальную комнатку на Лубянском проезде?

Вероника вспыхнула:

— Это намек на то, чтобы я продолжала с ним отношения?

— Это не намек, голубушка, а приказ, — ответила Лиля.
— Пока его еще не отменяли.

Полонская заплакала. Лиля ласково погладила по голове.

— Потерпи еще немного. Скоро это закончится.

Глава четырнадцатая

Через несколько дней отношения между Полонской и Маяковским возобновились. Но они уже были другими. Измученная женщина больше не претворялась безумно влюбленной и без конца отнекивалась от обязанностей любовницы. Как она потом объяснит в воспоминаниях, ее физическое отторжение было вызвано апатией после перенесенной операции.

Равнодушие возлюбленной приводило Маяковского в неистовство. Он был настойчивым и даже жестоким. Когда ему не удавалось добиться цели, он устраивал скандалы и тяжелые сцены ревности.

— Ты меня больше не хочешь? — мрачнел он.

— Я никого не хочу, — оправдывалась Полонская. — Вы здесь ни при чем. У меня после больницы отвращение к этому. Как вы не поймете? Врач сказал, такое бывает.

Маяковский подозрительно выгнул брови, и его взгляд становился таким злобным, что хотелось убежать.

— У тебя кто-то появился? — перебивал он невменяемым голосом.

— Что вы, Владимир Владимирович! Вы единственный мой мужчина.

Вероника с поцелуями бросалась в его объятия, предчувствуя, что дальнейшие выяснения приведут к скандалу. Он немного таял.

— Когда ты разведешься? — спрашивал он требовательно.

— Подождите немного, — вздыхала Вероника. — Это не просто. Я еще не решилась.

— Может, ты вообще не хочешь разводиться? — багровел поэт.

— Владимир Владимирович, успокойтесь! Все будет хорошо.

Он снова садился на диван. Вероника в очередной раз гладила ему шею и покрывала его лицо поцелуями. Он успокаивался.

— Значит, думать и делать? — спрашивал он, постепенно растаивая под ее ласками.

— Да! Думать и делать! — кивала Вероника. — Кстати, где мы будем жить?

Маяковскому это вопрос понравился. Он сразу вскочил с дивана и принялся возбуждено ходить по комнате.

— Я записался на квартиру в писательском доме, который строится напротив Художественного театра, — сказал он. — Уже внес аванс. Мы будем жить там.

— На одной площадке с Бриками? — сощурилась Полонская.

Маяковский нахмурился.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю. Я предположила.

На самом деле Полонская знала, что Брики тоже встали в очередь на квартиру в том же доме, но у них не было денег даже на первый взнос. Еще Полонская знала, что квартира в Гендриковом переулке, в котором жили Брики, принадлежит Маяковскому, и в случае его женитьбы, квартирный вопрос не мог их не волновать.

— Когда ты уйдешь от мужа, — снова спросил Маяковский.

— Но ведь нам пока еще негде жить, — схитрила Полонская. — Да и вам пока не до этого. У вас впереди выставка и премьера «Бани»...

Не было ничего удивительного в том, что постановка «Бани» в Ленинграде провалилась. Когда пьеса появилась в печатном виде, критики на нее набросились, словно стая голодных волков, причем не только из РАПП, но и из других литературных ассоциаций. «Баня», как и «Клоп», запоздала со злободневностью, а на вечную ценность не тянула. После разгрома шедевра литературными шелкоперами, Маяковский читал пьесу в различных театрах. Актеры выказывали восторг и сравнивали поэта с мировыми драматургами. Вот эти льстивые актерские штучки и усыпили бдительность горлопана. Причем усыпили настолько, что он сам поверил в гениальность новоиспеченного шедевра.

Однако на общем литературном фоне «Баня» выглядела более чем жалко, и больше подходила для самодеятельного студенческого театра, но никак не для академического. В этом отношении неуспех пьесы был предсказуем.

Любую неудачу Маяковский переживал очень сильно. Вернувшись из Ленинграда, он первым делом позвонил Полонской. Даже у нее в груди встрепенулась жалость. Голос всегда шумного, напористого и уверенного в себе Маяковского был растерянным и подавленным. Он пытался шутить, но получалось не весело. Вероника уже знала, что «Баня» в Ленинграде прошла без успеха. На премьере не набралось и половины зала, да и те, кто пришли, начали уходить с первого действия.

Самым прискорбным было то, что даже критика к провалу пьесы отнеслась с равнодушием. Если бы разразился скандал хотя бы по поводу не злободневности спектакля, было бы не так тягостно! Маяковский любил скандалы и привык отвечать на злую критику руганью. Но, увы! Его встретило полное равнодушие, как со стороны зрителей, так и со стороны театральных критиков.

В Москве Маяковский не нашел сочувствия и среди друзей. Они словно вымерли. А ему так не хотелось оставаться одному. На второй день он явился в МХАТ, покор-

но отсмотрел спектакль и после него стал уговаривать актеров отправиться к нему в гости. Однако ни один из тех, кого он уважал, не пошел к нему. Согласились пойти какие-то случайные люди. Яншин тоже не хотел идти, но Вероника его уговорила, надавив на жалость.

Вечер у поэта выдался унылым. Все поглядывали на часы и стремились поскорее уйти. Когда и Яншин с Полонской засобирались домой, Владимир Владимирович отправился их провожать, и проводил до самого дома. На улице они попрощались, и супруги зашли в подъезд. Но Маяковский еще долго стоял под их окнами, курил и не уходил домой.

Глава пятнадцатая

Выставка, на которую Маяковский возлагал все свои надежды, открылась первого февраля. Народу пришло много. Другой бы радовался такому количеству почитателей, но Маяковский ждал не народ, он ждал высокое начальство. Посещение высокопоставленных партийцев гарантировало ему любовь и признание властей. Маяковский втайне надеялся, что выставку посетит также и товарищ Сталин.

В первый день из кремлевского начальства не явился ни один. Но если бы только из начальства. На выставку не явились и его верные друзья, соратники по революционному фронту. Правда, притопал пьяный Лев Кассиль. Но он вызвал у юбиляра только раздражение.

— Кассиль должен бегать для меня за папиросами, а он здесь ходит гоголем! А сам даже гвоздя не вбил, — гневно изрыгнул Маяковский.

Кассиль обиделся и ушел. Следом за ним, обидевшись, ушли Асеев и Кирсанов.

Маяковский со всеми разругался, особенно с теми, кто проигнорировал работу по подготовке выставки. На об-

щем собрании решили, что готовить выставку поэта будут все рефовцы без исключения. Однако литераторы отнеслись к этому без энтузиазма. Все прекрасно знали, что выставка принесет славу только одному Маяковскому, а объединению — кучу хлопот.

На пятый день выставки, не дождавшись высокого начальства, Маяковский неожиданно заявил, что выходит из РЕФ и вступает в РАПП. Заявление руководителя вызвало у рефовцев шок. У рапповцев тоже. Никто не знал, как на это реагировать, и что происходит с Маяковским?

Очевидцы событий будут потом уверять, что у поэта появились серьезные разногласия с членами революционного фронта. Также потомки сойдутся во мнении, что на решение Маяковского покинуть фронт повлияла, якобы, обида на товарищей, которые халатно отнеслись к подготовке его выставки. Однако это только видимая вершина айсберга. Причиной такой стремительной перебежки послужила отнюдь не обида на товарищей и не разногласия с ними по поводу литературных форм. Об истинной причине перебежки Маяковского в стан противников из литераторов догадался только один человек: Осип Брик.

Именно на выставке Маяковский понял, что в верхах знают о его участии в заговоре. Сталин действительно об этом знал, и своим непосещением дал понять поэту, что отныне тот изгой и что он, Маяковский, не оправдал доверия, которое оказал ему генсек, пригласив выступить в Большом театре.

Но это полбеда. Выставку Маяковского проигнорировал также и нарком Сырцов, которому были известно, что Маяковский дал согласие на поддержку их крыла. По какой причине он не пришел, было не понятно. Вот почему так нервничал Маяковский и ссорился на выставке со всеми, кто попадался под руку.

Не выдержав неведения со стороны властей, Маяковский решил переметнуться в РАПП и тем самым показать правительству, что он раскаялся и покинул ряды оппози-

ционеров. Собственно, этого и добивался Сталин своим демонстративным игнорированием певца революции.

Однако сторону Сырцова поступок Маяковского всполошил. Уже на следующий день, 7 февраля, после перебежки Маяковского в РАПП, Шацкий снова позвонил поэту и предложил встретиться в редакции газеты «Правда». Владимир Владимирович, вопреки ожидаемому, приглашение отклонил и твердо заявил, что ему некогда. Шацкий заметался и назначил встречу Брику.

Осип Максимович был в курсе, что его старый знакомый один из самых активных лидеров подпольной оппозиции и догадывался, что его будут вербовать в праволевачский блок отчасти для того, чтобы он направил Маяковского в нужное русло.

Но, явившись на встречу, Брик наотрез отказался от предложения влиться в антисталинскую команду Сырцова. Конечно, в случае смещения Сталина для Брика открывались огромные возможности, которых у него не было при Сталине. Но это в том случае, если бы он дал согласие на участие в заговоре. Однако своего согласия войти в оппозицию Осип Максимович не дал. То ли он действительно не верил в победу Сырцова, то ли знал, что в ОГПУ известно о каждом его шаге. Брик расстался с Шацким не очень дружелюбно и в тот же день доложил о своем разговоре с легендарным комсомольцем Якову Агранову.

Агранов и без донесения Брика был насторожен метаниями Маяковского. Кому, как ни ему было знать, что самые опасные люди те, которые мечутся из стороны в сторону. Те, которые твердо стоят на своих позициях, по крайней мере, предсказуемы. Что касается поэтов, то они непредсказуемы всегда. Хитрого чекиста не могло не встревожить, что Маяковский, доказывая свою преданность Сталину, может невзначай выдать многих участников заговора, в том числе и его, Агранова, который занял

всего лишь выжидательную позицию. Словом, все это сулило большие проблемы.

Самый верный способ избавиться от проблем — устранить того, от кого они исходят. Можно было организовать бытовое убийство, но оно могло вызвать подозрение в Кремле. К тому же, получив официальную информацию от Брига о готовящемся заговоре, в который возможно втянут Маяковский, Агранов уже не мог не пустить ее в разработку.

В этот же день чекист позвонил начальнику спецотдела ОГПУ Глебу Бокию, в подчинении которого находилась нейроэнергетическая лаборатория ВНИИ экспериментальной медицины, и попросил о встрече вне стен конторы.

Глава шестнадцатая

Они встретились на Кузнецком мосту. Отыскали безлюдное место и сели на свободную лавочку. После того, как оба закурили, Агранов вопросительно посмотрел на Бокия. Тот едва заметно усмехнулся.

— Да, Яков Саулович, хозяину уже доложили, что Шацкин назначал Маяковскому встречу. Однако Маяковский не пошел. Ведь именно это вы хотели от меня услышать? Не так ли?

Агранов щелчком стряхнул пепел с папиросы и нервно сплюнул под ноги.

— Так, Глеб Иванович, так. Вот же черт...

Бокий понимающе улыбнулся.

— Как видите, не один вы наблюдаете за его метаниями.

— То есть, своей перебежкой Маяковский показал, что теперь он преданный сталинец? — прищурился Агранов.

Бокий выпустил изо рта колечко и хитро подмигнул.

— Более чем преданный, которому к тому же известны имена заговорщиков.

Агранов метнул тревожный взгляд в собеседника и впал в угрюмую задумчивость. Затем глаза его пытливо блеснули.

— Несчастный случай? — спросил он тихо.

Бокий с шумом выпустил дым и покачал головой.

— Слишком очевидно. Хозяин догадается.

— Самоубийство на почве любовных отношений? — продолжил Агранов.

Бокий задумался. После минутного молчания хмыкнул и пронзил Агранова пытливым взглядом.

— С посмертным письмом, в котором между строк читается раскаяние за участие... — добавил он.

— А это не перебор? — беспокойно заерзал Агранов.

Глеб Иванович бросил недокуренную папиросу на землю, затоптал и расслабленно откинулся на лавочке.

— С научной точки зрения мысли о самоубийстве приходят в том случае, если из-под человека выбиты все жизненные подпорки. Основных подпорок три. Это — личная жизнь, профессиональная деятельность и так называемый идеал.

— Основная подпорка — Лиля, — сказал Агранов. — При первой же неудаче он бежит к ней плакаться, как к мамочке.

— Правильно, — согласился Бокий. — Этого удовольствия вы должны лишить его в первую очередь. Что касается РАПП, отношение в нем к Маяковскому должно быть более чем холодным. Пусть ему ежедневно напоминают, что он перебежчик, который предал своих товарищей. Теперь об актриске...

— Ну, с актриской мне более-менее ясно. Я вот думаю про Шацкина...

— Вот! — поднял указательный палец Бокий. — Вы правильно думаете, Яков Саулович! От оппозиции изолировать полностью! Когда Маяковский почувствует, что

остался один, его начнут точить мысли об измене. На всякий случай смажьте его браунинг.

— У него еще имеется карманный маузер, — поднял одну бровь Агранов. — Он лежит у него в столе на Лубянской квартире. Правда, все патроны к нему он расстрелял в Акулово.

— Но к маузеру подходят патроны от браунинга, — хитро подмигнул Бокий.

Лицо Агранова выразило удивление.

— И все-то вы знаете, Глеб Иванович! Что значит, профессионал!

— В наше время нельзя быть не профессионалом, Яков Саулович, — польщено ответил собеседник.

— Считаете, в маузер стоит загнать патрон от браунинга? — спросил Агранов.

— Только не в обойму! В ствол, — кивнул Бокий.

Глава семнадцатая

Еще никогда Маяковский не испытывал такого зверского одиночества, как после внезапного отъезда Бриков в Берлин. В их поспешном отъезде было что-то подозрительное. Они поехали вместе, и цель их поездки странная — осмотр культурных достопримечательностей Европы. В этом была какая-то натяжка. Осип уже пять лет жил со своей Женей. Ездил с ней везде, в Сочи, в Ялту, и тут вдруг оставил ее в Москве и покатыл в Европу с бывшей женой. От разлуки с Бриками Маяковский даже слег.

Пришел врач и сказал, что у него грипп. Нужен постельный режим. Пришлось звонить Витольдовне, чтобы навестила. Иначе можно было сдохнуть от тоски. Когда приехала Вероника, показалось, что взошло солнце. Маяковский осмотрелся по сторонам и с удивлением заметил, что квартира действительно залита солнцем. Навстречу женщине радостно рванула собака Булька. Возникло

ощущение, что сидеть с безжизненным хозяином ей было невыносимо, и вот, наконец, она увидела живого человека.

Маяковский жадно набросился на гостью, но в этот момент в квартиру позвонили.

— Кого еще несет? — недовольно пробормотал хозяин и отправился открывать.

Оказывается, приехал Лева Гринкруг.

— Весьма, кстати! — обрадовался поэт. — Вам поручение. Вот ключ от моей Лубянской комнаты, а вот ключ от письменного стола. В нем лежит две с половиной тысячи рублей. Из них возьмите пятьсот и внесите за квартиру в писательском доме.

Гринкруг направился в прихожую, но тут снова раздался звонок. Пришел почтальон и передал письмо от Лили. В конверте фото. Лиля Юрьевна в Берлинском зоопарке с львенком на руках. Гринкруг принял львенка за собаку, покачал головой и ушел. После его ухода направилась на выход и Вероника. Маяковский удержал ее за руку.

— Ты оставляешь меня одного, больного?

— Я еще вернусь. А сейчас мне надо в театр.

— Постой! Я так больше не могу! Ты должна сегодня же все рассказать Яншину. Если не расскажешь, я сам расскажу.

Вероника вырвала руку и поспешно вышла из квартиры. Ее сердце сильно билось. Она выскочила из подъезда, добежала до угла и остановилась. «Как я такое скажу? Он же застрелит меня на месте...»

Перед отъездом Лиля Юрьевна попросила о встрече. Первейшая муза была на редкость веселой. Но ее веселье показалось актрисе фальшивым.

— Все, Норочка! — воскликнула она. — Твои мучения закончились. Больше опасаться нечего — Маяковскому отказали в визе во Францию.

Полонская опешила.

— Я больше могу с ним не встречаться?

— Можешь, Норочка!

— Но у нас уже зашло далеко. Он хочет на мне жениться.

— Но ты же не хочешь! Или хочешь?

— Конечно, нет, — ответила Полонская. — Но что мне ему сказать?

— Скажи правду! — пожала плечами Лиля Юрьевна. — Скажи, что любишь мужа и что роман с Маяковским был твоей ошибкой.

Полонская не знала, радоваться, или плакать. Как-то все получилось скомкано и неожиданно.

— Но ведь он застрелится...

Лиля Юрьевна рассмеялась.

— Главное, чтобы тебя не застрелил. Не бойся, Норочка! Кто часто бравирует оружием, обычно редко его применяет. Только вот что, Норочка! Скажешь ему это не сейчас. А двенадцатого апреля. Приедешь к нему на Лубянку и скажешь. Запомнила? Двенадцатого апреля...

Полонская вытаращила глаза и, наконец, стала что-то соображать.

— Но почему именно двенадцатого апреля, Лиля Юрьевна? — спросила она.

— Норочка, умоляю! Давай без лишних вопросов. Ближе к двенадцатому тебя проконсультируют.

Лиля Юрьевна резко развернулась на каблучках и таким образом дала понять, что разговор окончен. Она удалилась, не сказав «до свидания». Вероника вернулась в театр. Она сходила домой пообедать. После чего твердо решила не возвращаться к Маяковскому. Но ближе к вечеру снова отправилась к нему. Она вбежала в его квартиру и неожиданно для себя расплакалась:

— Владимир Владимирович, вы так устало выглядите. Умоляю вас, уезжайте в Ялту! Немедленно! Ведь вы хотели в Ялту? Вам надо отдохнуть! А я к вам приеду через неделю.

— Поехать сейчас? — удивился Маяковский. — Мы с тобой поедem после свадьбы, в медовый месяц. Ты поговорила с Яншиным?

Пришлось снова врать, оправдываться, гасить слезами его мрачность. Когда вечером Вероника уходила домой, то подумала, что она сделала все, что смогла. Было восьмое апреля. До двенадцатого оставалось три дня.

На следующий день, придя в театр, актриса строго наказала вахтерше не звать ее к телефону, особенно если позвонит Маяковский. Владимир Владимирович звонил трижды, и трижды вахтерша отвечала, что Вероника Витольдовна занята в спектакле и подойти не может. Когда женщина вечером возвратилась домой, раздался телефонный звонок. Трубку сняла свекровь и укоризненно произнесла:

— Нора, тебе звонит Маяковский.

Миша насторожился и не очень дружелюбным взглядом проводил жену в другую комнату, где стоял телефон. Маяковский никогда не звонил домой Яншиным. У Вероники от дурных предчувствий похолодело в груди. Пришлось напустить на себя веселье.

— Здравствуйте, Владимир Владимирович, — засмеялась она в трубку. — Вы звоните, чтобы напомнить про репетицию в цирке? Не волнуйтесь! Мы с Мишей не забыли...

— Ты почему не пришла? — мрачно перебил Маяковский.

Полонская незаметно зыркнула на сидящих в креслах родителей. Они косились неодобрительно.

— Извините, Владимир Владимирович, давайте все рабочие вопросы решим завтра. Сейчас у меня голова не соображает. Я устала.

— Немедленно приезжай ко мне, — приказал Маяковский, игнорирую конспирацию. — Или я сейчас приеду к тебе и все расскажу Яншину.

— Как скажите, Владимир Владимирович, — рассмеялась Полонская. — До завтра!

Женщина положила трубку и, ни жива, ни мертва, направилась в свою комнату. Миша вопросительно поднял глаза. За спиной снова раздался звонок. Вероника вздрогнула. Свекровь подняла трубку и произнесла еще более раздраженно:

— Нора, тебя снова Маяковский.

Пришлось возвратиться в комнату и снова играть в беспечную девочку. Сколько понадобилось нервов и сил, чтобы со стороны разговор не вызвал подозрений. Однако Маяковский очень громко басил в трубку и требовал, чтобы Вероника немедленно приехала к нему. Женщине казалось, что его требования слышит весь подъезд.

Вероника опять пожаловалась на усталость и наврала, что плохо себя чувствует. Только после этого Маяковский отложил встречу до завтра. Когда Вероника вернулась в комнату, Миша спросил:

— Он — твой любовник?

Вероника возмущенно вспыхнула и бросилась страстно обнимать мужа:

— Спятил? Как тебе такое могло придти в голову?

Муж не поверил и молчал весь вечер. А на следующий день все повторилось. Сначала Маяковский позвонил в театр. Вероника подошла к телефону и строго настроено наказала не звонить ей домой. Затем сказала, что сегодня встретиться с ним не сможет — у нее температура.

Однако вечером Владимир Владимирович все-таки позвонил домой. Он звонил несколько раз и вывел из себя всех. Вероника могла отвечать только «да» и «нет». Родители чутко прислушивались. Маяковский говорил много, длинно и занудно. Он упрекал, ревновал, срывался на крик. Около часа торчала Вероника у аппарата, и желала только одного, чтобы все это поскорее закончилось. Когда, наконец, ей удалось водворить трубку на место, и она возвратилась в комнату, Миша впервые закричал на нее,

не стесняясь в выражениях. Пришлось снова плакать, оправдываться и лгать.

На следующий день Маяковский позвонил в театр и сказал, что в обед будет ждать ее в кафе. Как на грех в обеденный перерыв в это кафе направилась почти вся труппа. Маяковский еще не подъехал. Вероника села за столиком с Ливановым и еще двумя актерами. Зашел мрачный Маяковский, сверкнул глазами на Ливанова, и стал еще мрачнее, чем был. Он подсел к компании и за все время не проронил ни слова, распространяя свою тяжесть на всех. Он ревновал к Ливанову. Вероника прокляла тот день, когда рассказала ему, что когда-то была влюблена в Ливанова.

Когда все ушли, Маяковский устроил сцену ревности. Затем снова потребовал, чтобы она сию же минуту все рассказала Яншину и сегодня же переехала к нему. Нервы у Вероники не выдержали.

— Все! Хватит! — закричала она. — Не хочу вас больше видеть! Ненавижу!

Посетители умолкли и повернули на них головы. Было очень стыдно. Вероника выскочила из-за стола и торопливо проследовала на выход. Маяковский направился следом. На углу он схватил ее за рукав, но Вероника выдернула руку и, взглянув ему прямо в глаза, простонала:

— Оставьте меня, наконец, в покое!

— После того, что было? — нахмурился Маяковский.

— Наши отношения дошли до предела! Давайте расстаемся!

— Навсегда? — ужаснулся Маяковский.

— Навсегда! — сверкнула глазами Полонская, развернулась и пошла прочь.

Было одиннадцатое апреля.

Глава восемнадцатая

Когда в тот же день вечером Вероника возвращалась из театра, дорогу ей преградил молодой человек в черном пальто и в серой кепке, надвинутой на самые глаза.

— Вероника Витольдовна, — произнес он, не разжимая губ, — мне поручено напомнить, что завтра вы должны встретиться с Маяковским и сообщить ему то, о чем обговаривали с Лилей Юрьевной.

Вероника вздрогнула и почувствовала на затылке холодок.

— Это невозможно, — произнесла она. — Мы с ним сегодня расстались.

Молодой человек нахмурился и впился глазами, как клещ.

— Вы должны с ним встретиться завтра и сказать ему, что ваш роман с ним был ошибкой, — с нажимом сказал парень.

— Но я сказала это сегодня...

Глаза парня злобно сверкнули.

— Вероника Витольдовна, вы хотите сорвать операцию? Завтра утром вы ему позвоните и сообщите, что явитесь к нему на Лубянскую квартиру выяснить отношения. И там ему скажете то, что должны сказать...

Молодой человек зыркнул по сторонам, круто развернулся на каблуках и исчез. Полонская все поняла. Ее колени затряслись, и в висках тоскливо затикало: «Вы хотите сорвать операцию?» Так это была операция? Матерь Божия! И какова же цель у этой операции?

Вероника не спала всю ночь. Ее трясло. Зубы стучали. Возникали всякие спасительные мысли: скрыться, уехать, заболеть, попасть под машину... Не то! Позвонить Владимиру Владимировичу и приказать, чтобы срочно отправлялся в Ялту. Так ведь не послушает! Он очень упрямый.

Утром Вероника не позвонила Маяковскому, как было велено. Не набралась духу. А днем был спектакль. В антракте ее позвали к телефону. Вероника дрожащими ру-

ками поднесла трубку к уху, и перед глазами все помутилось. Звонил Маяковский. Его голос был очень потерянным. Таким Вероника его не знала.

— Норочка, мне очень плохо.

— Вам не здоровится? — спросила женщина.

— Речь не о здоровье. Мне плохо не сейчас, не сию минуту, а вообще плохо в жизни... Вот сижу у себя на Лубянке за письменным столом. Рядом чернильница, лампа, карандаши, книги и прочее. Все это нужно, пока есть я. А если меня нет, то все это уже не нужно. Норочка, только ты мне можешь помочь... Ты придешь?

— Хорошо, Владимир Владимирович, я приду к вам после спектакля. А сейчас, извините, уже третий звонок. Мне нужно на сцену...

— Подожди, Нора, — не дослушал Маяковский. — Я упомянул тебя в письме к правительству, так как считаю тебя своей семьей. Ты не будешь протестовать против этого?

— Боже мой, Владимир Владимирович, уже третий звонок! Я ничего не понимаю! — плаксиво простонала Полонская. — Упоминайте, где хотите...

Актриса бросила трубку и побежала на сцену. После спектакля Вероника не пошла к Маяковскому. Не решилась. Однако в своих воспоминаниях она напишет, что приходила в тот день к Владимиру Владимировичу, и они помирились. Маяковский, якобы, готовился к разговору с Вероникой и даже наметил план разговора. И бумажка с планом хранится у Лили Юрьевны. В конце разговора Вероника дала согласие стать его женой.

Однако все это ложь! В тот день 12 апреля Маяковскому было не до выяснения отношений с Полонской. В этот день он метался, как сайгак, и все никак не мог найти себе места.

А дело в том, что утром к нему в Гендриков переулок явился сотрудник ОГПУ Лев Эльберт, тот самый, который ездил с Лилей в Ригу в двадцать первом году и передавал

ему от нее послания. Лев Эльберт был с чемоданчиком и с какой-то неприятно холодной улыбкой на губах. Он вежливо поздоровался, прошел в комнату, сел за стол и вдруг заявил, что намерен пожить здесь до возвращения Бриков из Европы. Такова личная просьба Лили Юрьевны.

И без того бледный от гриппа Маяковский сделался еще блее. Он понял все. К нему приставили слежку. И это связано с тем, что он дал согласие Шацкину поддержать Сырцова.

— Я арестован? — спросил Маяковский.

— Пока нет, — ответил Эльберт, перейдя на серьезный тон. — Но уезжать из Москвы в ближайшую неделю крайне не рекомендую.

— А в чем, собственно, дело? — нахмурился Маяковский.

— А дело, собственно, в том, что из РАППа поступил сигнал, что вы, Владимир Владимирович, вступили в пролетарскую ассоциацию писателей с одной целью — взорвать ее изнутри.

Маяковский действительно такое говорил. Но не рапповцам, а своим товарищам из РЕФа. Ведь нужно было чем-то объяснить свою внезапную перебежку в неприятельский стан. Кто же мог накатать на него телегу в ОГПУ?

Маяковский вышел на улицу. Первой мыслью было, что накатал критик Ермилов. Он всех злее нападал на его «Баню». Но внезапно Маяковский вспомнил, что ему звонили из канцелярии Всесоюзного объединения писателей и сообщили, что глава организации Владимир Сутырин приглашал его на беседу. «Неужели, Сутырин?» — удивился он.

Внезапно Маяковский увидел на улице поэта Александра Жарова. Владимир Владимирович кинулся к нему, как к спасению.

— Скажи, меня могут арестовать? — затрясся он. — Ты слышал? Что говорят в РАППе?

— Нет, я ничего не слышал, — затряс головой Жаров и, попрощавшись, поспешно исчез.

Маяковский направился в Дом Герцена, к Сутырину. Но его на месте не оказалось. Секретарь сообщил, что он должен подойти ближе к полудню. Маяковский пришел на Лубянку, достал из кармана браунинг и положил перед собой. Затем достал из стола чистый лист бумаги. Именно в эту минуту он написал огрызком карандаша свое знаменитое предсмертное письмо. Оно получилось до того нескладным, что эксперты в его подлинности сомневаются до сих пор. Возможно, это был всего лишь черновой набросок. Затем Маяковский позвонил Веронике в театр.

Должно быть, поэт предчувствовал, что она не придет. Потому что, сразу после этого Маяковский вызвал машину. Он спустился вниз и велел водителю ехать в Дом Герцена. Было около двенадцати дня. За всю поездку Маяковский не вымолвил ни слова. Он был беспросветно хмур и даже скрежетал зубами. Непонятно, какие мысли владели им, но после того, как автомобиль остановился у Дома Герцена, Маяковский поднялся и вдруг достал из заднего кармана пистолет. Водитель вытаращил глаза, выскочил из автомобиля и перекрыл ему дорогу.

— Владимир Владимирович, что вы делаете? Успокойтесь.

Маяковский дал посадить себя обратно в машину и увести в сторону Покровских ворот. Однако через полчаса он снова явился к Дому Герцена, но уже пешком. Как расскажет потом секретарь-машинистка, Владимир Владимирович хмуро вошел в помещение и спросил Сутырина.

— Его нет! — ответила машинистка.

— Странно! — сказал Маяковский. — Он назначал мне встречу. Когда же он будет?

Поскольку день был субботним, секретарша только развела руками.

— Я могу позвонить ему домой! — предложила она. — Хотите?

— Не надо! — махнул рукой Маяковский. — Я приду завтра.

Глава девятнадцатая

На следующий день Владимир Владимирович опять приходил в Дом Герцена, но Сутырина снова не застал. Днем он позвонил Полонской в театр и предложил утром 14 апреля поехать с ним на бега.

— Нет, Владимир Владимирович, — скороговоркой ответила Полонская, — я уже пообещала поехать на бега с мужем и мхатовцами. Так что, извините.

Вопреки ожидаемому, Маяковский не стал настаивать. Он вяло поинтересовался, что она делает сегодня вечером?

— Вечером меня звали к Катаеву, — ответила Полонская. — Но я не поеду. Очень плохо себя чувствую.

Маяковский бросил трубку и больше не донимал. Вечером Вероника все-таки отправилась с мужем к Катаеву. Когда они приехали, Маяковский уже находился там. Он был очень мрачным и очень пьяным. Таким пьяным Вероника его еще никогда не видела.

Когда супруги вошли в комнату, Маяковский поднял на них глаза и изобразил подобие улыбки.

— Я был уверен, что вы здесь будите!

Вероника едва сдержалась, чтоб не наорать на него. Женщину разозлило, что он приехал ее выслеживать. Она села подальше от этого товарища, но он поднялся и пересел к ней поближе. Все с любопытством повернули головы, а Яншин сделал вид, что ничего не происходит.

— Почему ты не пришла вчера? — спросил он. — Ты же обещала.

— Плохо себя чувствовала, — прошептала Вероника.

— А я ждал.

— Да тише вы!

Народу было много. Объяснение замужней женщины с холостым поэтом вызвало большое любопытство. Все урядкой косились в их сторону. Маяковский, наконец, заметил, что своим обиженным басом вызывает всеобщий интерес. Он достал записную книжку и написал, что знает, почему она не пришла к нему. Она встречалась с Ливановым.

Вероника вспыхнула, выхватила карандаш и начала строчить в ту же книжку оправдания. Переписывались довольно долго. Яншин все видел и играл мускулами скул. Скандала уже было не миновать.

Неожиданно Маяковский поднялся, взял со стола бокал с шампанским и ушел в другую комнату. Полонская подумала, что сейчас она безболезненно может сказать ему то, чего требовали от нее чекисты, что их роман — ошибка, и что она не собирается из-за него разводиться с Яншиным.

Вероника пошла за ним в другую комнату и села рядом в соседнее кресло. Маяковский продолжал угрюмо прикладываться к бокалу. Веронике стало его жалко. Ладонь сама потянулась к его голове. Он отстранился и злобно произнес:

— Убери свои паршивые ноги.

Затем сощурил глаза и расплылся в пьяной улыбке.

— А хочешь, я сейчас пойду и расскажу всем, что ты спишь со мной.

Он начал подниматься с кресла, но Вероника удержала его за рукав.

— Не надо, Владимир Владимирович! Ведь я ни в чем перед вами не виновата. Ваши упреки обидны. Я вам никогда не изменяла.

Глаза Маяковского налились кровью.

— А с Ливановым?

— Ну что вы, в самом деле, Владимир Владимирович...

Только Богу известно, сколько сил понадобилось женщине, чтобы оставаться нежной и ласковой. Она со слеза-

ми на глазах просила его успокоиться, но он, словно уголь на ветру, распалялся еще больше.

— О, Господи! — с отчаянием вырвалось из него, и Вероника поняла, что его мысли сейчас далеко, а то, что он разыгрывает обиженного ревнивца, не более чем клоунада.

— Невероятно, — покачала головой Вероника. — Мир перевернулся! Маяковский призывает Господа! Вы разве верующий?

Маяковский сделался чрезвычайно серьезным.

— Ах, я сам теперь не понимаю, во что я верю!

После этих слов он вытащил из кармана браунинг и навел себе на грудь.

— Хотите, я сейчас застрелюсь? Прямо при вас?

— Застрелитесь, Владимир Владимирович, — заплакала Вероника. — Может, тогда у вас в голове что-то проявится.

Маяковский неожиданно направил пистолет на женщину.

— Сначала я застрелю вас.

Полонской все это надоело. Она поднялась и ушла из комнаты, оставив Маяковского наедине со своим пистолетом. Когда бедная женщина вернулась к гостям, Яншин поднял на нее вопросительные глаза.

— Пойдем отсюда! — шепнула она ему.

Супруги со всеми попрощались и направились в прихожую. Из другой комнаты вышел Маяковский, подошел к Веронике и прямо при муже сказал:

— Норочка, погладьте меня по голове. Вы все же очень, очень хорошая...

Из гостей за Яншиными, кроме Маяковского, увязался еще Регинин. Идти решили пешком.

Маяковский с Полонской шли впереди, Яншин с Регининым сзади. Маяковский снова сделался мрачным. Когда мужчины отстали, он неожиданно сказал:

— Сейчас самое время сказать Яншину о наших отношениях.

Веронику затрясло.

— Если вы скажите сейчас, то я вас возненавижу, — прошептала женщина, предчувствуя, что начинается истерика.

— Ненавидьте, — равнодушно ответил Маяковский. — А я все равно скажу. Прямо сейчас.

В ту же минуту он обернулся к Яншину и воскликнул:

— Михаил Михайлович!

— Что? — заинтересованно отозвался Миша.

— Нет. Потом!

Слезы брызнули из глаз Полонской.

— Перестаньте надо мной издеваться! Я сама все скажу ему.

— Когда? — спросил Маяковский.

— Завтра утром. И после этого сразу же приду к вам.

— Не надо приходить! Я за тобой заеду! Во сколько заехать?

— В половине одиннадцатого мы показываем пьесу Немировичу Данченко, — пролепетала Вероника. — Думаю, к часу мы закончим...

— Я приеду к тебе домой, а не в театр! — перебил Маяковский. — Завтра утром жди меня в восемь. К этому времени ты уже должна все рассказать Яншину.

Веронике ничего не оставалось, как согласно кивнуть. Компания распрощалась на углу. Когда супруги остались вдвоем, Яншин спросил с раздражением:

— Почему он так себя ведет с тобой?

— Да откуда же я знаю? — ответила Полонская. — Считает, что гениям позволено все.

Супруги хмуро подошли к дому. У подъезда Вероника увидела того самого молодого человека в черном пальто и серой кепке. Он сидел на лавочке неподалеку от дверей и курил. При виде появившейся пары парень поднял голову, и его глаза из-под кепки блеснули вопросительно. Сердце

обмерло. Женщина покосилась на мужа. Она поняла, что если завтра не скажет Маяковскому то, что от нее требуют, то этого ей не простят.

Глава двадцатая

Вероника не спала всю ночь. Когда утром в восемь утра она вышла из подъезда, Маяковский уже ждал. Поэт стоял около такси, курил папиросу и мрачно смотрел на окна. При виде женщины он оживился и широким шагом направился навстречу.

— Ты все рассказала? — спросил он, пытливо вглядываясь в глаза.

— Уедемте отсюда, — бросила Вероника в ответ.

Поэт схватил ее за руку и развернул к себе.

— Так ты сказала, или нет?

Женщина подняла глаза и умоляюще пролепетала.

— Я не смогла.

Маяковский нахмурился.

— Пойдем вместе и все расскажем.

Бедняжка вырвала руку и ринулась к такси:

— Не сейчас! Он еще спит.

Владимир Владимирович молча сел с ней на заднее сиденье и приказал везти на Лубянку. Сначала они молчали. Поэт угрюмо сопел, а Полонская обдумывала, как безболезненно сообщить ему, что это — их последняя встреча. Сказать и покончить с этим навсегда! В конце-то концов...

Актриса подумала, что нужно набраться решимости, и она будет, наконец, избавлена от этого кошмара. От этой мысли на душе потеплело. Вероника посмотрела в окно. Ничто не предвещало беды. Утро было прекрасным. Занимался яркий весенний день.

— Как хорошо, — неожиданно вырвалось из Полонской. — Замечательная апрельская погода.

Маяковский вопросительно повернул голову.

— Смотрите, какое солнце, Владимир Владимирович, — улыбнулась женщина. — Неужели у вас еще остались вчерашние глупые мысли? Давайте бросим все это! Забудем... Даете слово?

Взгляд Маяковского немного просветлел.

— Солнце я не замечаю, — пробасил он, — мне сейчас не до него. А глупости я бросил. Я понял, что не смогу этого сделать из-за матери. А больше до меня никому нет дела. Впрочем, обо всем поговорим дома.

— Только недолго, Владимир Владимирович, — попросила Вероника, озабоченно посмотрев на часы. — В половине одиннадцатого у нас репетиция с Немировичем-Данченко. Опаздывать нельзя.

Маяковский промолчал. Через десять минут такси завернуло на Лубянский проезд и остановилось у дома №3. Маяковский достал из кармана портмоне, чтобы расплатиться, но Вероника попросила не отпускать такси, потому что надолго ей задерживаться не желательно. Ее ждут в театре.

— Опять этот театр! — раздраженно бросил поэт.

Когда они поднялись в его квартиру, Маяковский, сняв пальто и шляпу, с ненавистью произнес:

— Как я ненавижу твой театр. Брось его к чертям! Неужели не видишь, что я не могу так больше! Я не пушу тебя на репетицию и вообще не выпущу из этой комнаты!

Он неожиданно запер дверь и положил ключ в карман. Затем жадно обнял Веронику. Женщина высвободилась из его объятий и строго посмотрела в глаза:

— Владимир Владимирович, отпирите дверь! Я поднялась к вам только для того, чтобы сказать, что мы с вами расстаемся, — выпалила Полонская. — Я поняла, что люблю только Мишу, и от него я никогда не уйду.

Маяковский остолбенел. В его глазах мелькнула такая растерянность, что Полонской стало его жалко. Однако отступать было поздно. Вероника вцепилась в ручку две-

ри и вопросительно посмотрела на хозяина. Пауза длилась более двух минут. Наконец он качнулся и вышел из оцепенения.

— Да, — произнес еле слышно. — Я бываю груб до безобразия. Я и сейчас сам себе мерзок. Но давай не будем об этом вспоминать. Я уже сжег эти мерзкие оскорбления, которые мы вчера писали в записной книжке.

Маяковский осторожно оторвал кисть возлюбленной от ручки двери, провел в комнату и усадил на диван.

— Я виноват. Прости.

Он сел на пол, обнял ее ноги и заплакал. Вероника сняла с него шляпу и провела ладонью по его жестким волосам.

— Ну что вы, в самом деле... Успокойтесь! Дайте, я сниму с вас пальто.

Поэт внезапно встал перед ней на колени и воскликнул умоляющим голосом:

— Не оставляй меня!

— Хорошо-хорошо, не оставлю! Только успокойтесь, Владимир Владимирович...

В эту минуту в дверь постучали. Маяковский очнулся, с тревогой посмотрел в глаза и подошел к двери.

— Кто? — спросил он.

— Локтев, — ответили за дверью. — Вы заказывали полное собрание Ленина?

Маяковский отпер дверь. Вошел веселый молодой парень со стопкой книг в руках. Он кинул взгляд на диван, на котором сидела женщина, и, застеснявшись, застрял на пороге.

— Куда поставить книги? — спросил он.

Хозяин, перекрыв собой доступ в комнату, указал на тахту, которая стояла неподалеку. Парень торопливо свалил на нее книги, бросил второй любопытный взгляд на актрису и юркнул в коридор.

Маяковский вернулся в комнату, заглянул госте в глаза и тихо произнес:

— Мое вчерашнее поведение было отвратительным. Мы оба вели себя пошло и недостойно. Но больше такое не повторится никогда.

Он принялся энергично расхаживать по комнате взад вперед.

— Если тебе тяжело объясниться с Яншиным, то я сам с ним поговорю, — произнес он голосом, не терпящим возражения. — А ты останешься здесь. Ждать квартиры — нелепость. Все, что тебе надо, я куплю. Вот сейчас я запроу тебя, и отправлюсь по магазинам.

— Мне нужно в театр на репетицию, — робко напомнила Полонская.

— Нет! — воскликнул Маяковский. — Сегодня на репетицию ты не пойдешь! Театр ты бросишь. Он не погибнет от твоего отсутствия. Я сегодня сам зайду в театр и скажу, что ты в нем больше не работаешь.

— Я не могу бросить театр! — возразила Полонская. — Театр — смысл моей жизни.

— Теперь я — смысл твоей жизни, — перебил Маяковский. — И ты — смысл моей жизни. И пусть тебя не пугает разница в возрасте. Я умею быть молодым и веселым.

Полонская поднялась с дивана и направилась к выходу.

— Мне пора, Владимир Владимирович. Я не хочу опаздывать.

Маяковский перекрыл ей дорогу и с отчаяньем впился в глаза.

— Значит, ты все-таки пойдешь на репетицию?

— Да, пойду, — твердо ответила Полонская.

— И с Яншиным увидишься?

— Да, увижусь.

— Ах, так! — вскричал Маяковский. — Тогда уходи! Уходи немедленно, сию же минуту!

Полонская дошла до двери и обернулась. Потом она будет жалеть всю оставшуюся жизнь, что не сразу покинула комнату, хотя это вряд ли бы что-то изменило. Маяков-

ский смотрел ей вслед с какой-то жуткой улыбкой. Вероника произнесла дрогнувшим голосом:

— Вы что же, Владимир Владимирович, даже не проводите меня напоследок?

Маяковский отрицательно покачал головой и спросил:

— У тебя есть деньги на такси?

— Нет.

Он медленно приблизился, торопливо сунул ей в карман 20 рублей и вдруг достал из кармана пистолет. Вероника попятилась.

— Вы что, Владимир Владимирович?

Маяковский с той же странной улыбкой ответил:

— Теперь я свободен от всего, в том числе и от жизни.

Он направил пистолет себе в грудь, но Вероника с визгом вцепилась в его руку:

— Не делайте этого! Они только этого и ждут, — закричала она!

— Кто, они? — вытаращил глаза Маяковский.

Вероника ухватила за пистолет и закричала:

— Спасите!

Непонятно каким образом ей удалось вырвать у него оружие. Но факт есть факт. Вероника с пистолетов в руках и с воплем «спасите!» кинулась из квартиры вон. Оказавшись в подъезде, она понеслась вниз по лестнице и почти добежала до дверей парадной, но тут услышала сзади громкий хлопок. Сердце окончательно провалилось в пустоту.

В это время в дом вошел почтальон. Это был двадцатилетний рабфаковец Тимофей Сигалаев. Он спросил, чем так напугана женщина? Когда же заметил в ее руке оружие, отшатнулся. Вероника торопливо сунула пистолет в карман, и, не помня себя, побежала обратно. Может, она ослышалась? Может, это стрельнуло в висках? Может, ничего не произошло?

В коридоре не было ни единой души. Комната Маяковского было приоткрыта. Полонская на цыпочках подкра-

лась к двери. В нос ударил запах пороха. Женщина заглянула в комнату и вскрикнула. На ковре, раскинув руки, лежал Маяковский. Над ним висело сизое облачко дыма. Ноги у Вероники подкосились. Она испуганно приблизилась к нему. Он шевелился. Его глаза были открытые. На груди зияло крошечное кровавое пятнышко.

— Что вы сделали? Что вы сделали? — зарыдала женщина.

Маяковский смотрел прямо на нее и силился приподнять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но его глаза уже были где-то очень далеко. Затем его голова бессильно упала на ковер, и лицо стало бледнеть. В комнату кто-то заглянул и испуганно вскрикнул. В коридоре послышалась возня. Через некоторое время в помещение вошли соседи. Кто-то начал причитать, кто-то звонить по телефону. Незнакомая женщина тронула Веронику за плечо.

— «Скорая» выехала! Бегите встречать!

Плохо соображая, Вероника выбежала во двор и сразу увидела въезжающую с улицы карету. Она вскочила на ступень машины и указала, к какому подъезду нужно подъехать. Когда женщина с врачами «скорой» забежала в комнату, кто-то сокрушенно произнес:

— Поздно! Умер.

Глава двадцать первая

Через восемь лет Полонская опубликует воспоминания. Она напишет, что ее полнейшее отчаяние по поводу самоубийства Маяковского привело ее к какому-то тупому безразличию, а, кроме того — к безвозвратным провалам в памяти. Возможно, эти провалы в памяти и объясняют кардинальную разницу между ее мемуарами и показаниями, которые она дала народному следователю Ивану Сырцову. В воспоминаниях она уверяет, что согласилась стать

женой Владимира Маяковского и пообещала навсегда вернуться к нему после репетиции. Под протокол следователю она скажет, что заявила Маяковскому о разрыве отношений между ними и о том, что она никогда не собиралась ради него расставаться с мужем.

Вернемся в тот день. Еще до приезда следственной группы в квартиру №12, в которой лежало распластанное тело Маяковского, вошли трое мужчин. В одном из них Вероника узнала Агранова. Двое других, тоже были сотрудниками ОGPU — оперуполномоченные того же секретно-политического отдела Третьяков и Кольцов. Чекисты попросили выйти всех, кроме Полонской. Они внимательно осмотрели труп, после чего Агранов спросил у Вероники:

— Он застрелился на ваших глазах?

— Нет! — затрясла головой Полонская. — Он направил на себя пистолет, но я вырвала его и убежала. А потом раздался выстрел. Я не знала, что у него есть еще один пистолет.

Вероника достала из кармана браунинг и протянула Агранову. Все трое изумлено переглянулись. Агранов хорошо подумал, прежде чем забрал у нее оружие. Он спрятал его у себя в кармане и назидательно произнес:

— А вот этого, Вероника Витольдовна, вам делать не следовало.

Чекист двумя пальцами поднял с пола карманный маузер, который лежал между раздвинутыми ногами поэта, понюхал ствол и вытащил из ручки обойму.

— Не вздумайте сказать следователю, что в ваших руках был его браунинг, — проинструктировал Агранов. — Скажите, что вообще не видела никакого пистолета. Разругались и ушли. А когда дошли до двери, услышали выстрел.

— Но мы не ругались! — заплакала Полонская. — Я только сказала, что не хочу бросать театр...

Убедившись, что обойма пуста, Агранов осторожно положил пистолет на прежнее место. В это время сидевший на корточках Кольцов указал начальнику на лицо поэта.

— Яков Саулович, посмотрите, у него сломан нос, — произнес он.

— Значит, сразу после выстрела он упал лицом на пол, — прищурился Агранов. — Вы его переворачивали на спину, Вероника Витольдовна?

— Нет! — затряслась Полонская. — Когда я вбежала в комнату, он лежал на спине. Он был еще жив.

— Понятно, — оборвал Агранов. — Значит, сам перевернулся. Он лежал именно так, как сейчас?

— Нет! Ногами к двери.

— Кто же его перевернул? — удивился Кольцов.

— Соседи, — ответил Вероника. — Чтобы не выносить его вперед ногами, когда приедет «скорая».

— Как же так можно? — покачал головой Агранов. — Не дождавшись экспертов.

— Но никто не думал, что он умрет, — заплакала Вероника.

Вскоре приехала следственная группа. Криминалисты осмотрели пистолет, сфотографировали труп и место происшествия.

— Труп расположен головой к входной двери, — начал диктовать криминалист для записи в протокол. — Голова несколько повернута вправо, глаза открыты, зрачки расширены, рот полуоткрыт. Трупного окоченения нет.

С тела Маяковского сняли рубашку и снова сфотографировали. Криминалист продиктовал:

— На груди на 3 см выше левого соска имеется рана округлой формы, диаметром около двух третей сантиметра. Окружность раны в незначительной степени испачкана кровью.

После этих слов Маяковского бесцеремонно перевернули.

— Выходного отверстия нет, — продолжил криминалист. — С правой стороны на спине в области последних ребер под кожей прощупывается твердое инородное тело, незначительное по размеру.

На этих словах Вероника рухнула в обморок. Когда ее привели в чувства, она услышала только последние слова эксперта.

— В револьвере нет ни одного патрона. С левой стороны от трупа на расстоянии туловища лежит пустая стреляная гильза от револьвера системы маузер указанного калибра.

На этих словах Агранов переглянулся с Кольцовым. Чекистов удивило, что эксперт называет пистолет револьвером. «Ох уж эти полуграмотные народные криминалисты», — подумал Агранов. Однако поправлять не стал. В свою очередь от внимания следователя не ушло, что чекистов встревожила запись в протокол о том, что поэт застрелился из револьвера системы маузер калибра 7,65 № 312045.

Потом, когда сотрудники госбезопасности вышли на улицу, Кольцов спросил у начальника:

— Маузер был зарегистрирован Маяковским?

— Нет, — ответил Агранов. — Нужно зарегистрировать задним числом. Лучше 1928-м годом. Займись! Маузер вопросов не вызовет. Вызовет вопросы пуля, сидящая у него в области последних ребер с правой стороны. Ведь пуля от браунинга.

— Браунинг можно потом приложить к делу, а маузер изъять, — пожал плечами Третьяков.

— Так и сделаем, — согласился Агранов. — Думаю, следователь закроет на это глаза.

Когда Агранов со своими сослуживцами выходил со двора, к ним обратился стоявший в оцеплении постовой. Он доложил, что к следователю рвется местный почтальон Тимофей Сигалаев, который, якобы, после выстрела видел

на лестнице женщину с пистолетом в руках. Агранов нахмурился:

— Этого еще не хватало! Где он? Ведите его ко мне!

Через час в редакции газеты «Звезда» главный редактор вызовет к себе репортера, который выезжал на происшествие.

— Ты не ошибся? Маяковский застрелился именно из револьвера системы маузер калибра 7,65 мм, — спросил его редактор.

— Нет, не ошибся! Я списал слово в слово из протокола, — пожал плечами репортер.

— Но у револьвера системы маузера нет такого калибра, — недоуменно выгнал брови редактор. — Есть только револьвер калибра 9 мм.

— Но так записано в протоколе! — развел руками репортер.

— Понятно! — вздохнул редактор. — Ох уж эти народные следователи. Не могут различить марки револьверов. Такой калибр только у револьвера системы наган. Скажи корректору, чтобы переправил маузер на наган. «Застрелился из револьвера системы наган!»

Поздно вечером Вероника возвратилась домой. Она еще не отошла от потрясения, и была измучена допросами. Когда женщина переступила порог квартиры, ее качало. О гибели Маяковского уже знала вся Москва, как, впрочем, и о том, что он застрелился после выяснения отношений с любовницей. Яншин посмотрел жене в глаза и угрюмо произнес:

— Что же ты меня так бессовестно обманывала? Ты все-таки была его любовницей...

— Не по своей воле! — затрясла головой Вероника. — Я выполняла задание. Я тебе сейчас все расскажу...

Глава двадцать вторая

После того, как на следующий день в газете появился официальный некролог, подписанный группой друзей поэта, в которую входили Агранов, Эльберт, Горб и еще с десяток сотрудников ОГПУ, по Москве расползлись слухи, что Маяковский застрелился из-за сифилиса, который подцепил в Париже. В некрологе было написано, что к самоубийству известного поэта привела «стремительно развивающаяся болезнь».

Эти слухи привели в ужас бедного мужа Полонской. Честно говоря, Вероника и сама пришла в ужас. И не только она. Глава ВОАПП Владимир Сутырин, сообразив, что причина самоубийства Маяковского может бросить тень на все объединение пролетарских писателей, потребовал официального вскрытия, заявив, что эти слухи приползли из 1918 года. Агранов делал все возможное, чтобы как можно быстрее похоронить поэта. Он даже настаивал на том, что бы его придали земле без всякого вскрытия до возвращения Бриков. Понятно, что чекист не хотел привлечь внимание к пуле, находящейся в теле самоубийцы. Ведь она была выпущена не из родного пистолета.

Однако вторую половину семьи поэта решили дождаться, чтобы не вызвать лишних сплетен. А тем временем патологоанатомы произвели вскрытие тела и не обнаружили никаких следов Парижской болезни. Таким образом, злопыхательные слухи были опровергнуты.

Шестнадцатого апреля Брики возвратились в Москву. Первой, кому позвонила Лиля Юрьевна по прибытию из-за границы, была Полонская. Первейшая муза пригласила актрису к себе в Гендриков переулок. Вероника отправилась к ней вместе с мужем, хотя и понимала, что ее приглашали одну.

Атмосфера в доме Бриков была невыносимо тяжелой. Кроме приехавших из европейского путешествия супругов, за столом в гостиной сидели несколько мужчин. Среди них Вероника узнала Агранова, который, сделал вид, что они не знакомы. Как и предполагала Полонская, появ-

ление Яншина вызвало большое недовольство среди присутствующих. Все гости хмуро уставились на него. Вероника поняла, что напрасно взяла его с собой, но поправить уже было нельзя. Лиля Юрьевна поднялась и сказала, что хочет поговорить с гостьей наедине. Она увела молодую женщину в другую комнату и сразу набросилась на нее.

— Ты едва не сорвала операцию! Ты уговаривала Маяковского уехать в Ялту! Ты не пошла к нему двенадцатого апреля! Ты вырвала у него из рук пистолет.

— Но я не хотела, чтобы он застрелился!

— Ты хотела, чтобы он перебежал к врагам и весь мир злопыхал? Ты хотела, чтобы в умах граждан посеялись мысли, что если певец революции отступил от советских идеалов, значит, идеалов уже нет?

— Не правда! Он не отступил от идеалов.

— Так вот, знай: стране лучше, если он умрет верным революционным идеалам, нежели отступит от них.

Полонская заплакала. Лиля Юрьевна протянула ей платок и произнесла более мягким голосом:

— Ты упомянута в завещании, но на его наследство не рассчитывай! И еще, на похоронах тебе лучше не появляться.

— Почему?

— Своим присутствием ты отравишь его родным последние минуты прощания. А теперь пойдем. Сейчас зачитают завещание.

Женщины вернулись в комнату. Агранов взял со стола лист бумаги и начал читать. Приготовившаяся рыдать Полонская за все время чтения не проронила ни слезинки. Напротив, некоторые места в предсмертном письме Маяковского вызвали недоумение.

— Всем! В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил, — начал читать Агранов. — Мама, сестры и товарищи, простите, — это не способ (другим не советую) — но у меня выходов нет. Лиля — люби меня!

Агранов кашлянул, Полонская метнула взгляд на Лилию Юрьевну и подумала, что он все-таки любил только ее, если так отчаянно взывает к ней. Еще Полонская подумала, что возможно он взывает к ней от отчаянья, потому что она, Вероника, его отвергла.

— Товарищ правительство, — торжественно продолжил Агранов, — моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.

Женщина вздрогнула. Метнула испуганный взгляд на мужа и опустила глаза.

— Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо. Начатые стихи отдайте Брикам. Они разберутся. Как говорят — инцидент исчерпан, любовная лодка разбилась о быт. Я с жизнью в расчете, и не к чему перечень взаимных болей, бед и обид. Счастливо оставаться!

Вероника растерянно обвела глазами присутствующих. Их лица были серьезными, как никогда. «Если это подделка, то очень грубая, — подумала женщина. — Он не мог успеть написать такое длинное письмо, да еще вплести стихотворение».

Но когда огласили дату, Вероника задумалась еще глубже. Если он написал это 12-ого апреля, то почему не сочинил настоящего стихотворения, а вплел какую-то старую заготовку про «любовную лодку», которую он, помнится, уже зачитывал. Да и посвящена она была, кажется, Яковлевой, а не ей. Нет! На Маяковского это решительно не похоже. И еще Веронику удивило, что в перечень своей семьи Маяковский назвал Лилию первой, а ее последней, хотя он и писал письмо 12 апреля. А о матери с сестрами он почему-то вспомнил после Лили. Разве так бывает? Говорят, перед смертью первым делом вспоминают о матери.

Практически всем наследством Маяковского завладела Лилия Юрьевна, которая юридически была женой Осипа Максимовича, а поэту никем. Матери с сестрами досталась ничтожная шестая часть. Кроме всего литературного

наследия поэта Лиле Брик досталась еще та самая кооперативная квартира в писательском доме, в которую Маяковский намеривался въехать с Полонской.

Что касается самой Полонской, то ей, несмотря на то, что она была упомянута поэтом с полным именем и отчеством в качестве состава семьи, не досталось ничего. Хотя по поводу получения наследства ее вызывали в Кремль. С Полонской разговаривал работник ВЦИК товарищ Шибайло:

— Вот, Владимир Владимирович сделал вас своей наследницей, — произнес Шибайло нехотя. — Как вы на это смотрите?

— Это не простой вопрос, — ответила Вероника. — Тут надо разобраться.

— А чего тут разбираться, — раздраженно развел руками кремлевский товарищ. — Может быть, вы хотите путевку куда-нибудь?

Когда Вероника потом пересказала свой разговор с чиновником Лиле Юрьевне, та возмущенно пожала плечами:

— Как же ты можешь получать наследство, если ты при всех отказались от Володи. Ведь ты даже не пришла на его похороны!

Полонская онемела. Ведь Лиля Юрьевна сама же и посоветовала ей не приходить на похороны.

После этого актриса больше не заикалась о наследстве и никогда на него не претендовала. А первейшая муза и главная наследница поэта через шесть месяцев после его похорон вышла замуж за крупного военначальника Виталия Марковича Примакова.

ЭПИЛОГ

Внезапная смерть Маяковского, безусловно, устраивала власть и избавляла Кремль от многих хлопот, которые мог принести поэт революции своей непредсказуемой тягой к

белогвардейским женщинам. Когда о самоубийстве поэта доложили Сталину, он нахмурился и жестким взглядом впился в секретаря. Однако после того как секретарь зачитали предсмертное письмо Маяковского, суровые морщины отца народов разгладились, и он удовлетворено кивнул головой:

— Мне все понятно.

Пожалуй, Сталин был единственным человеком, который понял, кому в первую очередь адресовано предсмертное письмо Маяковского и ради чего оно вообще писалось. «Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо».

В этих строках Маяковский обращался непосредственно к Сталину и просил не преследовать его близких за участие в заговоре, потому что в наказание за отступничество он решил заплатить самой высокой ценой — жизнью. «Мама, сестры, товарищи, простите!» Все думают, что Маяковский попросил прощения за свой уход из жизни. Он просил прощение за то, что принял сторону оппозиции и в той же строке никому не советовал поступать так, как поступил он, иначе «выходов нет».

— Надеюсь, гибель Маяковского многим послужит уроком, — сказал Сталин и поинтересовался, кто ведет следствие?

— Народный следователь Иван Сырцов? — вытянулся по струнке секретарь.

Сталин удивленно выгнул брови:

— Сырцов? Он родственник нашего наркома?

— Нет! Однофамилец.

— Вы сказали, что он из Бауманского района. Но это соседний район. Почему поручили именно ему?

— На этом настоял товарищ Агранов.

Сталин сощурился и вдруг расплылся в понимающей улыбке.

— Ах, вот оно что? — произнес он хитро. — А народному комиссару товарищу Сырцову уже доложили о самоубийстве Маяковского?

— Нет еще!

— Доложите. И упомяните, что следствие ведет его однофамилец. Пусть задумается над такой случайностью.

Итак, в поединке за Маяковского между властью и оппозицией победила власть. Через семь месяцев после этого заговор Сырцова будет раскрыт. Формально заговорщиков сдаст Ломинадзе. На самом деле Ломинадзе вынудят написать докладную, поскольку приближался пленум, на котором Сырцов планировал поставить вопрос об отстранении Сталина от руководства.

Заговорщиков вывели из состава ЦК и отправили на менее ответственные должности. В 1930 году глава партии еще не осмеливался так круто расправляться с неудобными, потому что еще не был уверен в собственной силе и в верности избранного курса. Это уже к 1936 году, когда страна набрала силу, отец народов принялся бесцеремонно расправляться с несогласными.

После раскрытия заговора Тухачевского, кремлевский горец безжалостно расправился и с бывшими заговорщиками Сырцова, даже с теми, которые не давали прямого согласия на поддержку оппозиции. Верхушка заговорщиков, в которую, кроме Сырцова, входили Ломинадзе, Шацкий, Резник и другие, была расстреляна в 1937 году. В том же году были расстреляны и наши знакомые чекисты, занимавшие нейтральную позицию, — Агранов, Горб, Бокия, Эльберт и прочие. Год спустя будет расстрелян и Блюхер, которого заговорщики планировали на пост верховного главнокомандующего страны. Он будет обвинен в организации пятого по счету заговора против Сталина.

Как известно, раскрытие заговора Тухачевского началось с ареста Виталия Примакова, того самого, за которо-

го вышла замуж наша героиня, названная в честь возлюбленной Гете.

Именно Примаков выдал ОГПУ всех козырных военачальников, участвующих в четвертом по счету заговоре против советского вождя. В расстрельные списки попала и сама Лиля Юрьевна, но Сталин, который прекрасно знал, кому он обязан выявлению заговорщиков, лично вычеркнул ее из списков. За год до ареста Примакова Лиля Юрьевна написала Сталину письмо, в котором попросила увековечить Маяковского во всенародной памяти изданием его полного собрания сочинений. Письмо от Брика передали Иосифу Виссарионовичу лично в руки, минуя секретаря Поскребышева, что свидетельствовало об особых отношениях между ними. Прочтя послание, отец народов тут же наложил резолюцию:

Тов. Ежов, очень прошу вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличное отношение к его памяти и произведениям — преступление. Жалобы Брик, по-моему, правильны. Свяжитесь с ней или вызовите ее в Москву. Привлеките к делу Таль и Мехлиса и сделайте, пожалуйста, всё, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов.

Привет! И. Сталин

Многие называют этот поступок Лили Юрьевны гражданским подвигом. Но через год наша героиня совершила еще более патриотический акт. Во имя социалистических идеалов отреклась от своего законного мужа Виталия Примакова. После его расстрела она вышла замуж за литературоведа Катаняна, с которым потом прожила сорок лет.

Первейшей музе страны было суждено прожить длинную жизнь. Она намного пережила своего первого и самого главного супруга Осипа Максимовича, который скон-

чался от сердечного приступа на пороге собственной квартиры в 1945 году.

Спустя тридцать три года, в 1978 году Лиле Юрьевне приснился престранный сон. Маяковский пришел к ней в гости в московскую квартиру, сел на кровать и, достав из кармана свой любимый браунинг, принялся им весело поигрывать.

— Зачем ты застрелился, Володенька, — спросила во сне Лиля Юрьевна. — Разве ты не знаешь, что самоубийство — самый тяжелый грех, и что самоубийцы попадают на самое дно ада?

Маяковский рассмеялся и спросил:

— Неужели ты стала верить в Бога, Лиличка? На тебя это решительно не похоже. Впрочем, это не важно. Важно другое: ты закончишь так же, как и я. Так что мы встретимся с тобой на том самом дне.

На этих словах Лиля Юрьевна проснулась. Все ее тело было мокрым от ледяного пота. Сердце бешено колотилось, воздуха не хватало. «Мне снился сон, но это был не сон», — откуда-то пришла строчка из Байрона.

— Встретимся на дне ада, — прошептала она. — Боже, какой бред...

Через несколько дней Брик утром поднялась с кровати, неловко подвернула ногу и, не удержавшись, упала на пол. От падения у нее переломилась шейка бедра. Перелом не срастался. Ей предложили ампутацию, но от нее Лиля Юрьевна категорически отказалась.

4 августа 1978 года она приняла горсть нембутала и наутро не проснулась. Это произошло на восемьдесят седьмом году ее жизни. В своем завещании Лиля Юрьевна попросила сжечь ее тело, а пепел развеять над Звенигородом, поскольку она очень боялась, что над ее могилой надругаются. Через четыре дня, 8 августа того же года, ее последнее желание было исполнено.

Долгую жизнь прожила и Вероника Витольдовна. Она тихо умерла на восемьдесят шестом году жизни в 1994

году, практически забытой, как актриса. Младшая сестра Лили Эльза Триоли скончалась в 1970 году на семьдесят четвертом году жизни, пережив обоих своих мужей: офицера Андре Триоле и поэта Луи Арагона. В отличие от Полонской Эльза умерла прославленной французской писательницей, лауреатом престижной Гонкуровской премии.

Так получилось, что книгу актера Евгения Леонова «Письма к сыну» я прочел уже после его смерти. Когда я дошел до его отчаянного восклицания «сын, ты главное люби меня!», меня словно прострелило. Это напомнило предсмертное отчаянье Маяковского: «Лилия — люби меня!» Неожиданно я понял, почему Евгению Павловичу была близка поэзия Маяковского. Оказывается, всеобщему народному любимцу, так же, как и громкому российскому поэту, всю жизнь не хватало любви.

